

Описание Уральского рыболовства ^a

ВВЕДЕНИЕ

По самой сущности предмета, исследование которого поручено мне, как сами изыскания мои, так и отчет о них распадается на четыре главных отдела:

1) На исследование естественных условий реки Урала и прилегающей к ней части моря, которые существуют в настоящее время, и тех изменений, которые они претерпели в недавнее время или и теперь еще претерпевают.

2) На естественно-исторические заметки о рыбах, живущих в Уральских водах.

3) На описание существующих в Уральских водах видов рыболовства, с означением употребляемых на них способов и орудий лова, способов хранения и приготовления рыбы и выделки из нее продуктов, найма рабочих, наконец, внутренней продажи, то есть того, как рыба и получаемые из нее продукты переходят от ловцов в руки торговцев, для внешнего уже сбыта, одним словом – описание Уральского рыбного хозяйства.

4) На статистику Уральского рыболовства в тесном смысле этого слова, т. е. результаты Уральского рыбного хозяйства, как то: ежегодные уловы за сколь возможно длинный ряд годов, как общие, так и по различным видам рыболовства; распределение уловов между казаками; цены на продукты рыболовства и пути их сбыта; наконец сумма дохода, доставляемого Уральским рыболовством, а также и ежегодные на него расходы*.

I. ЕСТЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ УРАЛА И ПРИЛЕГАЮЩЕЙ К НЕМУ ЧАСТИ МОРЯ

Река Урал на всем протяжении своем, от Уральска до Гурьева, течет по ровной глинистой степи нешироким руслом, имеющим в верхней части не более 50-ти сажень, у Гурьева же в обыкновенную воду до 80, а при половодье до 100 сажень ширины. На всем этом пространстве она принимает в себя, с правой стороны, лишь две реки: одну, впадающую у самого Уральска, — *Чаган*, другую – того же имени, но еще гораздо меньшую, у Чаганской станции, в 34-х верстах ниже Уральска. С левой стороны не впадает в Урал на этом пространстве ни одной реки. Но зато он выпускает из себя много рукавов, которые, протекши несколько, опять в него же вливаются. Такие рукава Урала

* Статистика Уральского рыболовства войдет в состав пятого тома настоящего издания.

называются *старицами*, как бы потому, что они были некогда главными руслами его. Некоторые из этих стариц имеют только одно сообщение с рекой, другие же два: исток и устье. Эти последние называются *полуусыми старицами*; через пересыхание одного из соединений их с Уралом они обращаются в *простые*. Озеровидные расширения этих стариц называются *котлубанями*. В обыкновенном разговоре смешивают эти старицы с черными речками, под которыми собственно должно понимать реки, текущие из степи в Урал, как, например, Чаган, или текущие по степи и впадающие в озера и топи, как, например, *Чижи* и *Анкаты*. Самая значительная из стариц – *Сарайчик*, отделяющийся от Урала в 2-х верстах выше Сарайчиковской крепости (в 48½ верстах выше Гурьева) и впадающий в него немного повыше Новосорочинского форпоста (в 38 верстах выше Гурьева).

Самый берег Урала нигде не высок. Где глинистая степь подходит к нему, там он ее обмывает и образует яры, которые, однако, и вблизи Уральска редко достигают до 3-х сажень высоты, в нижней же части от крепости Горской обыкновенно менее 2-х сажень. Только в одном месте – у Лбищенского форпоста (в 116 верстах ниже Уральска) небольшая возвышенность степи – бугор, на котором он и построен, обмывается вдающимся коленом Урала и образует яр сажень в пять вышиной. На большей части протяжения Урала он подходит к глинистой степи лишь вдающимися углами своих крутых колен, которых он делает очень много, так как течение его чрезвычайно извилисто. За исключением же этих вдающихся углов, он, на пространстве от Уральска до Зеленовского форпоста (118½ верст выше Гурьева), окаймлен низменной полосой в несколько верст шириной, ежегодно заливаемой и поэтому покрытой богатой травяной растительностью и лесом, состоящим из трех древесных пород: белолиственной ивы (*Salix alba* L.), осокори (*Populus nigra* L.) и тополя (*Populus alba* L.). Лес этот с половины дороги между Гурьевым и Уральском делается совершенно сплошным. Эта низменная полоса, окаймляющая Урал, имеет поверхность чрезвычайно неровную. Она вся изрезана ериками, рывинами, котлубанями и старицами, которые все более или менее долго сохраняют в себе воду после разлития Урала. Ниже Зеленовского форпоста низменная полоса эта не столь уже резко отличается от остальной степи, ибо, начиная от него, в годы сильных разливов, вся степь на значительную ширину сливается под одну водную скатерть, которая идет вплоть до Каспийского моря. Вода эта скоро стекает, не оставляя по себе других следов кроме растительности более сильной и свежей, чем в части степи, не заливаемой водой, где, как и в приволжской степи, господствуют полыни и солянки, характеризующие сухую не слишком соленую почву, как, например, *Anabasis aphylla* L. В этой заливаемой части степи нет, как в низовьях Волги, ильменей, которые наливались бы

вешней водой и сохраняли ее до следующего года; через нее проходят только несколько углубленные лощины, сохраняющие в себе воду некоторую часть лета. Это – последние следы рукавов, на которые разветвлялся Урал перед своим впадением и которые один за одним пересыхали.

Если проезжать по почтовой дороге из Гурьева в Уральск или обратно, то легко составить себе понятие, что и Урал, подобно Волге, имеет свою нагорную и свою луговую сторону, хотя различие в возвышении обоих берегов и далеко не так значительно, как на Волге. В самом деле везде, где приходится видеть Урал, там правый берег обрывист и крутояр, левый же полог и образует песчаные косы. Но это отношение между обоими берегами лишь кажущееся и зависит от двух следующих обстоятельств: 1) Где правый берег низмен, т. е. где и с правой стороны Урал окаймлен низменной полосой, описанной выше, там, вследствие весенних разливов и упомянутых мной неровностей почвы, дорога была бы очень дурна, а потому и проложена она далее внутри степи, следовательно вдали от Урала. 2) Урал очень извилист; следовательно дорога, не могущая следовать за всеми его излучинами, пересекает их диагонально и подходит к реке лишь в тех местах, где образуемые ею колена углом вдаются в правый берег, который, будучи подмываем водой, очевидно должен быть обрывист. Левый же берег, углом вдающийся в реку, образует низменную песчаную косу. Углов же колен, вдающихся в левый берег, где должно существовать обратное отношение между берегами, при проезде по почтовой дороге, видеть нельзя.

Дно Урала от Уральска до Горской крепости песчаное, ниже же Горской становится все более и более глинистым и иловатым. Каменистых гряд в нем ниже Уральска решительно нет, что можно видеть уже и по берегам его, которые в крутоярных местах глинисты, в низменных же песчаны. В двух местностях, и по общим соображениям и по некоторым рассказам, можно было ожидать каменистого дна: именно у Горской крепости напротив Индерских гор и в 7 верстах ниже Уральска, где весьма близко к реке подходит меловой кряж. Обе местности были мной посещены. У Горской я в двух местах переправлялся через Урал и не нашел и признаков камней ни на дне, ни у берегов. Собственно же Индерские горы, состоящие преимущественно из гипса, начинаются не ближе, как в верстах 5 или 6 от Урала. Тамошние жители также единогласно утверждали, что на дне нет камней. Меловой же кряж пониже Уральска составляет невысокий холм, который близко, правда, подходит к Уралу, но который, однако же, в него не вдается мысом и водами его не омывается, а отделен от реки неширокой низменной полосой земли. В весенние разливы вода должна подходить к самому меловому холму и отрывает, может быть, от него куски мела, которые, около этого места, иногда попадают в Урале;

но дно реки и в этом месте не меловое, а песчаное, и меловой кряж тут же на правой стороне, не доходя до Урала, и оканчивается, вовсе не переходя на левый – Азиатский берег реки.

Выше Уральска характер течения Урала мало-помалу изменяется. Уже верстах в семи от Гниловского форпоста, – первой станции от Уральска по Оренбургской дороге, – берег Урала состоит из плитняка, который составляет и дно реки в этом месте. Верстах же в ста от Уральска, начиная с Бородинского форпоста, по дачам Илецких казаков, все дно Урала состоит из мелких камней, представляя самые удобные места для метания икры красной рыбой.

В настоящее время Урал течет до самого Гурьева одной трубой, если не считать так называемых стариц, и только ниже этого места начинает делиться на рукава. Верстах в четырех ниже Гурьева отделяется от Урала слева *Перетаска*, которая, после каких-нибудь пятидесяти сажень нераздельного течения, выпускает из себя слева же рукав, называемый *Алексашкиным прораном*, самый восточный из нынешних рукавов Урала. Он весьма узок, местами не шире трех сажень, местами же доходит до десяти. Оба берега его на всем протяжении, за исключением самого начала, поросли густым и высоким камышом. Обыкновенная глубина его 6 фут и редко доходит до 7. Перетаска и Алексашкин проран впадают в морской залив, известный под именем *Белого ильменя*, который весьма мелок и почти совершенно зарос водяными растениями.

Возвращаясь с поездки на Гранный бугор, я ехал им и, несмотря на нагонный ветер, в некоторых местах весьма извилистого фарватера было не более 2-х фут глубины, так что казаки, чтобы провести кусовую, должны были сходить в воду, которая доходила им не выше колен. Этим проездом по Белому ильменю и Алексашкину прорану я был обязан единственно необыкновенному искусству и знанию местности нашего кормщика Павла Голубова*, так что, по приезде нашем в Гурьев, даже верить не хотели, что мы прошли Белым ильменем и Алексашкиным прораном на довольно большой полупалубной морской лодке. По Алексашкину прорану, по причине его узости, рыболовства вовсе не производят, по Перетаске же плавают сетями до самого Белого ильменя, а зимой тянут неводами, как и по прочим рукавам Урала.

* Мне не раз придется упоминать о Павле Голубове и я должен здесь заметить, что я почерпнул очень много сведений, как об Уральском рыболовстве, так и о реке Урале и о северо-восточной части Каспийского моря от этого умного, сведущего и по его званию необыкновенно образованного казака. Он был во всех экспедициях г. Карелина по Каспийскому морю и был на Аральском море для заведения там рыболовства. На все мои расспросы он всегда отвечал ясно и отчетливо и, что весьма редко, я не замечал преувеличений в его рассказах.

Ниже Перетаски отделяется от Урала *Большая Золотинка*, после чего Урал уже получает название *Яицкого устья*. Оно соединяется с Большой Золотинкой тремя небольшими протоками, именно: *Курилкиным ериком*, *Малой Золотинкой* и *Поперечным ериком*. Этот последний течет из Золотинки в Яицкое устье, прочие же из Яицкого устья в Золотинку. В не очень еще давнее время, у впадения Поперечного ерика, было уже море; теперь же Яицкое устье течет еще версты с три и перед впадением разделяется на два рукава: *Большое Яицкое устье* (самое западное из теперешних устьев Урала, оно же и главное) и *Малое Яицкое устье*.

Большая Золотинка, выше отделения от нее справа Поперечного ерика, выпускает слева *Бухарку*, при самом же отделении этого ерика она разделяется на два рукава: *Новое Золотинское устье*, которое лежит западнее и по которому теперь ездят, и *Старое Золотинское устье*, которое подразделяется на четыре узких и мелких устья, совершенно обсыхающих при выгонных ветрах и даже в моряну имеющих не более фута воды. Широкое плёсо, у которого начинается это разделение Большой Золотинки на три рукава (Старая Золотинка, Новая Золотинка и Поперечный ерик), лет 20 тому назад было морем, теперь же по Новой Золотинке еще версты три до него. Следовательно разделение Золотинского устья на старое и новое, подобно тому как и разделение Яицкого устья на большое и малое, образовалось лишь в недавнее время. Несколькими саженями ниже Поперечного ерика выходил из Большой Золотинки еще один ему параллельный ерик, также текший в Яицкое устье. Теперь он совершенно зарос, так что почти и следов его не видно.

Ниже отделения от Урала Большой Золотинки и выше впадения в него Поперечного ерика, видны и теперь еще следы старого русла Урала, которое впадало в море западнее теперешнего большого Яицкого устья; теперь его совершенно затянуло.

Таким образом, в настоящее время все постоянно текущие устья Урала впадают в море восточнее Стрелецкой косы и от запада к востоку суть следующие: 1) *Большое Яицкое*, 2) *Малое Яицкое*, 3) *Новое Золотинское*, 4) *Старое Золотинское*, подразделяющееся на 4 рукава, в котором вода бывает лишь в моряну и которого поэтому собственно нечего и считать, 5) *Бухарка*, 6) *Перетаска* и 7) *Алексашкин проран*. Яицкое устье и Большая Золотинка, до подразделения их на два рукава, соединены между собой тремя ериками: *Курилкиным*, *Малой Золотинкой* и *Поперечным*. В Алексашкином проране видны теперь еще следы одного ерика, который из него выходил с правой стороны и несколько пониже в него же и впадал. От крайнего западного устья (Большого Яицкого) до крайнего восточного (Алексашкина прорана) по морю будет около десяти верст, именно: между Большим и Малым Яицкими устьями около версты; между Малым

Яицким и Новым Золотинским до 600 сажень; от Нового Золотинского до Бухарки 3½ версты; от Бухарки до Алексашкина прорана более 4 версты.

Таково состояние дельты Урала в настоящее время; но еще недавно, не далее как в тридцатых годах, она имела совершенно другой вид. Рукавов было гораздо более и Урал начинал делиться уже верстах в 80 выше Гурьева, тогда как теперь все разветвления его начинаются уже ниже этого городка. Одни из этих устьев отделялись с правой, другие с левой стороны собственного Урала, за который мы примем старое, теперь уже пересохшее русло его, о котором было говорено выше. Начиная с запада, устья эти были: 1) *Нарынка*. Она выходила из Урала между Баксайской крепостью (80½ верст выше Гурьева) и Яманхалинским форпостом (68½ верст выше Гурьева) тремя рукавами: *Нарынкой*, *Сухим Баксаем* и *Богырдаем*, которые соединялись потом в одно русло. Следы их видны еще и теперь, а при половодье они наполняются водой, но редко доходят до моря. 2) *Баксай*, начинавшийся немного пониже Яманхалинского форпоста верстах в 66 выше Гурьева, при истоке его в нем и теперь бывает вода и он там называется в отличие от Сухого Баксаея – *Мокрым Баксаем*. Баксай и Нарынка впадали оба в так называемое *Курхайское морце*, – озеро, которое лежит на самой грани Уральских дач с Юсуповскими и которое соединялось узкими проливами с морским заливом, называемым Богатым Култуком. (С одним из этих проливов соединялся и Баксай, который в собственное морце не впадал). Озеро это, или морце существует и теперь и имеет еще до 3 и даже до 4 сажень глубины, но с морем оно уже не имеет постоянного соединения. Лишь во время самых сильных водоразлитий, как, например, в 1854 году, восстанавливается весной временно это соединение и тогда в морце бывает лов рыбы, о чем будет сказано в своем месте. 3) *Солянка*. 4) *Черная речка*, отделявшаяся от Урала немного выше Гурьева. 5) *Мостовой*, отделявшийся также немного повыше Гурьева и вливавшийся в морской залив, называемый *Ракушечьим ильменем*; вокруг него построены чуланы для хранения снастей гурьевских жителей, которым не позволено держать их в городке, как во избежание потаенного лова, так и для безопасности от пожаров. В этом Ракушечьем ильмене теперь пристань для судов, которые приходят в Гурьев, но которым вход в Урал запрещен, чтобы не пугать рыбы. На пути из Астрахани, я въехал в этот залив и думал на небольшой лодке пробраться в Урал Мостовым, устье которого было видно. Но это оказалось невозможным, хотя в 1854 году еще можно было проехать весной из Ракушечьего ильменя в Урал на бударке. 6) *Прорва*. Она впадала также в Ракушечий ильмень. 7) *Подстепок* и 8) *Плотовой*. Близ Гурьева, между им и кладбищем, выходил Плотовой и разделялся на два рукава: северо-западный, в который вливался передавший ему свое название Подстепок, отделявшийся от Урала немного повыше Плотового; он впадал в

залив, лежащий почти рядом с Ракушечьим, только немного его восточнее. Теперь залив этот совершенно глухой. У него построена казачья краулка с вышкой, от которой ездят сухим путем в Гурьев, как пришлось это сделать и мне. Другой рукав – западный, собственно Плотовой. Весной 1854 года он еще тек, но в 1856 году, несмотря на довольно сильное водополье, течение в нем не было, хотя русло его близ Гурьева еще заметно и представляет лощину, в которой еще в половине июля была вода; исток же его из Урала уже совершенно затянуло. В тридцатых годах нынешнего столетия Плотовой был самым судоходным из рукавов Урала. Еще в 1832 году г. Карелин, отправляясь в свою экспедицию по Каспийскому морю, проехал им в море на большом судне, имевшем несколько десятков человек команды, на всех парусах. Тогда по нем свободно ходили суда, имевшие до 1000 кулей груза. Даже в конце тридцатых и в начале сороковых годов, т. е. лет пятнадцать тому назад, ходили еще по нем суда, нагруженные мукой. Прежде этого, но все еще на памяти людской, ходили разшивы и Подстепком. 9) и 10) *Два Стрелецких ерика*, которые отделялись ниже Гурьева и которые с истока теперь совершенно заросли, но устья которых еще показываются. Эти 10 рукавов отделялись к западу от главного русла, от так называемого старого Урала, теперь совершенно пересохшего. К востоку от него идут: 11) *Яицкое устье*, разделившееся впоследствии на два: большое и малое, которые в этом счету мы будем принимать, как и оба Золотинские, за одно, ибо разделение их произошло, когда некоторые из перечисляемых здесь рукавов уже пересохли. 12) *Золотинка*. 13) *Бухарка*. 14) *Перетаска*. 15) *Самаркин проран*, отделявшийся от Перетаски с левой стороны. 16) *Застенный*, отделявшийся от Алексашкина прорана справа. 17) *Алексашкин проран*. (Четыре последние рукава впадали в Белый ильмень). 18) *Быковка*, вытекавшая из Урала у самого Гурьева. Теперь и следов ее истока не осталось. Наконец 19) *Сокол*, имевший свое начало против Кандауровского форпоста, в 16 верстах выше Гурьева.

Говоря об уменьшении числа рукавов, которыми Урал вливался в море, я полагаю уместным упомянуть о двух озерах: *Тентяке* и *Баткак–Куле*, которые лежали недалеко от Гурьева и обозначены на карте Колодкина, но теперь совершенно исчезли; на них было обращено мое внимание в данной мне инструкции. Из всех Гурьевских казаков, которых я расспрашивал об этих озерах, только двое, Голубов и семидесятилетний старик Зеленцов, могли сообщить мне о них сведения. Озеро Тентяк было не соленое, а пресное, и лежало на Самарской (Европейской) стороне Урала, в трех верстах выше Гурьева. Теперь только в сильные половодья поднимается водой место, где оно лежало, но и в эти годы к концу лета оно обсыхает и на нем косят сено. Название Баткак-Куль не было известно упомянутым казакам, но из значения его (тинистое, грязное озеро) Голубов заключил, что

это должно быть то озеро, которое прежде называлось у них *Тухлым*. Это тоже было пресное озеро, которое теперь совершенно уже высохло и на месте которого также сенокосы.

Подобное же обмеление замечается и в море, омывающем дачи Уральцев. На это множество доказательств, так что факт этот, по моему мнению, вне всякого сомнения. В начале июля 1856 года я ездил из Гурьева на Гранный бугор. Мы въехали в море Большим Золотинским устьем и, несмотря на довольно сильный нагонный ветер при въезде в море, глубина не превышала 2½ фут. На другой день, на таком расстоянии от берегов, что никаких признаков их не было видно, почти при совершенном безветрии, стали мы купаться и вода доходила нам только по пояс. Замечательно, что это место не составляет какой-нибудь отмели, ибо все море на большое пространство здесь так мелко. Бывшие со мной казаки, в числе которых находился и Голубов, единогласно утверждали, что прежде море было гораздо глубже, теперь же, по словам их, в выгонный ветер при устьях ходят птицы по обнаженному песку и своими движениями и криком пугают рыбу и тем препятствуют ей входить в Урал даже по самому фарватеру, где еще, конечно, есть вода. Имев случай уже неоднократно познакомиться со склонностью людей необразованных к преувеличениям и к тому, чтобы видеть все настоящее в дурном, а все прошедшее в хорошем свете, я, может быть, мало обратил бы внимание на эти рассказы, если бы меня не удостоверили в справедливости их другие, более определенные факты. Так ассесор Уральской Войсковой Канцелярии есаул Жиглин, бывший в 1853 году начальником правой стороны весеннего Курхайского лова, рассказывал мне, что после сильной бури, которой сорвало с якорей и отнесло в Астраханские воды 24 лодки, сделался такой выгон воды, что на 18 верст перед устьем дно совершенно обсохло, так что выходили из лодок и, разостлав ковры на песке, т. е. на дне моря, отдыхали на них под тенью своих лодок. Это достаточно показывает до какой степени обмелело море в этих местах. Что прежде было не так и что обмеление произошло в недавнее время – свидетельствуют появление новых островов вблизи устьев Урала и срастание прежде бывших островов с материком. Такие новые острова суть: справа от устьев Урала 1) *Каменный*, 2) *Большой* и 3) *Малый Пешные*; слева же 4) *Камынин*, 5) *Чертова шалыга* и 6) *Норд-вестовая шалыга**

Казак Зеленцов, которому более 70 лет и который постоянный гурьевский житель, рассказывал, что лет около пятидесяти тому назад (в точности года он не помнил и на мои вопросы отвечал, что это было еще до 1812 года, но уже в царствование Императора Александра Павловича) был им измерен недавно перед тем появившийся остров Большой

* Шалыгами называют здесь небольшие островки, весьма мало выдающиеся над поверхностью моря. Они весьма обыкновенны по направлению отмелей, высшую точку которых составляет какой-нибудь остров; иногда сохраняют они название шалыг, когда уже увеличатся и сделаются настоящими островами.

Пешной, по приказанию начальника происходившего в то время тюленьего боя, Севрюгина. Оказалось, что он имел лишь 6 сажень ширины и от 10 до 15 сажень длины. При волнении ходила через него вода, так что оставленные на нем тушки тюленя снесло водой. Ни Малого Пешного, ни даже Каменного в то время еще не было. Живущий в Уральске казак Сладков, принадлежащий к числу самых богатых и почетных казаков и уже довольно старый, также помнит, когда еще не было ни Пешных, ни Каменного, ни Камынина. В 1832 году г. Карелин измерял Малый Пешной. Он имел тогда 150 сажень в длину, теперь же в нем около 2 верст. В моряны он заливался тогда водой, так что г. Карелин, стоявший тогда на нем в палатках, при сильном юго-западном ветре, случившемся ночью, едва успел спасти от подмочки бывшие с ним инструменты и книги. Из всех этих рассказов видно, что Пешные острова образовались не вдруг, а мало-помалу. То же относится и к Каменному. Один старый и весьма уважаемый в Уральске казак Щелоков сказывал мне, что более сорока лет тому назад, в сильные моряны покрывался этот остров водой, в выгонные же ветра оголялся.

Пешные острова, когда они были еще малы, неоднократно стирало льдом, после чего, однако, они опять вскоре появлялись. Теперь, когда они уже значительно увеличились, лед стирать их более не может; но каждую зиму натирает на них множество льда, который под ракушей и песком не растаивает во все лето. На этом основании можно бы полагать, что эти острова – явление совершенно частное, зависящее от особенных причин, свойственных этой местности, и вовсе поэтому не доказывающее общего обмеления моря у Уральского побережья, и что они могут периодически появляться и исчезать. Такие периодические появления и исчезновения островов и временное обмеление некоторых частей моря действительно бывают на Каспийском море, в чем я имел случай убедиться из рассказов рыбаков, живущих у берегов Синего морца. Я видел это морце во время сильного разлития Волги. Это обширный залив, в который впадает несколько самых восточных рукавов Волги, столь широкий, что противоположный берег его едва виден. С правой стороны на нем множество островов, поросших большей частью ивовым лесом; с левой же островов гораздо меньше. С падением воды число островов на нем значительно увеличивается и по всему пространству залива оказываются *осередки*, т. е. мели едва покрытые водой. Только восточная сторона морца остается открытой, хотя также весьма мелкой, западная же вся подразделяется на рукава, коими отделяются острова один от другого. По словам моего лоцмана, которого отец и дед и прадед жили у Синего морца, лет двадцать пять или тридцать тому назад морце было совершенно открытым заливом, на котором вовсе не было островов. Но его дед рассказывал ему, что в его молодости морце было покрыто островами, поросшими лесом точно так, как это

теперь, что однажды зимой поднялась страшная моряна, взломало лед, порезало им весь лес, росший на островах, и сами острова постирало и посмывало. Этот рассказ лоцмана подтвердили мне жители его деревни, как всеми ими слышанное от отцов или дедов. Сомневаться в справедливости его нет никаких причин и он, по моему мнению, весьма поучителен, доказывая ложность рассказней о постоянно возрастающем обмелении устьев Волги, ибо показывает, что тот же порядок вещей, вследствие от времени до времени повторяющихся случайностей, возвращается снова. Главнейшей из этих случайностей должно считать действие льдов, которое особенно сильно в северо-восточном углу моря. Каждую зиму взламывает здесь лед напором воды из незамерзшей части моря; таким образом откалываются огромные льдины, по несколько верст в длину, и носятся по морю, а вместе с ними нередко находящиеся на них аханщики с их возами, лошадьми и снастями, что называется *быть в относе*. Весьма часто две такие льдины, гонимые противоположными течениями, сталкиваются; тогда по краям лед ломается, обломки одной льдины лезут на обломки другой и таким образом взгромождаются настоящие ледяные горы, называемые *шиханами*. Эти шиханы возрастают часто до того, что они основанием упираются в дно. Весной, когда лед начнет таять, то шиханы гонимые ветром, прут перед собой по дну валы песка и ракуши, образуя таким образом неровности дна, а иногда и целые острова. Такова, вероятно, причина происхождения группы Кулалинских островов, особенно же новейшего из них – Морского. Конечно, шиханы могут образоваться не вблизи берегов, а уже на некоторой глубине, – по словам Гурьевцев не ближе, как начиная с 4-х сажень.

Пример периодического появления и исчезновения островов, представляемый Синим морцем, никаким образом не может быть применен к Приуральской части моря, где на памяти людской появился Каменный остров, состоящий из сплошных каменных пород. Он не мог, следовательно, быть ни натираем, ни стираем льдами, а мог появиться лишь или вследствие общего понижения уровня всего Каспийского моря, или вследствие местного поднятия дна. Какова бы, впрочем, ни была причина обмеления, важно то, что эта причина все еще продолжает действовать. Так остров *Чертова-Шалыга*, образовавшийся около сорока лет тому назад, продолжает ежегодно увеличиваться. Величина его в настоящем (1856) году удивила бывших со мной казаков, еще не видавших его с осени прошедшего года. Так называемая Норд-Вестовая Шалыга появилась над водой в первый раз только в 1842-м году на NW от острова Камынина, отчего и получила свое название. С тех пор она постоянно увеличивается, так что составляет теперь уже довольно порядочный островок. Известные теперь под именем кос: Гогольская, Мокрая,

Дуванная, Лопатина и Бабинская были прежде островами, совершенно отдельными от материка; теперь же они с ним срослись.

Не менее важное доказательство обмеления северо-восточного угла Каспийского моря, чем вновь появившиеся острова, составляет местность *Гранного бугра*, тем более, что тут есть такие следы более высокого уровня моря, которые говорят сами за себя, не требуя никаких посторонних свидетельств. Так как местность эта интересна и в других отношениях, то я опишу ее с некоторой подробностью.

Местность, на которой находится Гранный бугор, омывается водой с севера и с запада, потому что море образует здесь пологий залив. Версты за три до того места, где нам следовало пристать, кусовая (сидевшая не более 2½ фут в воде) должна была остановиться и я поехал с некоторыми из сопровождавших меня казаков на бударках, из которых вскоре тоже должны были вылезти и идти пешком по довольно вязкому дну. Мы взошли в проран, далеко вдающийся в берег и направленный с запада к востоку. В нем было несколько глубже, так что нам снова можно было сесть в бударки. По правую и по левую сторону прорана шли низкие бугры. Из находящихся на южной стороне один был выше прочих и резче обозначен, почему я и велел к нему пристать. Он состоит из красной, сильно песчанистой глины и направляется с ONO½O к WSW½W. Вышина его никак не более 2-х сажень от горизонта воды. Его WSW-ный край как бы срыт и вообще на нем заметны возвышения и ямы, сделанные людьми. ONO-ный край его понижается и суживается, сливаясь постепенно с окружающей равниной. Осмотрев этот бугор, я переправился на северную сторону прорана, где находится тот бугор, который называется Гранным. Но бугор этот теперь уже не на берегу прорана, подобно только что мной осмотренному. Чтобы дойти до него, надо пройти некоторое пространство по низменной равнине, едва возвышающейся над уровнем воды, и перейти еще один неглубокий проран, который прежде составлял одно целое с главным, теперь же отделен от него упомянутой полосой земли. На Гранном бугре, на котором построена казарма с сторожевой вышкой, вырыта межевая яма, служащая гранью Уральских владений, отчего он и получил свое название. Бугор этот весьма полог и направляется от WS к ON. Он желтоватого цвета и состоит из песчанистой глины.

Общий вид страны представился с Гранного бугра следующим. К W и к O от него тянется ряд низменных бугров, идущих почти в одном и том же направлении, только так, что один лежит несколько выдавшись к северу, а другой к югу от линии, которая служила бы продолжением направлению Гранного бугра. К северу и к югу от этой цепи бугров простираются параллельные ей низменности, из которых южная составляет продолжение в ширину прорана, которым мы выехали, т. е. обсохшее дно его. За этим прораном идет

приблизительно от W к O другая цепь бугров, из которых один мной выше описан. На низменности, прилегающей к цепи бугров с севера, уже не было видно следов прорана; за ней же лежит опять ряд бугров, в направлении параллельном тому ряду, который идет от Гранного бугра. На этом ряду и за ним я не был; но, по словам сопровождавшего меня Голубова, то же самое повторяется несколько раз. Там также по середине низменностей, разделяющих ряды бугров, находятся большей частью прораны. Каждый ряд бугров, ограниченный справа и слева низменностями, не должно себе представлять одним непрерывным бугром, которого отдельные вершины отделены лишь небольшими седловинами, ибо бугры вообще не длинны и каждый из них понижается у своей западной и восточной оконечности до одного уровня с низменностями, его окаймляющими с севера и с юга. Каждый из них поэтому со всех сторон окружен низменностями, так что если вообразить себе уровень моря несколькими футами выше настоящего, то каждый из них оказался бы совершенно обливным островом. Что это действительно так было, и притом в недавнее время, доказывают заросшие камышом пространства в промежутках между буграми одного и того же ряда. Тогда, следовательно, большие продольные прораны, параллельные рядам бугров, соединялись меньшими поперечными. Схематически местность эта имеет вид, показанный на рис. 1 прилагаемого чертежа.

От Гранного бугра я пошел на запад, желая проследить весь ряд бугров, лежащих в одном с ним направлении, до самого крайнего из них к морю, находящегося у входа в тот проран, которым мы въехали, и известного под именем *Красенького*. Так как со мной был компас, то я мог определить направление каждого из посещенных мной бугров. Единственным затруднением при этом была неясность, с которой обозначался гребень этих бугров.

Первый бугор к западу от Гранного идет с WS к ON.

Второй бугор сероватого цвета, весьма плоский и широкий, без ясно заметного гребня, в поперечном разрезе представляющий вид, изображенный на рис. 2 прилагаемого чертежа, идет от WSW $\frac{1}{2}$ W к ONO $\frac{1}{2}$ O.

Третий бугор, также серого цвета, идет почти от O к W.

Наконец четвертый бугор, цветом несколько краснее предыдущих, почему и назван *Красеньким*, идет от WS к ON.

Таким образом, направление 6 бугров, которые я определил посредством компаса, лежат между от O к W до от ONO $\frac{1}{2}$ O к WSW $\frac{1}{2}$ W. Следовательно, наибольшая разница в направлениях их не превышает 1 $\frac{1}{2}$ румба или 17° и за среднее направление их можно принять от ON к WS.

Прежде, и не более как лет за 20 или за 30 тому назад, по словам Голубова, как продольные низменности, разделяющие между собой ряды бугров, так и поперечные, отделяющие друг от друга бугры одного и того же ряда, были покрыты водой, так что по всем им можно было проехать на лодках. Эти продольные прораны, идущие приблизительно от запада к востоку, углублялись верст на 30 в степь и состояли в соединении с такими же проранами, отделявшими острова, которые лежали у северо-восточного – Эмбенского – берега моря, но теперь тоже уже срослись с материком. Таким образом, от самого Гурьева, сначала реками, то есть восточными рукавами Урала: Быковкой и Соколом, а потом этими проранами, можно было, не видя открытого моря, спуститься до самой Прорвы. Тогда, следовательно, местность эта была совершенным подобием бугров и ильменей, лежащих к западу от Волги и простирающихся к югу почти до самой Кумы. Только Уральские ильмени (называемые проранами) и бугры были меньше Волжских, и в горизонтальном и в вертикальном направлениях, и, прежде их обсохнув, потеряли теперь свой характерный вид. Что в Волжских ильменях бросается прямо в глаза, то в Уральских должно быть отыскиваемо с компасом в руках.

Сказанное мной об обмелении, вследствие которого обсохли все эти прораны, основано не на одних рассказах Голубова и других казаков, - оно оставило очевидные и несомненные следы. Сойдя с Красенького бугра и идя параллельно морскому берегу к прорану, которым мы въехали, я увидел вал, состоящий из сероватого песка и мелких обломков раковин, между которыми попадались и цельные створки в довольно большом числе. Обломков раковин было так много в нем, что издали он весь казался состоящим из них. Вал этот совершенно подобен виденным нами на четырехбугорном острове, на косе и Новопетровского укрепления и вообще на всех местах, где бывает прибой волн. От вала к морю сажень на сто или более простиралась низменность с едва заметной покатостью, поросшая *Salicornia herbacea*, *Salsola Kali* и некоторыми другими солянками. С внутренней стороны, обращенной к земле, вал делал небольшой уступ, как всегда бывает, ежели наматывается песок или вообще сыпучее тело; от этого уступа почва также немного понижалась, так что в разрезе он представлял вид, изображенный на рис. 3 прилагаемого чертежа.

Вал этот от подошвы имеет до 4-х футов вышины; слабо понижающаяся к морю низменность, у подошвы вала, также фута на 1½ выше морского уровня, так что вершина вала более чем на 5 фут возвышается над уровнем моря, как он стоял во время моего посещения описываемой местности, что, без большой ошибки, можно принять за нормальное, ибо как в этот день, так и в два предшествовавшие, было почти совершенное безветрие. Следовательно на пять, или почти на пять футов должно было понизиться море

и в не слишком давнее время, потому что некоторые из бывших со мной казаков хорошо помнят, когда море доходило еще до вала. Если оно только на четыре фута было выше теперешнего, то все прораны, как продольные, так и поперечные, должны были быть залиты водой и все бугры казаться обливными островами.

Еще пример обмеления видим мы в Богатом Култуке и в бывшем с ним в постоянном соединении Курхайском морце. Теперь Култук этот, где некогда производился большой лов рыбы, непроходим для мелких лодок, а соединение его с Курхайским морцем восстанавливается лишь весной, в годы самых сильных разливов Урала. Подобным же образом обмелели Черепной Култук и Белый Ильмень.

Все приведенные здесь факты, как то: необыкновенная отмелость моря у Уральского побережья, образование и постепенное увеличение новых островов, срастание старых с материком, обсыхание проранов и существование ракушечного вала у Красненького бугра, несомненно доказывают, что в недавнее время вся эта часть моря обмелела на несколько футов. Какая же могла быть этому причина? Вообще мы можем себе вообразить их только три: 1) нанос землистых частиц впадающей рекой, 2) общее понижение уровня воды во всем море и наконец 3) местное поднятие почвы. Не отвергая, что первая из приведенных причин могла здесь иметь свою долю влияния, мы никаким образом не можем объяснить себе ей всех замечаемых здесь явлений. Не говоря уже об образовании Каменного острова, который, состоя из сплошных каменных пород, не мог произойти ни от наносов, ни от натирания льдами, заметим, что Урал – река слишком незначительная, чтобы произвести обмеление моря на столь значительное пространство и в столь короткое время. Притом же нанос землистых частиц рекой есть причина постоянно действующая и должна бы уже давно оказать свое влияние, как это и действительно замечается, например, в устьях Волги, где уже старинные путешественники жаловались на мелководье, тогда как при устьях Урала явления обмеления стали оказываться не более, как лет за 50 или 60 тому назад.

О существовании второй причины нельзя составить себе понятия на основании исследований одной какой-либо местности. Для этого должно быть принято в соображение все море, а так как это было одним из тех предметов, на которые наиболее было обращено внимание начальника экспедиции, академика Бэра, то я считаю неуместным и совершенно излишним распространяться о нем со своей стороны. Скажу лишь, что из того, что сам видел во время наших разъездов по Каспийскому морю, и еще гораздо более из того, что слышал от академика Бэра, как результат его наблюдений, едва ли есть возможность принять, что в последние 25 или 30 лет уровень Каспийского моря упал на 4 или на 5 футов, как этого, по крайней мере, требуют явления обмеления

Уральского побережья. Поэтому остается лишь прибегнуть к третьему предположению, то есть к местному поднятию почвы. Одно такое отрицательное объяснение явлений, принимаемое только по невозможности предложить для них другой причины, было бы, должно сознаться, довольно слабым и недостаточным, если нельзя бы было представить в подтверждение его прямых следов подземной деятельности, так или иначе проявляющейся на поверхности в этой местности. Такие следы или указание подземной деятельности действительно здесь находятся и мне известны из них два. Но прежде, чем перейти к рассмотрению их, должно заметить, что явления обмеления Уральского побережья, от чего бы они ни происходили, составляют явление не постоянно увеличивающееся, а представляющее периодические колебания; ибо если вышеприведенные мной показания местных жителей не позволяют сомневаться в том, что в начале нынешнего столетия видимых теперь островов еще не существовало, то с другой стороны путешественники прошедшего столетия, посетившие эти места, упоминают об этих островах. Так Лепехин, бывший в Гурьеве в 1769 году, упоминает о Каменном острове: «одна грудка земли, говорит он, в 18 верстах от берега отстоящая, *Каменной* остров прозываемая, гурьевским жителям служит прогулкой».* Паллас, в том же году посетивший Гурьев, подробно описывает Каменный остров и между прочим говорит о нем, что во время его посещения он возвышался не более 2-х аршин над уровнем воды (теперь он выше этого), но что прежде он был больше и даже 5 или 6 лет тому назад был, как уверяли его, гораздо выше, а с 1730 года замечались большие изменения не только в Каменном острове и других островах, но и во всех окрестностях Гурьева, — изменения, происшедшие от возвышения морского уровня. Один старик, безвыездно живший в Гурьеве, рассказывал ему, что окрестности Гурьева в 1730 году были совершенно сухи и берег Яика возвышался на две сажени над его уровнем, между тем как теперь он течет почти вровень с берегами. Заливов, подходящих к Гурьеву, тогда не было (теперь один залив также подходит к Гурьеву версты на две или на три) и между берегом и Каменным островом море было столь мелко, что его переезжали вброд при северном выгонном ветре (это и теперь почти можно сделать). Существовало, кроме Каменного, еще три острова близ устьев Яика, а Каменный был вчетверо больше. Острова эти были: *Песчаный*, в 25 верстах за Каменным (теперь этого острова нет), *Камынин* (и теперь существующий) и *Пешной* (Пешных теперь три). Острова эти пропали со времени возвышения морского уровня, случившегося весной 1730 года. Затем море снова начало упадать и теперь (т. е. в 1769 году) вот уже три года как опять возвышается*. Из этого видно, что с начала

* Полное собрание ученых путешествий по России. 1818—1825. Том III, стр. 523.

* *Voyages du professeur Pallas etc.* Edition de l'an II de la republique Tome II, p. 363 — 366.

прошлого столетия до настоящего времени Уральское побережье претерпело следующие изменения: до 1730 года вода была чрезвычайно низка, ниже даже чем теперь; с 1730 г. она стала подниматься, потом опять упасть и достигла своего второго минимума в половине шестидесятых годов прошлого столетия, после чего опять стала возвышаться и, достигнув второго максимума, в первых годах нашего столетия, в третий раз стала упасть, что, по-видимому, продолжалось до начала пятидесятых годов, ибо кажется, что в последние годы уровень моря опять начал возвышаться, так что в 1½ столетия замечено было 3 минимума и 2 максимума. Обратимся теперь к фактам, говорящим в пользу поднятий почвы в приуральском побережье.

В степи между Уралом и Эмбой есть река, называемая Саргыз, поверхность которой бывает всегда подернута пленкой нефти. Г. Карелин, который сообщил мне этот факт, говорил, что самое название Саргыз в переводе значит смола.

Другое указание на подземную деятельность, и притом гораздо яснейшее, представляют гипсовые бугры вблизи Гурьева. К западу, верстах в двух от этого городка за рукавом Урала *Плотовым* у самого истока, уже совершенно пересохшего, пониже того места, где я должен был через него переезжать, и разделяющегося на две ветви, в которых в конце июля еще была вода по ступицу колесам телеги, начинаются на глубине аршина залежи гипса, который здесь и роют. Версты с две еще за этими гипсовыми ямами идут бугры, известные под именем *слюды*, хотя настоящей слюды я в них вовсе не видал, а лишь листоватого сложения прозрачный гипс. Всех бугров этих 6; они лежат в трех группах, отличающихся одна от другой своими направлениями.

Бугры первой группы, в числе трех, идут параллельно друг другу в направлении от NON к SWS. Первый из бугров этой группы – самый высокий и весь разрыт для добывания составляющего его гипсистого слоистого известняка серовато-бурого цвета. Ребра слоев этих, обнаженные во многих местах по вершине бугра, в точности направлены с NON к SWS и стоят почти совершенно вертикально, с легким, едва заметным наклоном от NWW к SOO. Слои эти, от 1 дюйма до ¼ дюйма и меньше толщиной, состоят, как сказано, главнейше из серовато-бурого известняка. Весьма часто каждый из этих слоев, очень удобно друг от друга отделяющихся, в свою очередь, состоит из весьма явственных, хотя и тесно между собой соединенных и один от другого не отделяющихся, различной толщины (от 1/5 линии до 2-х линий) прослоек того же бурого известняка и гипса. Сверх того вся масса этих слоев проникнута в разных направлениях другими гипсовыми жилами, как бы скрепляющими слои между собой.

Второй бугор этой группы отстоит от первого сажень на 150 и отделен от него долиной с горизонтальным дном, состоящим из той же серой глины с песком, как и вся окружающая степь, тогда как поверхность самих бугров состоит из разрушившихся твердых пород, их образующих и обратившихся в род песка, цвета красновато-желтого. На втором бугре не видно каменных слоев, как на первом, ибо он не разрыт. Направление его почти параллельно направлению первого; но так как на нем не заметно вертикально стоящих слоев и гребень его довольно закруглен, то и определить его компасом с такой же точностью, как на первом, нельзя было. Мне, однако же, казалось, что он скорее приближается от NO к SW, чем от NON к SWS.

Третий бугор, самый дальний, отделен от второго долиной версты в полторы или в две шириной, впрочем, совершенно подобной первой долине. На этом бугре я не был, а видел его только с вершины второго бугра. Он ему, сколько можно судить на глаз, параллелен, но гораздо длиннее и его и всех остальных бугров. Здесь я замечу, что два первых бугра почти исключительно поросли *Zygophyllum Eichwaldii*, тогда как в промежуточных долинах и во всей окружающей степи этого растения вовсе нет, а растут преимущественно солянки и *Zygophyllum Fabago*.

Почти перпендикулярно к продолженному направлению этих трех бугров на NNO верстах в полутора от северо-восточной оконечности первого из них, лежит бугор, составляющий одну вторую группу. Этот бугор значительно ниже (не выше сажени) и короче бугров первой группы и направляется с $OSO\frac{1}{2}O$ к $WNW\frac{1}{2}W$ (то есть под углом в 73 градуса к направлению первого бугра первой группы). Чтобы точнее определить его положение, я замечу, что если продолжить мысленно линию направления этого бугра, то она, миновав первый и второй бугры первой группы, уткнулась бы в третий ее бугор, и наоборот, продолжения линий направления первого и второго бугра первой группы уткнулись бы в него, а третий ее бугор, который сам по себе достаточно длинен, чтобы его встретить, минует его. Хотя и на этом бугре много мест разрыто для добывания камня в виде обломков, но самые каменистые слои лежат в нем гораздо глубже и только в одном месте показываются на поверхности также в вертикальном положении, в длину не более как на пол-аршина. Эти торчмя стоящие слои и все обломки слоистого известняка, лежащие на поверхности этого бугра, не имеют прослойки гипса, хотя отдельными кусками гипс на нем и попадает, большей частью прозрачный. Казаки, сопровождавшие меня и прежде сами добывавшие камень из этого бугра, сказывали, что и на глубине алебаstra в нем не находили. Поверхность этого бугра также состоит из разрушенной каменной породы, его составляющей, в виде красновато-желтого песка. Этому недостатку гипса должно, вероятно, приписать отсутствие *Zygophyllum Eichwaldii* на этом бугре.

Вправо, т. е. к SO от продолженного направления к NO первого бугра первой группы, лежит третья группа бугров, в которой их два. Первый бугор ее идет с NW на SO и, следовательно, направление его составляет с направлением бугров первой группы угол почти в 80 градусов, а с бугром второй группы в 30. Северо-западный конец его лежит не более, как в 200 саженях от первого бугра первой группы. На нем не видно вертикальных слоев, потому что его не разрывают; только у подножия его добывают гипс и на нем растет *Zygorhynchium Eichwaldii*. Второй бугор этой группы лежит в полуверсте от него к SW. Он весьма низок, короток и вообще неясен. На этом последнем бугре я не был.

Относительное положение друг к другу всех этих бугров представлено схематически на рис. 4 прилагаемого чертежа.

Все эти бугры шириной от 20 до 30 саженей. Они представляют несомненный пример поднятия в весьма малых и слабых размерах, могущий, однако, служить указанием на то, что подземная деятельность здесь существовала, оставив по себе ясные следы, и намеком на то, что она и теперь продолжает обнаруживаться в постепенном поднятии почвы.

Но если местным поднятием почвы мы можем удовлетворительно себе объяснить все явления обмеления моря, образование новых островов, срастание старых с материком и т. д., то все-таки остается затруднительным объяснить, почему иссякло много рукавов Урала. Ежели масса воды, приносимая Уралом сверху, не уменьшилась против прежнего (такому же уменьшению было бы весьма трудно отыскать достаточную причину), то, с исчезновением некоторых устьев реки, оставшиеся устья должны сделаться или шире, или глубже, или быстрее, чтобы доставлять сток одинаковой массе воды. Но наблюдения старожилов, по-видимому, этому противоречат. Кого я ни спрашивал, все согласно отвечали, что река теперь не шире, но была прежде быстрее и полнее, так что в Гурьеве берега возвышались не более аршина над уровнем воды в реке, почему тогда и самый Гурьев часто заливало. Что относится до ширины, то нет причины сомневаться в справедливости слов старожилов, так как изменения в ней легко заметить; что же касается до глубины русла, то едва ли могли они сохранить ясное воспоминание о ней, ибо им нет никакой нужды делать над ней наблюдений. Говоря, что река обмелела, весьма вероятно, они распространяют на самое русло реки то, что собственно лишь относится к месту впадения ее в море, где действительно обмеление весьма заметно и где невольно приходится делать наблюдения над изменениями глубины, при плавании на судах. Большая же полнота реки, в чем также сомневаться нельзя, вовсе не доказывает большей глубины. При сравнительно большем поднятии почвы несколько выше устья, чем самого дна морского, река должна прорыть себе более глубокое русло и, следовательно, уровень

ее может понизиться без действительного уменьшения в глубине, но даже с увеличением ее. Это сравнительно большее поднятие почвы в некотором расстоянии от моря, чем самого дна морского, применительно к Уралу, составляет не совершенно лишенное оснований предположение, ибо подтверждается одним замечанием, сообщенным мне двумя, уже выше упомянутыми мной, казаками Щелоковым и Сладковым. Они сказывали, что прежде моряны возвышали в Урале воду на гораздо большее расстояние вверх по реке, чем теперь, именно до Тополевской крепости, лежащей в 118 верстах от моря. Этот факт, указывающий на увеличение склона в нижней части Урала, неудобосогласим с уменьшением в то же время быстроты ее течения. Уверения же в этом стариков я себе объясняю так, что из большей полноты реки (то есть из меньшего возвышения берегов над уровнем воды) они заключили и о большей быстроте и о большей глубине ее.

Еще одно явление дает нам отчет в том, каким образом та же масса воды доходит до моря, несмотря на уменьшение числа устьев, не прибегая к увеличению глубины русла. Во время весенних разливов, начиная от Зеленовского форпоста, лежащего в 134 верстах от моря, вся степь (преимущественно правая сторона, ибо левая Бухарская несколько более возвышена) далеко внутрь до самого Курхайского морца заливается водой. На этом необозримом пространстве, покрытом общей водяной скатертью, стремление воды в ту или другую сторону зависит в основном от направления ветров. Так в 1854 году сильный ветер, погнавший воду в сторону, спас Гурьев от совершенного затопления. Такие разливы, по словам Щелокова, начались лишь с сороковых годов; до того же времени в нижних частях Урала текла вода по руслам, немного лишь из них выступая, а не разливалась по всему пространству степи. Таким образом вода, которой, когда она была сперта в руслах, было достаточно, чтобы питать их все лето, стекает теперь по всему пространству степи за одну весну. Урал, одним словом, тогда не так скоро опоражнивался, как теперь.

Причину таких разливов мы опять-таки найдем в том же поднятии почвы, если только прибегнем к приведенной уже выше гипотезе, что линия наибольшего поднятия находится не в море, а в некотором от него расстоянии, и что оттуда уменьшается оно в обе стороны. Это наглядно объяснит рис. 5 прилагаемого чертежа.

Пусть $a b c d e$ представляет наклон почвы до поднятия ее; $a b f g h$ наклон ее после поднятия; $b i$ воображаемую горизонтальную линию; d и g места, где начинается морское дно до и после поднятия; c точка наибольшего поднятия до вышины f ; b точка, далее которой вверх по реке поднятия не происходило. Очевидно, что вследствие поднятия падение между b и f стало меньше, чем оно было между b и c . Следовательно при половодье те стоки, которые прежде были достаточны для слива воды, притекающей из a

через *b*, уже не могли с нужной быстротой ее проводить: она должна была разливаться по окружающей местности и уже этим путем достигать моря. При этом, однако, ширина стока с излишком вознаграждала за уменьшение быстроты, происшедшее от уменьшения падения, так что, в последнем результате, вода, притекающая через *b*, стала скорее сливаться и пространство реки от *b* до *a* и выше стало скорее опоражняться; тогда как при прежнем порядке вещей, этой излишне стекающей воды доставало чтобы в остальное время года она выше *b* стояла на большей высоте, чем теперь, и чтобы ей питались высохшие теперь рукава Урала. Этому скорейшему стоку воды содействует и увеличение падения между *f* и *d* против *c* и *d*. Уменьшение падения и быстроты между *b* и *f* причинило также и засорение истоков рукавов, выходявших на этом пространстве из главного русла. И действительно, теперь нет и следов этих рукавов при их выходе, хотя в нижней части их течения сохранились еще ложбины, по которым они прежде текли и в которых даже, как в самых низменных местах, среди лета держится вода, после того как вся степь, где она разливалась весной, уже совершенно обсохла.

В конце описания местности, на которой производится главный Уральский лов, и тех перемен, которым она в последнее время подвергалась, прилично будет сказать несколько слов о речках и озерах соседних Уралу, в которых казаками также производится лов рыбы.

На правом, Европейском, или, как он здесь называется, Самарском, берегу Урала производится такой лов в так называемых Узенях, в некоторых других речках, частью впадающих в Урал, частью теряющихся в разливах или болотах, и в некоторых озерах. Кроме двух *Узений*, сюда принадлежат: *Кушум*, теряющийся в разливах, лежащих немного севернее Камыш-Самарских озер; *Чаган*, впадающий в Урал при Уральске, и принимаемый им *Деркул*; *речки Чижинские*, которых три: *первый*, *второй* и *третий Чиж*, теряющиеся к Ю.З. от Уральска в так называемых *Чижинских разливах*. По Чижам рассеяны казацкие станицы и хутора, составляющие Чижинскую линию. Речки *Гаврилина* и *Ларина*; *Камыш-Самарские* и *Сакрыльские* озера, лежащие между Большим и Малым Узенями, и наконец озеро *Балыхта*. На этих озерах и речках я сам не был и, кроме приведенных названий, ничего особенного о них, в физическом отношении, сказать не имею. Рыболовство во всех них слывет под общим именем Узенского. На левой, Азиатской, или по-здешнему Бухарской, стороне Урала, верстах в 60 или 70 от Уральска лежит озеро *Черхал*, известное у казаков под именем *Черхальского морца*. Оно чрезвычайно обильно рыбой и производимый в нем лов важнее Узенского. Хотя и на этом озере я сам не был, но от рыболовствующих на нем ежегодно казаков удалось мне собрать довольно подробные о нем сведения. В это озеро вливаются две реки: *Большая* и *Малая*

Анкоты и выходит из него одна – *Солянка*, вливающаяся в Урал пониже Уральска. Смотри по сравнительной высоте воды в морце и в Урале, вода течет по Солянке или из Урала в него, или из него в Урал; летом же она пересыхает. Морце это имеет около 20 верст в длину и до 15 в ширину, в окружности же около 60 верст. Именно: от устья *Большой Анкоты*, впадающей в морце почти на самом крайнем его восточном пункте, до устья *Малой Анкоты*, лежащего от него почти прямо на север, считается 7 верст; от устья *Малой Анкоты* до *Краснаю Яра*, если идти сначала по северо-западному, а потом по юго-западному берегу озера, 30 верст; от *Красного Яра* до истока *Солянки*, который от него на юго-восток, 10 верст; от истока *Солянки* до лежащего от него к востоку *Пресного Ключа* 5 верст; наконец от *Пресного Ключа* в северо-восточном направлении до устья *Большой Анкоты* 7 верст. Я привожу здесь названия всех этих урочищ, потому что о них придется упоминать при описании Черхальских ловов. По середине Черхальское морце имеет до 7 маховых сажень глубины (более 5 печатных). Вытекающая из него речка носит название Солянки, потому что вода в нем хотя и не соленая, но, однако же, сильно солодковатая, так что даже зимой, во время рыболовства, казаки таят лед или снег для питья, если не находятся вблизи пресного ключа. Вода озера так прозрачна, что на глубине трех сажень еще видно дно. Дно состоит большей частью из черного ила (баткака), издающего сернисто-водородный запах. Берега местами крутые и обрывистые, высотой у Красного Яра до 5 сажень, местами же пологие, поросшие сослянками красного цвета. На восточной стороне озера есть горы, которые, впрочем, ниже Индерских. Вследствие солености почвы там, где берег низмен, вокруг него нет тростников, а потому на нем почти не водятся птиц; в впадающих же в него речках Анкотах, имеющих от 20 до 50 сажень ширины, очень много тростников и в них в изобилии водятся водяные птицы. Весной эти реки имеют течение и вода в них лишь слабо солодковата. К осени же они делаются стоячими, вода в них загнивает и получает неприятный запах. Весной поднимается из озера в эти речки рыба, чтобы метать икру, и на этом, как увидим, основаны некоторые из правил, существующих для Черхальского рыболовства. При сильных ветрах образуются у берегов, от напора воды в одну сторону, сильные течения, так что нельзя бывает иногда удерживать неводов. Зимой становится лед местами неровно и льдины нагромождаются одна на другую, а от этого не только верхняя, но и нижняя поверхность льда бывает весьма неровна и употребляемые здесь огромные невода рвутся часто об льдины. Поэтому от того, как станет лед, ровно или неровно, зависит главным образом успех зимнего лова.

В Черхальском морце водятся сазан, судак, лещ, щука, карась, вобла и чехонь. Замечают, что в Анкоты преимущественно идет метать икру лещ; вобла же и чехонь остаются постоянно в озере. В прежние времена, еще в начале нынешнего столетия,

водились в нем и сомы и тоже шли в Анкоты метать икру; теперь же они там совершенно перевелись. Я думаю, что этого нельзя себе иначе объяснить, как тем, что Солянка, соединяющая озеро с Уралом, была тогда, весной по крайней мере, гораздо глубже и полноводнее, нежели теперь, и что ей заходили туда сомы. Впрочем и в недавнее время, именно в 1848 году, зашел в морце осетр, который, будучи пойман, оказался очень худым и дурного вкуса; весил он 19 фунтов. О черной рыбе (у Уральцев слово *черная рыба* заменяет астраханское *частиковая* и имеет значение рыбы худшего сорта в сравнении с красной), ловимой в Черхальском морце, замечают напротив, что она особенно жирна и отличается превосходным вкусом. По словам казаков, лещи доходили здесь прежде до 7 фунтов, а судаки даже до 30; теперь же попадаются рыбы такой величины только как редкое исключение. Вообще, говорят они, стала здесь рыба гораздо мельче против прежнего: воблы и чехони приходится здесь кругом не менее 70 штук на пуд.

II. МЕТАНИЕ ИКРЫ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ОБРАЗЕ ЖИЗНИ РЫБ В УРАЛЬСКИХ ВОДАХ

В Урале и в прилежащей к нему части моря нет ни одной породы рыб, которая бы не водилась и в Волге. Но некоторые из рыб, живущих в этой последней реке или заходящих в нее, в Урале не попадаются вовсе, или по крайней мере весьма редко. Так в Урал вовсе не поднимается бешенка; стерлядь в нем весьма редка; белорыбицы прежде вовсе не было и лишь в недавнее время начала она изредка в него заходить.

Своей величиной уральская рыба также немногим отличается от волжской. Столь точных сведений об этом предмете, как для рыб, ловимых в Волге и в Куре, я здесь собрать не мог, потому что тут нет ватаг, на которых бы в подробности записывалось как число, так и вес пойманных рыб, а потому во всех статистических сведениях, существующих в Уральском рыболовстве, означены или только число, или только вес пойманной рыбы и, притом, вообще для красной и вообще для черной рыбы, без различия их сортов. То же относится и к пропорции икры и клея к общему весу рыбы. Поэтому я должен был довольствоваться в этом отношении показаниями опытных рыболовов. Таким образом выходит, что средний вес белуги составляет 3 пуда, шипа $1\frac{1}{2}$ пуда, осетра от 25 до 30 фунтов и севрюги 15 фунтов. Это почти тот же средний вес, что и для волжских рыб, – один осетр значительно мельче волжского и куринского.

На 10 икраных белуг (кругом в 30 пудов весом) приходится $6\frac{1}{4}$ пудов икры, на осетров и шипов (от 12 до 13 пудов весом) около $3\frac{1}{2}$ пуд икры, на 10 севрюг (от $4\frac{1}{2}$ до 5

пудов весом) $1\frac{1}{2}$ пуда икры. Следовательно, при том же весе тела, севрюга дает всего более икры, именно 9 пудов на 30 пудов, потом осетр и шип около 8 пудов и наконец белуга $6\frac{1}{4}$ пудов; вообще же можно положить, что в икрных рыбах вес тела относится к весу икры как 4:1. Так как из 3-х рыб приходится кругом одна икрная, то вес икры к весу ловимой красной рыбы будет относиться как 1 : 12, иногда же и как 1 : 10.

Пуд клея приходится на 120 белуг, на 400 осетров и на 600 севрюг. Шипов, несмотря на значительный их вес, на пуд клея приходится почти столько же, сколько и севрюг, потому что клеина у них весьма тонкая. Кругом можно считать, что на 1 фунт клея приходится от 12 до 15 пудов рыбы. Вязигу считают на Урале против клея.

Те же казаки, со слов которых я означил средний вес красной рыбы и средние пропорции клея и икры, утверждают положительно, что против прежнего рыба стала мельче. Тогда как в двадцатых и в тридцатых еще годах 100 рыб, преимущественно севрюг, пойманных на Курхайском лове, весили кругом 42 и 43 пуда и давали от 11 до 12 пудов икры, теперь весят не более 30—33 пудов и дают от 7 до 8 пудов икры.

Примеры чрезвычайно больших рыб встречаются и в Уральских водах, но еще реже, чем в Волжских. Самый замечательный из этих примеров представляет белуга, пойманная в 1847 году на весеннем Курхайском лове; она весила 60 пудов. В 1855 году на осеннем неводном лове попалась белуга, которая тут же на месте была продана купцам за 200 руб. сер., для чего ей нужно было весить от 30 до 35 пудов. Так как про этот случай рассказывают уже, как про нечто необыкновенное, то белуга в тридцать пудов составляет, следовательно, здесь уже редкое, исключительное явление. Осетры в 4 и в 5 пудов попадаются и теперь, а если это случится зимой, то обыкновенно отправляются в презент ко Двору; прежде они попадались даже в 7 и 8 пудов, хотя и редко. Чтобы и в последние годы был пойман такой осетр, мне не приходилось слышать.

В естественной истории рыб Каспийского моря два обстоятельства заслуживают особенно внимания, как сами по себе, так и по тому, что на изучении их основано все здешнее рыбное хозяйство, это – метание икры, обуславливающее весенний ход рыбы в реки, и нечто вроде зимнего сна, называемого здесь *лежанием на ятовях*, обуславливающее их осенний ход в реки. Относительно красной рыбы, оба эти явления представляют в Урале замечательные особенности, даже сравнительно с соседней Волгой. Все, что я могу сообщить здесь об этом предмете, основано на рассказах опытных рыбаков. Мое дело состояло лишь в том, чтобы собрать как можно более таких рассказов от разных, заслуживающих в этом отношении доверия, лиц, сличить их между собой и, сообразив с теми сведениями, которые я приобрел об этом предмете, под руководством академика Бэра, во время пребывания нашего на Волге и на Куре, отделить

несомненные факты от предрассудочных мнений, которые рассказчики могли себе составить.

Собранные мной сведения, как в Гурьеве, так по дороге из Гурьева в Уральск и наконец в самом Уральске, о времени и местах метания икры, совершенно согласны между собой, не так как на Волге, где жители низовьев, побуждаемые своими интересами, говорят совершенно другое, чем живущие около Царицына и выше. Это потому, что здесь, как мы увидим ниже, интересы всего войска тождественны. Все, с кем я только ни говорил, утверждали согласно:

1) что красная рыба мечет икру как в море у черней (низменных берегов), так и в реке, 2) что время метания икры начинается с первых чисел мая и даже с конца апреля и продолжается не далее как до половины июня и 3) что прежде всех мечет икру белуга, за ней осетр и шип, а уже после всех севрюга. Так как метание икры в море и ранний срок, в который оно имеет здесь место, противоречило тому, что было мне известно из других частей Каспийского моря, то я требовал на эти два факта самых положительных удостоверений и доказательств. Следующие рассказанные мне случаи несомненно подтверждают, что действительно красная рыба иногда мечет икру в море. Теперешний начальник Гурьева городка, войсковой старшина Буренин, говорил мне, что в его молодости, когда он еще был урядником, в 1828 или 1829 году, во время одного из разъездов по взморью для обережения его от тайных половов, бывшие с ним казаки выдернули кол, оставшийся от установки Курхайских сетей*, и на нем был как бы насажен клуб икры, величиной с голову, если не больше. Тогда он не обратил внимания на то, какой именно породе красных рыб эта икра принадлежала. Другой подобный пример сообщил мне советник Уральской Войсковой Канцелярии подполковник Марков. Также во время разъездов по взморью, ему случалось вынимать тростник (из куч сухого тростника, наносимого в море течением во время разливов), к которому были прилеплены икринки красной рыбы. Икринки эти от долгого лежания в воде разбухли и были величиной с горошину. Такая же икра попадалась ему на каршах, лежащих в море. Вода в этих местах моря была уже солодковая, но, однако же, такая, которую с нуждой еще можно было пить. Кроме этих двух уже совершенно определенных и положительных рассказов, все рыбаки, ловившие в море, утверждают, что в глухих Култуках побережья часто скопляется весной красная рыба в большом изобилии, теснится там, играет и трется, а из пойманной в это время рыбы свободно вытекают икра или молоки. Старик Щелоков даже говорил мне, что ему случалось видеть, как самцы поливают молоками выпускаемую

* Таких колов, обозначающих места, где были сети, в море всегда много, хотя их объездчики и собирают после всякого лова, ибо в совершенно безлесной стране, каковы окрестности Гурьева, они довольно дороги.

самками икру. Г. Карелин также сказывал мне, что, уже в последнее пребывание его в Гурьеве, случилось ему видеть такое скопление красной рыбы в Черепном Култуке, лежащем к востоку от Белого Ильменя. В подтверждение того, что красная рыба мечет икру и в морских заливах, приводили мне в пример, что весной 1855 года, т. е. через год после сильного половодья 1854 года, поймано было в Курхайском морце много севрюг в 6 вершков и в $\frac{1}{2}$ аршина длиной. По мнению рассказывавшего мне это казака Сладкова, это были годовики, которые сами туда зайти не могли, а вывелись там из икры, выметанной в 1854 году рыбой туда зашедшей, когда временно восстановилось соединение морца с Богатым Култуком. Мне кажется, что это объяснение, хотя и не вполне доказательно, однако же самое вероятное, потому что, хотя молодые рыбки могли бы зайти в морце и из Урала вскоре после их выводки, или из моря, когда соединение Култука с морцем было восстановлено от половодья или сильных морян, но последнее неправдоподобно, ибо никогда и нигде не замечено, чтобы столь мелкая красная рыба шла к берегам; для первого же было бы нужно, чтобы рыбки весьма рано вывелись из икры, дабы успеть до слития воды попасть из Урала в Курхайское морце. Вообще, по словам опытных рыболовов, красная рыба в море идет для метания икры на те места, где через степь переливается вода от разлития Урала. По их мнению, сюда не столько привлекает их пресность воды, сколько ее теплота, ибо, разливаясь по степи, вода при малой глубине весьма скоро тут нагревается.

О метании икры в реке все утверждают, что для этого красная рыба расходится по разливам Урала и идет на так называемые наборы или выбоинные места, то есть туда, где дно очень неровно, много каршей и растет тальник; но никогда не выбивает ее в главном русле. Что действительно в этих местах рыба выметывает икру, подтверждают они тем, что на возвратном пути оттуда у ней вся икра бывает выбита. Замечу здесь, что опытные рыболовы из казаков весьма хорошо отличают яловую рыбу (самцов) от выбоинной тем, что в этой последней находят мелкие икринки, – зародыши будущей икры. Хотя, таким образом, казаки сами говорят, что рыба поднимается в Урал, чтобы и там метать икру, у них существует, однако, на этот счет весьма странное предрассудочное понятие. Именно они говорят, что только из той икры, которая выметывается красной рыбой в море, выводятся молодые рыбки и что хотя она часто мечет ее и в Урале, или точнее в разливах его, но тут она, по их выражению, не *оплодотворяется*, то есть не развивается без присутствия соленой воды. (Они весьма хорошо знают, что оплодотворение происходит от полития икры молоками, но под словом не оплодотворяется разумеют тут, что не достает выгодных условий для дальнейшего развития икринок). Такое мнение их основано на том, что будто бы в Урале никогда не попадает и вообще не бывает видно

мальков красной рыбы. Конечно, нет никакой надобности опровергать самого мнения, что будто бы из выметанной и оплодотворенной икры красной рыбы в реке не развивается рыбок; но и самое основание, на котором оно утверждается и которое многими, даже и за пределами земли Уральского войска, принимается за совершенно достоверный и неопровержимый факт, совершенно ложно. Именно об Урале, скорее чем о всякой другой реке, вливающейся в Каспийское море, можно привести примеры, что в ней были находимы мальки красной рыбы и притом в весьма большом количестве. Еще в бытность нашу в Гурьеве, осенью 1854 года, академик Бэр сам слышал от г. Карелина, что неподалеку от Гурьева были усмотрены однажды в одном из разливов Урала, после спадения воды, множество севрюжьих мальков. При проезде моем через Кондауровский форпост* (в 16 верстах выше Гурьева), около которого это случилось, я собрал тамошних стариков, чтобы от них разузнать об этом. Они рассказали мне, что действительно, в начале тридцатых годов, было найдено чрезвычайное множество севрюжьих мальков в разливах Урала, окружающих их форпост. Они были так малы, что их вылавливали бреднем, сделанным из рогож, и пускали в Урал. Эти севрюжки, по словам их, были загнаны туда ветрами вместе с водой из Урала, а не вывелись в этих разливах. Совершенно подобный факт сообщил мне советник Уральского Войсковой Канцелярии подполковник Макаров. В своей молодости он сам вылавливал рогожными сетями севрюжьих мальков из озера, лежавшего около Сарайчиковской крепости (в 46½ в. выше Гурьева), теперь уже высохшего, и пускал их в Урал. Наконец весьма многим попадались, по разливам Урала, шиповые мальки, так что для этой породы самые упрямые из казаков-теоретиков допускают исключение, говоря, что из шиповой икры могут и в Урале выводиться мальки.

Что касается до времени метания икры, то все утверждают, что оно начинается для севрюг с начала мая и продолжается до половины июня, времени окончания весеннего рыболовства, так что для этой породы главное время метания икры приходится на конец мая. Осетр же, а особенно белуга, по мнению казаков, мечут икру еще ранее, именно с конца апреля, с Егорьева дня (23 апреля); но это некоторые из казаков оспаривают, говоря, что никогда не случалось им видеть свободно вытекающей икры из белуг и что о раннем метании икры этой породой заключают лишь по раннему ее ходу в Урал. В море, по замечанию казаков, красная рыба какой бы ни была породы, севрюга ли, шип ли, осетр ли, белуга ли, мечет икру ранее, чем в Урале.

* Форпостами называются у Уральских казаков их станицы, без сомнения потому, что прежде они не были местами постоянного их жительства, а казаки приходили в них на время для содержания сторожевых постов против Киргизских набегов. Самые большие и старинные из станиц называются крепостями, каковыми они действительно прежде и были, теперь же ничем не отличаются от обыкновенных форпостов.

Все эти наблюдения казаков над временем метания икры основаны на том, когда ловится красная рыба с совершенно свободно вытекающей из нее икрой и когда ловится рыба уже выбойная, что, например, всегда уже бывает к концу весеннего севрюжьего лова. Эти сведения о месте и времени метания икры красной рыбой были повторяемы мне столькими лицами, начиная от Гурьева до Уральска, и с такими удостоверительными подробностями, что я не могу не признать справедливости этих фактов, тем более, что ни разу не случилось мне услышать от кого-либо что-нибудь им противоречащее. Встречаемую здесь разницу с тем, что найдено было нами на Волге, должно, по моему мнению, объяснять особенностями здешней местности и некоторыми другими обстоятельствами.

Собственно в Урале, на всем его протяжении от моря до Уральска и даже почти на 100 верст выше этого города, следовательно на 600 верст по прямой линии, а считая извилины реки, более чем на 1000 верст, нет мест пригодных для метания икры красной рыбой. Поэтому, войдя в реку, она ищет мест, по своим свойствам всего ближе подходящих к каменистым грядам, и идет поэтому на так называемые наборы или прибоистые места, где грунт твердый, где много каршей и еще на корне стоящих деревьев и где она может тереться о шероховатую их кору. Выведшиеся мальки из икры, выметанной в этих местах, идут в Урал и спускаются им в море, на пути в которое и могут заходить или быть заносимы в заливы, подобные Сарайчиковскому или Кандауровскому, которые сами по себе, имея или мягкий илистый грунт, или будучи поросшими травой, не представляют никаких удобств для метания икры красной рыбой. Следствием всего этого должно быть, однако же, что красная рыба, которая и избегнет направленных против нее орудий лова, не находя в Урале того, что ей нужно, чтобы выметывать икру в благоприятных для этого обстоятельствах, выметывает ее не в таком числе, а главное – из выметанной икры не развивается столько мальков, как при нормальных условиях. Темное представление об этом заключается, может быть, в вышеприведенном мнении казаков, что в речной воде не развивается молодых рыбок из икрянок, хотя, конечно, море, вопреки их понятиям, еще менее тому благоприятствует. Несмотря на отдаленность мест, удобных для метания икры красной рыбой, нет сомнения, что она в значительных количествах поднималась бы до них, если бы тому не препятствовал способ производства весеннего плавного рыболовства, как увидим ниже. Существующий в Уральске учуг несколько не вредит ходу рыбы, потому что он на зиму совершенно разбирается, а устанавливается вновь лишь тогда, когда Урал вступит у Уральска совершенно в свои берега, т. е. не ранее половины или конца июня, когда весеннее плавное рыболовство уже кончено и проходить уже нечему. Он устраивается только для того, чтобы не пропустить дальше рыбы

осеннего входа. Однако, и теперь за учугом ловится немало осетров и шипов, белуг же, а особенно севрюг, почти вовсе не ловится, так что на 100 осетров и шипов придется не более 3-х или 4-х севрюг. Это должно приписать как вообще меньшей склонности севрюг высоко подниматься в реки, так главным образом опять-таки характеру весеннего речного рыболовства. Обо всем этом будет в подробности говорено на своем месте, теперь же упомянуто для того лишь, дабы показать, что отдаленность мест удобных для метания икры красной рыбой, при несколько измененном характере лова, не составило бы неодолимого препятствия к тому, чтобы Урал в большей мере содействовал к умножению общего запаса красной рыбы в Каспийском море, чему теперь он, по моему убеждению, содействует не в пример менее всех прочих его значительных притоков, далеко не соответственно той доле, в которой он участвует в общем вылове, так что на Уральском рыболовстве пропорционально более, чем на всех прочих лежит вина уменьшения красной рыбы в Каспийском море. Другая особенность Уральского побережья объясняет, почему красная рыба мечет здесь икру и в море. Это множество глухих култуков по всему берегу, как, например, тот, в который я въехал на пути из Астрахани в Гурьев. Их можно назвать теперь ложными устьями, потому что некогда они были настоящими. Эти ложные устья заманивают в себя рыбу, желающую подниматься в реки, тем более, что в эти култуки вливается со степи пресная вода. Вошедшая в них рыба, не находя выхода, долгое время в них остается, ища прохода, и теснится сзади беспрестанно вновь прибывающей рыбой; а так как между тем наступает для нее время выметывать икру, то она бывает принуждена против своего обыкновения выбивать ее в море на солодковатой воде, стараясь находить такие предметы, о которые могла бы тереться, каковы, например, кучи сухого тростника. Что и здесь она трется, видно из того, что и у здесь ловимой в это время рыбы брюхо бывает красное.

Более раннее метание икры в Урале и в прилежащей к нему части моря объясняется тем, что вода Урала, разливаясь тонким слоем по степи, должна очень скоро нагреваться, что также должно происходить и в море по причине его мелкости на большое расстояние от берегов. Поэтому рыба весьма рано встречает тут ту температуру, которая ей нужна для выметывания икры. Нельзя даже, кажется, отвергать и чрезвычайно раннего метания икры белугой. Полученные нами сведения о метании икры красной рыбой в Волге и Куре относятся собственно к осетрам и севрюгам, о которых только известно нам достоверно, что для них время это настает в означенных реках не ранее конца июня. Но что есть породы красной рыбы, для которых это время настает чрезвычайно рано, доказывает лов, производимый на устьях Сыр-Дарьи. В Аральском море живет только одна порода красной рыбы, похожая на каспийских осетра и шипа, но от обоих отличная.

Не раз уже упомянутый мной, гурьевский казак Павел Голубов, в конце 1849 года, был вытребован компанией Аральского рыболовства для устройства там лова, где и пробыл до конца 1850 года. Против устьев Сыр-Дарьи был им учрежден лов крючковой снастью. По взломе льда, 11-го марта 1850 года, были выложены снасти, в числе 1320 перетяг. Но почти вся ловившаяся здесь рыба была уже выбойная (которую казаки хорошо отличают от яловой). Из 200 и даже 300 штук рыбы, привозимых иногда разом на ватагу, не находилось более десятка с икрой. В сентябре рыба попадалась с жировой, т. е. молодой икрой негодной еще для выделки и только попадавшаяся зимой, до вскрытия льда на Сыре, имела икру годную для передела. Но зимой мало могли ловить по различным неудобствам, сопряженным с производством лова в это время года, а главное потому, что ее тогда не много идет в Сыр-Дарью. Следовательно, она мечет икру где-нибудь в другом месте, вероятно в Аму, в очень раннее время года. Из этого произошел странный и, для знакомого с Каспийском рыболовством, едва вероятный факт, что из 7000 штук пойманной красной рыбы (средний вес которой в 33 фунта) в течение года могли выделать не более 20 пудов икры, добыв из нее столько же и даже немного более клея, тогда как на Сальянских промыслах, например, икры приходится в 40 раз более, чем клея. О ничтожности количества икры, получаемой с Аральского рыболовства, говорили мне также войсковой старшина Буренин и подполковник Макаров, бывшие начальниками в Раимском укреплении; наконец, это подтвердил мне оренбургский купец Путолов, один из участников в компании Аральского рыболовства. Он приписывал именно этому обстоятельству маловыгодность всего предприятия. Итак, подобно аральскому шипу, может быть, что и белуга мечет икру несколько ранее, чем прочие породы красной рыбы.

В заключение, о метании икры красной рыбой в Уральских водах, я сообщу еще два замечания, сделанные здешними рыболовами. Первое из них то, что в Урале нет покатной рыбы. Это покажется нам несколько не удивительным, если скажем, что вся рыба, входящая в Урал, почти дочи́ста вылавливается. Об этом в подробности будет говорено в следующем отделе, где мы займемся тем, как производится в Урале рыболовство. Те же немногие рыбы, которым удастся ускользнуть от плавных сетей и ярыг, остаются незамеченными, потому что с половины июня всякое рыболовство в Урале прекращается.

Другое замечание, сообщенное мне весьма опытным в рыболовстве торговым казаком Щелоковым, не как личное его мнение, но как господствующее между всеми казаками-рыболовами, состоит в том, что красная рыба не каждый год выметывает икру. Это основывают на следующем: 1) После метания икры в июле, августе, сентябре ловятся осетры и севрюги (выше забойки, где лов дозволен во всякое время) с икрой совершенно

зрелой, но не размякшей и нисколько не испортившейся, так что можно бы ее принять за не выметанную по неблагоприятным обстоятельствам. Рыбы с такой икрой вовсе не молодые, у которых икра еще готовится для выметания в будущем году в первый раз, а разного возраста и между ними встречаются осетры в два пуда и более. Трудно себе представить, чтобы с мая успела уже нарасти новая икра и притом не жировая, а вполне развитыми зернами. 2) Осенью, во время осенней плавни, попадает еще и выбойная рыба, т. е. такая, у которой после выбоя икры новая еще не выросла и видны лишь зародыши икринок, – икра неразвитая. Из этих двух замечаний заключают, что икра красной рыбы требует более года для своего созревания. Поэтому рыба, ловимая с икрой осенью и зимой, будет та, которая предыдущей весной икры не выметывала, но у которой она уже достаточно выспела для выметки на следующую весну. Рыба же, попадающаяся с жировой икрой осенью и зимой, – та, которая прошедшей весной икру выбила и у которой она еще и не успела созреть, будет расти весь этот год и лишь на предбудущий будет готова к выметке. Если такой рыбы мало ловится осенью и зимой, то это потому, что она остается в море, не идя в реки для зимнего отдыха. Я не беру на себя решить, справедливо ли это мнение, но оно, во всяком случае, заслуживает внимания, ибо хорошо объясняет, почему красная рыба во всякое время года попадает с икрой годной для приготовления в пищу, как мы сами имели случай в этом удостовериться на Волге.

О метании икры черной рыбой нечего сказать, что отличалось бы от известного из других мест. Уральцы замечают только, что есть породы черной рыбы, которые, идя на разливы метать икру, как только вода перестает прибывать, спешат возвратиться в главное русло Урала, почему их никогда и не находят осенью в старицах, запираемых, лишь только вода начнет сбывать, чтобы зашедшая туда рыба не могла уйти обратно. Таков по преимуществу синец, как бы сопутствующий красной рыбе.

Другое замечательное явления в жизни рыб есть их зимний отдых или сон. Как на ходе их в реки для метания икры основаны все виды весеннего рыболовства, так точно на их ходе для зимнего отдыха основаны все виды рыболовства осеннего и зимнего. Этот зимний отдых рыб нигде не проявляется с такой очевидностью, как в Урале, потому что нигде не принято человеком таких мер к тому, чтобы не мешать им и охранять их покой. Я сообщу здесь все, что известно казакам об этом малоисследованном предмете. С конца июля уже замечают, что как красная, так и черная рыба начинает вторично подниматься в Урал. В это время всякий лов запрещен, чтобы не пугать входящую рыбу. Сначала она гуляет, но по мере того, как вода начинает холодеть в августе и в сентябре, она останавливается на известных местах, для нее удобных, преимущественно глубоких, и держится около такого выбранного ей места, далеко не отходя от него. Во все это время

опытные казаки, особо для этого назначенные, зорко следят за ходом рыбы и знают каждый, прошедший мимо них, косяк, так что всегда наперед могут сказать, каковы будут осенняя плавня и багренья. Когда рыба останавливается на известных местах, сторожевые казаки наблюдают, в каком количестве и какая рыба тут легла. Для этого смотрят они по зарям, как рыба поднимается, т. е. играет, выпрыгивая из воды. Опытность их в этом так велика, что издали, на расстоянии, на котором уже нельзя ясно отличить форму рыбы, во время его быстрого всплеска, они по этому всплеску безошибочно узнают не только породу, но и пол рыбы. Икрная, говорят они, лишь немного и тихо из воды приподымается, яловая же вся очень быстро выскакивает. Места, на которых скопляется рыба, называются Уральцами *ятовями*. На ятови, которую избирает для себя красная рыба, черной уже не бывает, и наоборот; только про одного синца рассказывают, что он ложится вместе с красной рыбой. Из красной рыбы всего более собирается на ятови осетра, севрюги же и белуги несравненно менее. Ятови эти известны казакам все на перечет и имеют определенные названия. Так, например, между морем и Гурьевым находится знаменитая *Славущая ятовь*, на которой, однако, в последнее время рыба стала собираться против прежнего в гораздо меньшем изобилии. Не менее ее знаменита, по количеству некогда ловимой в ней рыбы, ятовь Старая яма, в 7 верстах ниже Уральска; около Уральска есть еще известные ятови: *Печька*, *Нижнеперевозная* и *Упор*, на которых в последние годы стали обыкновенно производить презентное багренья. Выше забойки рыба также собирается на ятови, конечно не в большом числе. Так, несколько лет тому назад, свободный лов на некоторое расстояние выше забойки был запрещен, дабы воспользоваться находящейся тут ятовью для презентного багренья. Иногда случается, что рыба совершенно бросает какую-нибудь ятовь и избирает новое место, где прежде ятови не было. Обыкновенно ятови суть места глубокие и на Урале нет почти мест, имеющих от 6 до 7 сажень глубины, на которых бы не было ятовей; но по концам своим ятовь продолжается и на более мелкие места, где не было 1½ сажени глубины. Есть даже целые ятови на местах небольшой глубины.

Пока ятовное место еще не покрылось льдом, рыба часто поднимается на поверхность и играет, особливо по утрам, по замерзании же его – опускается вглубь, но, по замечанию казаков, не лежит на дне, а держится в небольшом от него расстоянии. Часто казаки, сторожащие рыбу, после покрытия ятовных мест льдом, когда его еще не занесло снегом и он прозрачен, подползают к самой ятови, стараясь рассмотреть рыбу. Так как ее на дне не видать, то они сильно ударяют палкой по льду, от чего она вся поднимается кверху и как бы прислушивается к потревожившему ее шуму, ибо поднимается, большей частью, боком, как бы обращая ухо к поверхности льда. Если часть

ятови замерзла, часть же еще свободна ото льда, то рыба нередко выплывает на эту полынью и играет. Ятовная рыба выпускает из себя слизь, которая одевает всю ее тонкой оболочкой, называемой *слёном* или *шубой*. По мнению казаков, рыба чрезвычайно бережет во всю зиму этот слен, который должен предохранять ее от холода, опасаясь сбить или стереть его с себя. Этим объясняют они необыкновенную тихость и медленность движений ее в это время, так что даже когда зацепят ее багром, она весьма мало бьется. Они не думают, чтобы рыба в это время спала, и, действительно, трудно решить – спит ли она или находится только в состоянии какого-то оцепенения. Во всяком случае сон этот или оцепенение это, которые могут зависеть как от холода, так и от меньшего количества воздуха подо льдом и, следовательно, от слабейшего дыхания, не очень крепки, потому что через несколько времени, примерно через полчаса после начала багрения, всегда сопровождаемого большим шумом, она поднимается со дна и начинает медленно расходиться в стороны. Что рыба на ятови находится в некоторого рода оцепенении или сне подтверждается тем, что она в это время ничего не ест, ибо у багреной рыбы в желудке не находят ничего, кроме слизи. Лишь белуга составляет исключение, ибо не только яловую (всегда более прожорливую), но и икряную случается ловить в это время с желудком, набитым черной рыбой. Несмотря на этот факт, всем казакам известный, они тем не менее говорят, что, собираясь на ятови, рыба ищет себе питательных мест, но на то, в чем же состоит эта питательность, они не умеют дать никакого ответа. Вся лежащая на ятовях рыба почти совершенно вылавливается в осеннюю плавню и в багрение. Та же, которая остается, становится очень бойкой, старается освободиться от покрывающего ее слоя слизи – слена.

Этот рыбий обычай, лечь зимой на ятови, наблюдаемый во всей полноте только на Урале, потому что только на нем приняты все меры, чтобы дать рыбе все средства следовать ее инстинкту, без сомнения, должен существовать и в прочих реках, замерзающих зимой. В самом деле, в тех местах казенных Астраханских вод, на которых во все лето не производится лова, чтобы приберечь их к осенней плавне и к зимней громке, рыба также собирается в большом количестве в определенных, наперед известных местах. Только тут не ловят ее на самых местах ее лежания, а заперев ей оба выхода, сначала спугивают с ее мест и потом уже ловят. И тут, по словам рыболовов, она спокойно лежит на известных ямах. В других местах Волги судоходство, продолжающееся до самого замерзания реки, и рыболовство, не прекращающееся и зимой, не допускают ее спокойно улечься на зиму в удобных для этого местах.

III. УРАЛЬСКОЕ РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Вся река Урал от Бородинского форпоста, то есть от границ Илецких казаков, в ста верстах выше Уральска до моря, а в настоящее время и часть моря по берегу от Пороховинского до Гранного бугра верст на 90, вглубь же до 6 или 7 саженой глубины, справа на 76, а слева на 88 верст, равно как и все реки и озера, лежащие в землях Уральского Войска, и вне этих земель лежащее в Киргизской степи Черхальское море, с впадающими в него двумя Анкотами, составляют общую собственность всего Уральского войска. Все эти воды не разделены на участки между отдельными лицами или селениями, а составляют нераздельную собственность всего войска сообща, так что казаки, живущие в Гурьеве, имеют право отправляться в Уральск для участия в производимом начиная отсюда багрении и действительно отчасти пользуются этим правом, а, наоборот, казаки, живущие в Уральске и выше, могут спускаться до самого моря, во время весенней плавни, или ловить и в самом море, во время Курхайских или Аханного ловов. Илецкие казаки, хотя и входящие в состав Уральского войска, этого права не имеют, а могут лишь ловить в том пространстве Урала, которое протекает по их дачам, от Мурхановского до Бородинского форпоста. Такого способа пользования, самого законного и справедливого по отношению к дарам природы, которые она предлагает человеку без всякого со стороны его участия в их производстве или размножении, сколько мне известно, нигде не существует кроме Урала. Здесь в казацком товариществе, распорядившемся занятой им страной по своему произволу, без всяких внешних ограничений, проявилось на совершенном просторе, ничем не стесняемое, общее всем Славянским племенам стремление к общинному пользованию собственностью. Каким образом проявляется участие отдельных лиц в этом пользовании общей собственностью, в подробности будет сказано при описании различных видов рыболовства. Но прежде, нежели перейдем к этому описанию, расскажем вкратце, каким образом Уральцы получили в свое владение весь Урал, значительный участок моря и некоторые другие преимущества, имеющие связь с рыбной промышленностью.

Не входя в рассмотрение того, как и когда появились казаки на берегах Урала, что до нашей цели вовсе не касается, мы знаем, что в тридцатых годах прошлого столетия казаки жили только в Уральске, тогдашнем Яицком городке, и в его ближайших окрестностях. Вся нижняя часть течения Урала тогда еще им, да и никому, не принадлежала. Здесь кочевали тогда по левой стороне реки Киргизы, по правой — Калмыки, которые друг на друга беспрестанно нападали и друг друга грабили, переходя

для этого разграничивавшую их реку^{*}. При самом же устье Урала существовал еще задолго до этого времени Гурьев городок, а в четырех верстах ниже теперешнего городка, на месте доселе называемом брандвахой^{**}, был устроен казенный учуг, отдававшийся на откуп. В учуге этом первоначально были открыты с обоих концов его ворота, шириной от 6 до 8 сажень, но впоследствии ворота эти были уничтожены, вероятно, откупщиками, и рыба могла проходить в Урал лишь побочными его устьями, в то время многочисленными и глубокими. К этому-то учугу, а не к Уральскому, относятся рассказы, показывающие необыкновенное изобилие рыбы в то время. Предание говорит, что рыба так напирала на учуг, что должны были разгонять ее пушечными выстрелами. В Гурьеве нашелся только один казак, именно Зеленцов, которому уже более 70 лет, знакомый с этим преданием. Ему сообщал его один, в глубокой старости и уже довольно давно скончавшийся, священник и то не как самим им виденное, а как слышанное от стариков, уже очевидцев.

Казаков, живших тогда в Яицком городке, было до 3000 способных носить оружия (теперь число это почти утерялось). Они охраняли лишь ту часть границы, которая примыкала к месту их жительства; главнейший доход свой, подобно тому как и ныне, имели они от рыболовства, которое, вероятно, распространяли и несколько ниже своего городка. Астраханским губернатором Татищевым подан был проект поселить по Уралу, для охранения его ниже жилищ Уральских казаков, Казанский драгунский полк и, под его прикрытием, в роде иррегулярного войска Самарских и Алексеевских дворян. Проект этот был утвержден резолюцией Кабинета от 21 января 1839 года, но за некоторыми препятствиями решение это несколько лет не было приводимо в исполнение. Казаки, между тем, опасаясь, что эти новые поселенцы будут перелавливать на пути идущую к ним рыбу, а также, вероятно, не желая лишиться пользования рыболовством в нижних частях Урала, подали просьбу, в которой обязывались построить у урочищ Кулагина Яра и Калмыкова Яра две крепости и охранять их, равно как и всю линию вплоть до Гурьева, своими силами, прося лишь, чтобы на этом пространстве не делали предполагаемых заселений, уволили их от посторонних командировок и отворили бы ворота по обоим концам Гурьевского учуга, в 8 сажень шириной каждые. Как боялись казаки предполагаемого поселения драгун и Самарских и Алексеевских дворян, можно видеть из того, что в своей просьбе они говорят: „от такого заселения мы придем в крайнюю нищету и разорение и рыбные наши промыслы, от которых все свое содержание и пищу имеем и

* В грамоте Императрицы Елизаветы Петровны Уральскому войску от 23-го апреля 1743 года, между прочим, сказано: „Того ради указали мы, ради всех тех предписанных резонов, на означенном от Яицкого городка вниз по реке Яику к Гурьеву пустом расстоянии, ко отвращению и конечному Киргиз-Кайсацких и Калмыцких перебегов пресечению» и проч.

** Это название показывает, что в начале прошедшего столетия море очень близко подходило к Гурьеву, от которого оно теперь уже в 16 верстах.

службу отправляем, вовсе уничтожатся: ибо за таким поселением *рыба до нашего городка, затем что всегда будет пужана, приходит уже не может, и от одного оружейного выстрела или огнища, или же кто не вовремя хотя одну рыбу поймает, вся на низ уходит*». Нелепость слов этих очевидна: если такое препятствие, как Гурьевский учуг, рыбы назад не ворочал и она доходила в достаточном количестве до Яицкого городка, так как, по собственным словам казаков, они от рыболовства все свое пропитание имели, то как могла сделать это поимка одной рыбы, или один выстрел. Все это выдумки, дабы отвлечь предполагавшееся поселение, и в них-то, вероятно, начало той мысли, составляющей до настоящего времени коренное убеждение Уральцев, хранимое как завет старины, которой они во всем так слепо придерживаются, что не только всякое судоходство, но даже всякий малейший шум и даже огонь в домах на берегу Урала пугают рыбу.

Тогдашний Оренбургский губернатор Неплюев, которому весь этот край так много обязан, вступился с своей стороны за казаков, представляя, что предполагаемое заселение по нижнему Уралу совершенно бы разорило их, тогда как, по его выражению: „такой де сильный, легкий и исправный корпус разорять весьма бесполезно». Снисходя к этим просьбам Императрица отменила резолюцию бывшего Кабинета и грамотой от 23 апреля 1743 года, данной на имя Войскового Атамана Андрея Бородина и всего Яицкого войска, пожаловала их отворением учуга, наложив на них за это обязанность построить две означенные крепости: Кулагину и Калмыкову, содержать в них по 500 человек гарнизону, сначала ежегодно переменяемого, а потом совершенно поселить тут означенное число казаков, и своими разъездами, как между обеими крепостями, так и начиная от них в одну сторону до Яицкого городка, а в другую до Гурьева, охранять границу, не допуская до перебегов кочующих по берегам реки Киргиз и Калмыков.

Таким образом, заселение нижнего Урала было для казаков не расширением их владений, которое бы они считали своей выгодой, а наложенной обязанностью, которую, правда, они сами предложили на себя принять, но только во избежание большего зла, чтобы низовья их кормильца — Яика не достались в чужие руки. Вследствие этого долгое время должны были казаки смотреть на свои низовые крепости и форпосты, как на колонии, и ревниво надзирали, чтобы от этих низовых жителей не происходило вреда для их метрополии, их коренной отчины—Яицкого городка и, как увидим ниже, сколько могли противились развитию низового рыболовства, особливо же морского. На это имели они отчасти и благовидные доводы, ибо морское рыболовство, устроившееся в позднейшее время, уже не свободным путем обычая и товарищеского согласия, а уже под влиянием Войсковой Канцелярии, далеко не носит на себе того характера справедливости

и равномерности в распределении выгод, как речное. Подобно тому, как во времена Неплюева, жители Яицкого городка лучше желали, чтобы низовья Урала по-старому были ничьи, чем ихний, так точно и теперь большинство верховых жителей лучше бы желало, чтобы принадлежащий войску участок моря был ничей, чем ихний, но, конечно, лучше ихний, чем чужой. Расселение их по всему Уралу послужило теперь к их же пользе; конечно и морское рыболовство, давая само по себе значительную прибыль, будучи устроено на других началах, помирило бы с собой большинство.

Стараясь об отворении Гурьевского учуга в пользу казаков, Неплюев писал об этом и к Татищеву, предложившему поселить на Урале драгун, Алексеевских и Самарских дворян, желая и его склонить на свою сторону. Татищев не только согласился с мнением Неплюева, но, принимая в соображение ничтожность выгод, получаемых казной от Гурьевского учуга, который в два года, 1740 и 1741, доставил только 5,037 руб. 66 коп., предложил отдать учет казакам вместо жалованья, предоставив на их произвол сломать его или содержать в свою пользу. Казаки, поняв всю выгоду, которую могло бы им доставить осуществление мысли Татищева, вошли об этом с новой просьбой в Военную Коллегию. Неплюев поддержал их и в этой просьбе, представив, между прочим, резоны, что гораздо выгоднее будет совершенно отчислить Гурьева от Астраханского ведомства к Оренбургскому. 25 мая 1752 года получен был сенатский указ в Оренбургскую губернскую канцелярию, удовлетворявший просьбе казаков, и 16 сентября того же года был заключен в Каммер-Коллегии контракт с Яицким войском, по которому отдан был ему Гурьевский учуг для уничтожения его, а гурьевские таможенные и кабацкие сборы в содержание с 1 января 1753 года за 5,446 руб. 79½ коп. В том числе приходилось собственно за учуг 4,692 руб. 69½ коп. по трехлетней сложности доходов с него за 1742, 1743 и 1749 годы. Эту сумму, на серебро 1,340 руб. 77 коп., Уральские казаки и теперь ежегодно вносят в казну. В контракте не приведено причин, почему положено Гурьевским учугам не быть, но можно догадываться, что это было согласнее с желанием войска, чем непосредственное пользование ими. В это время был, вероятно, устроен Уральский учуг взамен Гурьевского, о точном времени устройства которого я не мог ничего узнать ни из документов, ни из устных преданий. В этом же контракте сказано, что по силе, присланного из Сената, указа запрещается казакам ловить рыбу при Гурьеве городке и близ него, где производился лов во время казенного управления, равно как и посылать рыбу и рыбные продукты в Астрахань для продажи, дабы не произвести тем каких-либо убытков Астраханским казенным рыбным промыслам. Это последнее постановление и до сих пор строго соблюдается, хотя совершенно из других причин. Относительно лова рыбы около Гурьева допускалось лишь одно исключение в пользу Калмыков, которые бы около

Гурьева стали кочевать, конечно, только для их пропитания, а не на продажу. Это ясно доказывает, что в то время, даже после уничтожения учуга у Гурьева, тамошняя местность и берега моря, а тем более само море, казакам вовсе не принадлежали. Владение морем основывают они на указе, последовавшем от Государственной Каммер-Коллегии в Оренбургскую губернскую канцелярию от 24 февраля 1758 года, но владение это окончательно утверждено за ними только указом от 23 декабря 1803 года. Однако, они уже владели своим участком моря до этого времени, как это видно из того, что в 1780 году, по распоряжению Кавказского генерал-губернатора Потемкина, было заключено условие между Уральским войсковым начальством и Астраханской рыбной конторой о границах Уральских и Эмбенских вод. Воды Уральские, по этому условию, должны были простираться на восток от старого устья Урала на 43 версты 430 сажень до Гранного бугра, как это и поныне существует. Западная граница Уральского морского участка не была столь точно определена, почему и возник впоследствии процесс между Уральским войском и князьями Юсуповыми о владении богатым Култуком, войском выигранный.

Так как в половине прошедшего столетия существовали еще внутренние пошлины с провозимых товаров, то казаки с вывозимой ими рыбы должны были отдавать десятую в казну, в виде пошлины. Так как этот вывоз значительно должен был увеличиться от уничтожения Гурьевского учуга, то, для удобнейшего сбора этой пошлины, вменено в неперемнную обязанность как казакам, так и всякому купившему у них рыбу, провозить ее во внутренность России не иначе, как чрез следующие места: Самару, Сызрань, Батрацкую ярмарку, Сергиевск и Алексеевск, предоставив им, впрочем, право везти, если пожелают, свою рыбу и на другие места, испросив на это предварительно разрешение Каммер-Коллегии. При этом же была установлена новая пошлина с соленой рыбы и икры, также десятая рыба, или десятая часть по весу «вместо соли, которую им на то соленье покупать из казны было должно». Из этого видно, что около того же времени отдано было Яицкому войску в вольное и беспошлинное пользование Индерское соляное озеро, которым и доселе они пользуются.

Вскоре после этого внутренние пошлины были уничтожены. Казаки стали также просить, чтобы сбор с соленой рыбы и икры отдали им же в откупное содержание. Сенат уважил их просьбу и указом от 18-го февраля 1758 года повелено отдать им с 1-го января 1759 года в откупное содержание сбор, производимый с соленой рыбы и икры в Самаре, Сызрани, Батрацкой ярмарке, Сергиевске и Алексеевске, без торгов, по существовавшему тогда откупному окладу, за 4,588 руб. 17½ коп., приложив только к этой сумме ценность той соленой рыбы и икры, которые будут собраны в 1758 году в Оренбурге и Оренбургских крепостях, куда казаки также их возили на продажу. Этот сбор составил 415

руб. 67 коп., итого 5,003 руб. 84½ коп., что по теперешнему курсу на серебро составляет 1,429 руб. 67 коп., сумма, которую до сих пор Уральское войско вносит в государственное казначейство, получая само, в пользу войсковой казны с откупа, на который оно отдает, поступивший с этого времени в его собственность, сбор с соленой рыбы и икры, 46,8000 руб. сер. в год.

Таким образом, к началу второй половины прошедшего столетия, Уральское войско получило в свое владение все воды и вступило во все права, которыми и теперь пользуется. Чтобы кончить наш исторический обзор, нам остается еще сказать какие из видов Уральского рыболовства должно считать исконными и какие введены вновь, когда и по какому случаю. О различных переменах, происшедших с течением времени в образе производства различных видов рыболовства, я буду уже говорить при самом описании их.

Все воды Уральского речного рыболовства имеют свое начало с давних времен и о введении их не осталось никаких сведений ни письменных, ни изустных*; но ежели позволено мне будет сделать догадку, то, по моему мнению, речные неводные рыболовства новее багрения и плавных ловов, потому что на них дозволено иметь в работниках иногородних, подобно тому, как и на морских рыболовствах, что уже противоречит основному правилу Уральцев, что в Урале никто, кроме природного казака, ловить не может, так что и работники должны быть из казаков же. Сверх этого и самая местность, на которой неводные ловы производятся, поступила в собственность казаков только со времени уничтожения Гурьевских учугов.

В 1801 году увеличение народонаселения принудило завести, для поселения казаков, новый ряд форпостов по Узеням, названный внутренней линией. С самого поселения начали, без сомнения, казаки ловить в этих речках рыбу, но без всяких правил, как и когда хотел. Только с начала двадцатых годов устроен и тут правильный лов, начинающийся в определенные сроки, для того, чтобы не одни живущие на внутренней линии, но все вообще казаки, буде только пожелают, могли принимать в нем участие.

Подобно этому приведен в систему весенний Черхальский лов в 1821 году, а зимний в начале сороковых годов, преимущественно с той целью, чтобы отвлечь часть казаков от багренья, на которое, по мере размножения народонаселения, они сходились все в большем и в большем числе. Когда вообще начался Черхальский лов, я никак узнать не мог. Вероятно, первоначально ходили казаки на море самовольно небольшими партиями, тем более что Киргизы не умели пользоваться богатым озером, лежащим в их земле. Вообще казаки всегда завладевали, если только могли, тем, что представляло для

* Должно заметить, что кроме немногих грамот, в Уральском архиве нет никаких дел древнее начала нынешнего столетия, потому что все они сгорели во время сильного пожара в 1801 году.

них выгоды, в те времена, когда еще была своя рука-владыка. Они и теперь бы охотно это делали, если бы не удерживало их правительство. Так еще в 1854 году просили они дозволить им лов в реках, называемых Анна-Куль, лежащих на зауральской стороне, более чем в 40 верстах от Урала. Но Войсковая Канцелярия отвечала, что не имеет права разрешить этого лова, и строжайше воспретила казакам туда отправляться.

Если под именем морского лова разуметь лов по Култукам и вообще по побережью, то нет сомнения, что он уже производился в прошедшем столетии преимущественно в Курхайском морце. До сих пор существует предание о начале этого лова. Раскольничьи монахи и беглые, укрывавшиеся у них и жившие в пустынных местах по берегу моря, рассказывали, как весной толпится рыба в Култуках и жметя к тем местам берега, откуда переливается со степи пресная вода. Эти рассказы послужили поводом к начатию там лова на простых бударках, сначала в *Курхайском морце* и *Богатом Култуке*, потом у *Баксайской* косы, составлявшей, во время тяжбы с князьями Юсуповыми о Богатом Култуке, грань уральских владений с правой стороны. Только в 1816 году просили некоторые чиновники (т. е. офицеры) и казаки Войсковую Канцелярию о дозволении им производить рыболовство, начиная от *Бабинской косы*, в правую сторону к *Турьжникову бугру*, *Мартышечей* и *Баксайской косам*. Дозволяя это рыболовство, Войсковая Канцелярия приводит тому следующую причину: «*Хотя Войско Уральское в давние прошедшие времена имело главное рыболовство в реке Урале, но время от времени предвидится недостаток в сем рыболовстве, по тем причинам, что прежде в Войске Уральском комплекту было менее, но впоследствии времени оно умножилось, от чего в одной реке Урале производить рыболовство сделалось стеснение, да и рыбы входу из моря в Урал противу прежних лет гораздо менее*». Далее в правилах, установленных для нового лова, сказано: «*За постановленные баконы, по левую сторону к Уральским устьям и от оных до Эмбинской грани, отнюдь не допускать никого, дабы не последовало препятствия входу рыбы в Уральские устья*». Из этого видны уже опасения Уральцев, чтобы морской лов не повредил речному.

Уже через 20 лет после этого, в 1837 году, разрешено было производить рыболовство и с левой стороны устьев Урала и то потому, что Астраханские вольные Эмбенские промышленники, пользуясь тем, что Уральцы сами здесь не ловят, ставили тут свои сети в большом количестве, так что, например, в 1832-м году, было тут выдрано до 8,000 астраханских сетей. Трудность прекратить эти облавы заставила казаков самих учредить здесь свой лов. Но морской лов доставлял преимущественно выгоды только богатым казакам: во-первых, потому, что только такие могут справиться себе хорошие морские лодки; во-вторых же, потому, что богатые скупали, под видом доверенностей,

права бедных казаков, не имеющих средств участвовать в этом лове, и занимали, таким образом, своими сетями обширные пространства моря. Поэтому, когда от 6-го июня 1840 года Войсковая Канцелярия вошла с представлением к тогдашнему Оренбургскому военному губернатору, генерал-адъютанту Перовскому, о введении осеннего лова в море, то он, принимая, без сомнения, во внимание понятия большинства казаков о морском лове, его не разрешил. Но в 1843 году Войсковая Канцелярия разрешила сама этот лов в виде опыта, положив сроком начала его 1-го августа, и, найдя его выгодным для Войска, просила нового Оренбургского военного губернатора, генерала от инфантерии Обручева об утверждении этого. Но и он, основываясь на том, «что между казаками существует мнение, что морской лов препятствует входу рыбы в Урал, *где рыболовствует все Войско, в море же немногие, и те больше именов,* ибо передают свое право богатым казакам, которые, таким образом, овладевают всем богатством Войска», сначала не согласился на это и сделал Войсковой Канцелярии вопросные пункты о вреде морского рыболовства. Войсковая Канцелярия, приведя в пользу своего мнения умножение уральского народонаселения и уменьшение входа рыбы в Урал вследствие обмеления его устьев, отвечала, «что мнение казаков о вреде морского рыболовства, как основанное лишь на желании как-нибудь объяснить себе уменьшение рыбы в реке и на предубеждении против всего нового, не заслуживает внимания, тем более, что за несколько лет перед сим морское рыболовство было отменено, а рыбы в Урале отнюдь не умножилось, и что теперь отменить морское рыболовство, существующее уже более четверти столетия, значило бы добровольно пожертвовать выгодами Войска, которое, вероятно, со временем должно будет искать средства к обогащению уже не в Урале, а в море». Только после этого ответа был утвержден новый вид морского рыболовства, известный под именем осеннего Курхайского или жаркого. Но сроком начала его было назначено не 1-е, а 15-е августа, вследствие отношения Астраханского губернатора на запрос из Оренбурга, что указом Сената от 18-го октября 1827 года запрещен лов в Каспийском море с 15-го мая по 15 августа, как вредный.

Однако с ответом Войсковой Канцелярии генералу от инфантерии Обручеву нельзя, безусловно, согласиться. Мнение казаков о вреде, приносимом морским рыболовством речному, вовсе не одно предубеждение, не заслуживающее никакого внимания. Конечно, морское рыболовство значительно увеличивает собой общее количество годичного улова, так что с уничтожением его одно речное доставило бы улов меньший, чем речное и морское вместе; но с другой стороны неоспоримо также, что речной лов значительно бы через это усилился. Цель как той рыбы, которая идет между обеими линиями бакенов, начинающимися от кос Бабинской и Дуванной, и, отклоняясь

вправо или влево от своего пути, попадает в передние ряды Курхайских сетей, так и той, которая, идя со стороны Эмбенских или Юсуповских вод, попадает в задние ряды этих сетей, — все-таки Урал, и если конечно не вся, попадающая в Курхайские сети, рыба, то по крайней мере значительная часть ее достигала бы своей цели, входила бы в Урал и увеличивала бы собою добычу с речных рыболовств, преимущественно же весеннего плавного. Приведенное же, в доказательство безвредности морского рыболовства, временное отменение его — не более, как одна уловка, или совершенное непонимание того, чем морской лов может вредить речному. Чтобы удовлетворить голосу большинства казаков, восстававших против морского рыболовства, был отменен, в виде опыта, с 1831 по 1835 год один из его видов, но какой? — зимний аханый лов, который, очевидно, никакого влияния на речное рыболовство иметь не может, так как в январе и в феврале рано еще рыбе подниматься в реку. Итак, Курхайские рыболовства, хотя и значительно увеличивают количество годового улова, приносят небогатому большинству скорее вред, чем пользу, уменьшая речной улов, участие в котором каждому доступно. Из этого, конечно, не следует, чтобы желательно было уничтожение весеннего и осеннего морского лова, — их нужно только устроить на основаниях более справедливых и более согласных с характером общего владения водами, применяясь по возможности к правилам, установленным для различных видов речного рыболовства.

Другой вид морского рыболовства, *аханное*, началось почти одновременно с весенним Курхайским правой стороны. В ответах на вопросы генерала от инфантерии Обручева о морском рыболовстве сказано, что оно началось с 1816 года. Но из определения Войсковой Канцелярии, о начале аханного лова в этом году, не видно, чтобы он разрешался в первый раз, как это, например, видно из определения о начале Курхайского лова в этом же году, ибо там просто сказано «чиновники и казаки отправляются производить рыболовство в Уральских дачах по морю аханами и другими снастями». Поэтому я полагаю, что вернее основаться на воспоминаниях старого казака Щелокова, который мне говорил, что в первый раз поехали казаки, по примеру астраханцев, с аханами в море в 1813 или 1814 году, в чем он и сам участвовал. Весьма может быть, что года два или три это делалось и без формального дозволения начальства. С 1831 по 1835 год аханное рыболовство было, как мы уже это видели, запрещено в виде опыта, в 1835 же году разрешено вновь. Этот вид морского рыболовства по времени, в которое он производится, не может иметь влияния на речное рыболовство, как доказал и опыт, а по роду употребляемых на нем орудий, будучи несравненно доступнее всякому чем Курхайское, не дает больших преимуществ богатому перед бедным. Он сопряжен только с значительным риском и требует для успеха отважности и находчивости в

опасностях, — качеств, в которых Уральцы не терпят недостатка. Поэтому аханый лов не возбуждает против себя неудовольствий большинства, которому оно еще весьма полезно, отвлекая многих казаков от одновременного с ним багренья.

Таким образом, не ранее 1843 года окончательно учредились все виды рыболовств, которые производятся в настоящее время в водах, принадлежащих Уральскому войску, и к описанию которых мы теперь приступим.

Все правила, существующие для Уральского рыболовства, не основаны на каких-либо положительных узаконениях: все устанавливалось здесь с древних времен обычаем и передавалось преданием. Таким образом, установившиеся правила находятся теперь под наблюдением войскового начальства. Для каждого рыболовства Войсковая Канцелярия составляет особое постановление, где назначен срок начала и окончания его. Постановления эти заблаговременно объявляются в Уральске через полицию на рынке, а по форпостам — через форпостных начальников перед собранием всех казаков. Войсковая Канцелярия же назначает для каждого рыболовства одного или нескольких начальников и дает инструкции, где означены все правила, которые должны быть во время них соблюдаемы. Правила эти, главное основание которых древний обычай, по просьбам казаков, от времени до времени изменяются; но это бывает очень редко, так что большей частью повторяется в инструкциях каждый год то же самое. Времена начала и окончания ловов определяются так строго и точно, во-первых, для того, чтобы несвоевременным ловом не помешать рыбе входить в Урал, во-вторых, для того, чтобы некоторые из казаков, начав лов прежде других, не воспользовались лишними выгодами в ущерб всем остальным и, наконец, чтобы каждый мог заблаговременно приготовиться к предстоящему рыболовству и, записавшись в одно из них, не мог в то же время участвовать в другом с ним одновременным посредством своих рабочих, или передавая свое право другому казаку по доверенности.

Все рыболовства, производимые в водах, принадлежащих Уральскому войску, а их, считая с мелкими, очень много, могут быть разделены на такие, желающие участвовать в которых должны собираться к определенному времени в назначенное место и, под наблюдением начальника — рыболовного атамана, занимаются своим промыслом, и на такие, во время которых каждый, оставаясь на своем месте жительства, отдельно занимается своим ловом. На них не назначается особых начальников и вообще для их производства не существует столь строгих правил; поэтому можно их назвать *свободными рыболовствами*. Первые, к которым относятся все сколько-нибудь значительные рыболовства, надо еще подразделить на *главные* и на *побочные*. Главными называю я все те, которые производятся в Урале или в море, побочными же — которые производятся по

старицам Урала, в Узеньях и других черных речках, в морских култуках и в Черхальском морце, одновременно с главными. Доставляя тоже немаловажный доход они уменьшают число совместников на главные рыболовства. Вторые, т. е. свободные рыболовства, несравненно менее важные по количеству доставляемой ими добычи, производятся лишь зимой по самому Уралу и старицам его.

Главные рыболовства, а за ними следовательно и одновременные с ними побочные, по времени, а отчасти и по характеру лова, разделяются на три группы. Две из них соответствуют двукратному ходу рыбы в Урал и на нем основаны: это рыболовства *весенние и осенне-зимние*; в каждой из этих групп есть и *речные* и *морские ловы*. Третья группа заключает в себе лишь одно *зимнее, морское* рыболовство, именно: аханное, которое не имеет никакой связи с ходом рыбы в реку.

В следующей таблице представлено систематическое перечисление всех этих рыболовств.

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА УРАЛЬСКИХ РЫБОЛОВСТВ.

А. ГЛАВНЫЕ РЫБОЛОВСТВА

I. ВЕСЕННИЕ:

a) Морские

1) Весеннее Курхайское	<i>α)</i> В первой баконной линии. <i>β)</i> Во второй баконной линии. <i>γ)</i> В третьей баконной линии. <i>δ)</i> Сзади баконных линий, в так называемых вольных водах.

b) Речные

2) Севрюжье плавное	<i>α)</i> Растовое или харчевое. <i>β)</i> Собственно севрюжье.

II. ОСЕННЕ-ЗИМНИЕ:

a) Морские

3) Осеннее Курхайское	<i>α)</i> В первой баконной линии. <i>β)</i> Во второй баконной линии. <i>γ)</i> В третьей баконной линии. <i>δ)</i> Сзади баконных линий, в так называемых вольных водах.

b) Речные

4) Осеннее плавное	
5) Осеннее неводное	
6) Багрень	<i>α)</i> Презентное. <i>β)</i> Малое. <i>γ)</i> Большое.

- 7) Зимнее неводное
- α) На ширине.
 - β) В Перетаске.
 - γ) В Бухарке.
 - δ) В Яицком устье.
 - ε) Выше Гурьева.

III. Зимние:

а) Морские

- 8) Аханное.

В. ПОБОЧНЫЕ РЫБОЛОВСТВА

I. ВЕСЕННИЕ:

- 9) Неводной лов черной рыбы по морским ильменям в 3-м участке Курхая.
- 10) Лов по полуусым старицам и запорным водам во время весенней плавни.
- 11) Весеннее Черхальское.

II. ОСЕННЕ-ЗИМНИЕ:

- 12) Осеннее Черхальское.
- 13) Осеннее Узенское.
- 14) Зимнее Узенское.
- 15) Осеннее в морских култуках и в Черной реке во время осеннего неводного.
- 16) Зимнее Черхальское.

С. СВОБОДНЫЕ РЫБОЛОВСТВА

- 17) Зимний лов в запертых старицах.
- 18) Лов блесной от Калёновского форпоста вниз по Уралу.
- 19) Лов сижамми от Бородина ввоза вверх до Илецких дач.
- 20) Лов сижамми от Уральска вниз до Старой Ямы.
- 21) Лов блесной, удочками, сижамми и баграми по всему Уралу по окончанию большого багренья.
- 22) Благовещенское багренья.
- 23) Лов у Уральского учуга.

Кроме этих рыболовств ежегодно повторяющихся, в иные годы, вследствие особых обстоятельств, разрешаются казакам некоторые, так сказать,

D. 24) ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ РЫБОЛОВСТВА

.К этим видам Уральского рыболовства должно еще присоединить в виде прибавления:

Е. 25) ТЮЛЕНИЙ БОЙ и

Ф. 26) ЛОВ В ДАЧАХ ИЛЕЦКИХ КАЗАКОВ КРЮЧКОВОЙ (ШАШКОВОЙ) СНАСТЬЮ

Чтобы ясно представить себе последовательность и синхронизм всех этих рыболовств, должно иметь в виду, что побочные рыболовства, имея, конечно, своей главной целью доставить по возможности больший доход войску, установлены, между прочим, и с тем, чтобы предотвратить чрезмерное скопление рыболовов на главных рыболовствах. Поэтому каждое из них современно которому-нибудь из главных; однако же, современность эта, по различным естественным и экономическим причинам, не совершенная: они начинаются иногда несколько раньше и оканчиваются позже соответствующих им главных.

Со вскрытием от льда моря и Урала начинаются весенние рыболовства: Курхайское и севрюжье плавное и современное им весеннее Черхальское. К половине июня всякий лов во всех водах, принадлежащих Уральскому войску, совершенно прекращается до 15 августа, с единственным исключением лова выше Уральской забойки, где он круглый год дозволен. С 15 августа начинаются осенне-зимние рыболовства – осенним Курхаем, за ним следует осенняя плавня с одновременными с ней осенним неводным ловом и побочными осенними рыболовствами. В ноябре они оканчиваются и тут бывает в главных рыболовствах перерыв более или менее продолжительный, смотря по тому рано или поздно станет Урал. Но этого промежутка почти не существует между осенним и зимним Узенским ловом. С замерзанием Урала начинается багренья с современными ему зимним неводным и зимним Черхальским ловами. В это же время начинается аханное рыболовство. Смотри по тому рано или поздно стал Урал, багренья и зимнее неводное рыболовство оканчиваются в первой или во второй половине января; но аханное, зимнее Узенское и зимнее Черхальское продолжают до 1-го марта, а два последние нередко и того долее. С окончанием осенней плавни начинаются в разных частях Урала в различное время, смотря по ходу главных рыболовств, свободные ловы, которые оканчиваются уже в последних числах марта. Подробнее и точнее о времени производства этих рыболовств будет сказано при описании каждого из них.

Весенние и осенне-зимние речные рыболовства весьма существенно отличаются между собой своим характером, и это различие их основывается на различии в характере

весеннего и летне-осеннего хода рыбы в Урал. Весной рыба массами идет в эту реку, чтобы метать икру, и, окончив это, сейчас же возвращается в море; поэтому весеннее севрюжье рыболовство, не медля, в один прием вылавливает весь Урал, начиная от Уральска до самого моря. Свойства русла в верхней части этого пространства реки, равно как и различие в породах рыб, ловимых в начале этого рыболовства и в остальное время его продолжения, заставляют переменять орудие лова у Антоновского форпоста (в 219 верстах ниже Уральска); но это делается без малейшей перемены, так что тут собственно два различных рыболовства сливаются в одно непрерывное. Летом, с начала июля и до половины сентября, рыба поднимается в реку не такими массами, как весной, а отдельными косяками, с тем, чтобы лечь на ятови. Найдя для себя удобные места, она уже от них далеко не отходит и, с охлаждением воды, к началу октября уже остается на ятовях, которые она не покинула бы раньше начала весны или конца зимы. Поэтому тут спешить не к чему и Урал вылавливается в несколько приемов, по частям: от Антоновского форпоста до Кандауровского (в 16 верстах выше Гурьева) и от Гурьева до моря, производится осенняя плавня, в течение октября и начала ноября. В то же время, в оставленном промежутке между Кандауровым и Гурьевым, идет осенний неводный лов, как более удобный по местности. Между тем вся верхняя часть Урала от Антоновского форпоста до Уральска остается невыловленной до багренья. Рыба как бы бережется тут в садке до того времени, когда зимние морозы придадут ей большую ценность. Самое багренье разделяется, для своевременной доставки рыбы и икры к Высочайшему Двору и для удобства ловцов, часто довольно большими промежутками, на три части: презентное, малое и большое, хотя все они по способу производства и употребляемым орудиям составляют один и тот же вид рыболовства. Наконец, во время зимнего неводного рыболовства проходят еще раз участок между Гурьевым и морем, потому что в осеннюю плавню выловили там только красную рыбу на Славушей ятови, а черную оставили до зимы для увеличения ее ценности. Вот причина, по которой я соединил в одну группу осенние и зимние рыболовства, хотя более различные между собой по способам производства и орудиям лова, чем собственно осенние с весенними; они однородны, потому что основаны на лежании рыбы на ятовях и служат как бы продолжением и дополнением друг другу.

Описание выше перечисленных видов Уральского рыболовства, к которому теперь приступаю и с которым соединю описание употребляемых на каждом из них рыболовных орудий, я начну с двух предварительных мер, которыми Уральцы удерживают, так сказать, в своей власти всякую рыбу, зашедшую в их воды. Это 1) *охранение Уральских морских вод и самого Урала от посторонних или несвоевременных обловов*, чем

обеспечивается морской лов, вход рыбы в Урал и спокойное размещение ее по ятовям, и 2) *Уральский учуг*, который, хотя и не имеет никакого влияния на весенний лов, существенно важен для осеннего и зимнего, собирая исключительно в руки Уральских казаков всю рыбу, входящую в Урал летом и осенью.

Для охранения Уральских морских вод назначаются ежегодно особые смотрители из офицеров или урядников Уральского войска, под распоряжением которых находится 4 косных и 5 подрасшивных лодок с необходимым числом казаков. Кроме этого на различных пунктах берега и на островах расставлена береговая стража. Эти пикеты расположены в следующих местах: у Пороховинского и Гранного бугров, на островах Большом Пешном и Камынине; на косах Стрелецкой, Мокрой, Гогольской, Баксайской, Бабинской и Дуванной; у Ракушечьего прорана и у Яицкого устья. В 1854 году, для лучшего надзора, к этим постам прибавлен еще пикет на Маячном рынке. На всех этих пикетах 8 офицеров, 5 урядников и 85 рядовых казаков. Они должны смотреть за тем, чтобы никто из посторонних не приставал к Уральскому берегу иначе, как в Ракушечьем проране или у Стрелецкой косы. Разъездные лодки должны наблюдать, чтобы не принадлежащие к войсковому сословию не расставляли никаких снастей в Уральских водах и чтобы сами уральцы не ловили против устьев Урала, то есть: между косами Бабинской и Дуванной, даже и в дозволенное для ловов время, а в остальное же время и в прочих местах Уральских вод. Если виновные попадутся на мелких лодках, то они препровождаются к старшему смотрителю над водами вместе с их лодками. Если же будет встречена большая Астраханская кусовая, то, прежде всего должны удостовериться не проездом ли только она зашла в Уральские воды, на пути в Эмбенские, или обратно, или за пресной водой к устьям Урала; в таком случае приказывает лишь ей удалиться, не делая никаких притеснений. Если же она будет обличена в тайном рыболовстве, то весь рыбный товар описывается и вместе с судном отправляется к начальнику Гурьева городка, для поступления по законам. Если окажется на лодке наловленная рыба, но еще не приготовленная, то хозяина заставляют посолить эту рыбу и икры, и убрать клей и вязигу. Впоследствии все найденные рыбные продукты продаются с аукциона в пользу войсковой казны. Сети или крючья, найденные без хозяина, выдираются и также продаются с аукциона. Так должно все это делаться по закону, но на деле бывает обыкновенно совершенно иначе. Когда казаки разъездные, или и просто едущие по своей надобности, поймают астраханцев в своих водах, то начинают с того, что угрожают им доставкой к начальству и бьют до тех пор, пока те не дадут за себя выкупа. Тогда тотчас же мирятся и обе враждебные партии, казаки и астраханцы, вместе пьют и гуляют. К начальству же представляют только в том случае, когда в драке случится какое-нибудь несчастье,

которого скрыть нельзя. Случается впрочем, что победителями остаются астраханцы; тогда они спокойно удаляются с наловленной ими рыбой. Часто также случается, что казаки выдирают найденные в своих водах снасти только с тем, чтобы поставить их для лова в свою пользу. Об этом я подробнее упомяну, когда буду говорить о разного рода злоупотреблениях, встречающихся при рыболовстве.

При всех означенных мерах к прекращению обловов со стороны астраханцев, они довольно обыкновенны; так, во время моей поездки на Гранный бугор, астраханские ловцы с кусовой лодки, стоящей в Эмбенских водах на самой границе, сказывали, что им известно, что в это самое время 6 астраханских лодок занимается тайным ловом в Уральских водах. Как для совершенного прекращения этих обловов, так и для исполнения постановления о маячных судах, были делаемы различные предположения. Для расстановки маячных судов по всем граням Уральских вод, в таком расстоянии одно от другого, чтобы с середины были видны их мачты, потребовалось бы по расчету 2 расшивы, 6 больших кусовых, 16 малых кусовых и 30 подрасшивных лодок, постройка которых по смете обошлась бы в 17,292 руб. сер., да ежегодных расходов на ремонт и жалованье 14,253 руб. 70 коп. сер. При этом лежащие на войске командировки увеличились бы 2 штаб-офицерами, 14 обер-офицерами, 16 урядниками и 292 рядовыми казаками. Конечно, вред, приносимый астраханскими обловами, далеко не достигает этой суммы. Поэтому, вместо маячных судов, предложена была смешанная система, состоящая в том, чтобы иметь суда на якоре лишь на главных пунктах и поддерживать связь между ними непрерывными разъездами. Для этого нужно бы иметь две больших кусовых на крайних углах Уральских владений, две меньших на полурасстоянии между ними и буграми Пороховинским и Гранным, при тех и других по косной и подрасшивной лодке и сверх этого 7 подрасшивных лодок в следующих местах: у островов Большого Пешного и Камынина, у Стрелецкой, Мокрой и Гогольской кос, при Яицком устье Урала и в Ракушечьем проране, а во время же Курхайских ловов еще по одной подрасшивной лодке у каждого из трех участных начальников. Осуществление этого проекта потребовало бы единовременного расхода 4,745 рублей и ежегодного на ремонт и жалованье 5,202 руб. 25 коп. сер. Предложение это было сделано еще в 1848 году, но оставлено до сего времени без исполнения, вероятно, также по дороговизне; так что охранение Уральских морских вод все еще производится по-прежнему разъездными лодками и береговыми пикетами.

Для охранения самого Урала от лова в запрещенное время, то есть: от окончания северюжьей плавни до начала осенней, а в верхней части Урала от Каленовского форпоста до Уральска, до самого багренья, приняты также своего рода меры. В запрещенное время допускается лишь лов простыми удочками; но в 1852 году подтверждено запрещение и

этого невинного лова от Уральска до Каленовского форпоста, ибо, как сказано в постановлении Войсковой Канцелярии об этом предмете: «всякое прикосновение к ятовым местам может испугать рыбу, да и по тому, что, под предлогом лова удочками, могут легко употреблять и другие снаряды». Для смотрения за этим в каждом форпосте назначаются, из отставных казаков, так называемые *смотрители за Уралом*, которым от Войсковой Канцелярии нередко (как, например, в 1851 году) бывают подтверждения строго исполнять свою обязанность. Они же должны наблюдать за входом рыбы в Урал летом и осенью и за тем, где и примерно в каком количестве она ложится на ятови. Вне времени различных ловов, даже бударки должны стоять в каждом форпосте на казенных дворах припечатанными.

Уральский учуг не составляет сам по себе орудие лова, как Волжские и Куринские, перед ним не лежит крючковой снасти и он служит лишь для того, чтобы не пропускать раз вошедшую в Урал рыбу из той его части, которая принадлежит Уральскому войску и то собственно только летнего и осеннего входа. Он устроен у самого города Уральска, пересекает реку совершенно перпендикулярно к ее течению и сделан дугой, обращенной вогнутостью к течению, что хотя противно правилам гидравлики, но удобнее для происходящего выше учуга лова рыбы. Ширина реки в этом месте в 80 сажень, сам же дугообразный учуг слишком в 90. Глубина у учуга нигде не превышает 3-х печатных сажень. Устройством своим он несколько отличается от Астраханских и Куринских учугов, именно: сваи, вбитые в реку, стоят в Урале гораздо реже, так что на 90 слишком сажень занимаемых учугом, от 55 до 60 только свай, среднее расстояние между которыми можно положить в 1½ сажени. К каждой из этих свай приставлено с внутренней стороны (то есть отвращенной от течения) по косвенной подпорке, связанной с сваей ивовыми прутьями, перекладин же, лежащих в углах, образуемых вертикальными сваями и косвенными к ним подпорками, нет. Взамен этого с внутренней же стороны почти каждой сваи вбито по столь же толстой, но короткой свае, на концы которых положены горизонтально бревна, привязанные к длинным сваям ивовыми же прутьями. Таким образом устроены мостки, по которым можно переходить через реку вдоль учуга. К сваям с наружной стороны прикреплен так называемый *кошак*. Он состоит из круглых шестов около вершка в диаметре, а вышиной как сваи. Эти шесты отстоят один от другого средней мерой вершка на три и прикреплены переплетами из ивовых прутьев к привязанным к сваям поперечным перекладинам, носящим странное название *белоногов*, которых несколько рядов. Ворот в учуге нет никаких. Но зато с наступлением морозов, в конце октября или в начале ноября, учуг разбирается. Сначала снимается кошак, а потом, когда река уже замерзнет, выдергивают сваи. По этой причине и не бьют их так часто, как

на Волге, где учуги постоянные. Не ранее половины июня, когда Урал у Уральска уже войдет в берега, приступают к постройке учуга. Так, например, в 1854-м году устройство его было совершенно окончено только к 7-му июля. Прежде всего, вбивают сваи с больших лодок бабами и делают к ним подпорки. Между тем вяжут на берегу кошак, кусками длиной до 5, а иногда и более сажень. Когда сваи вбиты и кошаки готовы, пускают их выше свай по течению; они останавливаются у свай и тогда нижними концами опускают их в воду, и целыми кусками втыкают нижними заостренными концами в дно реки; там же, где находится верхняя белонога, что уже довольно высоко над водой, привязывают за нее кошак к сваям. Под водой кошак к сваям нигде не привязан, а придавливается к ним одним напором воды, в надводной же части прикреплен кошак к сваям, кроме верхнего переплета еще раз или два. При постройке учуга участвует до 300 казаков. Чтобы дно не подмывало у подножия учуга, где, конечно, течение очень быстро, загружают его с наружной стороны камнями, или, по редкости их, битым кирпичем. Кроме этого погружаются в воду еще так называемые *киты* – рогоженные кули, набитые камнем или кирпичем. Чтобы камни, битый кирпич и киты были доставлены к забойке, Войсковая Канцелярия отдает ежегодно заблаговременные приказания, чтобы каждый из служащих и гражданских казаков*, состоящих на лице, доставил к учугу по возу камней и чтобы проживающие в отдаленности поручили это своим родственникам или знакомым, находящимся в Уральске. Кто не доставит своего воза, с того полагается 1 руб. сер. штрафа. Принятие этих камней и записывание доставивших их поручается особливому уряднику. Доставка этих камней бывает обыкновенно во время ярмарки в Уральске, в конце июня и начале июля. Укладка китов по дну и вообще присмотр за тем, чтобы вода где не подрыла учуга, поручается водолазам, которых 8 человек, из самых искусных пловцов и нырцов. На их же обязанности лежит очищение забойки от наносимого на нее сора, чтобы через засорение промежутков между кольями кошака она не представляла слишком сильного упора воде. Для того, чтобы сено и другие предметы, необходимо падающие на мост и сносимые с него ветром в воду, не засоряли учуга, самый мост через Урал устроен ниже забойки, хотя выше ее есть для этого гораздо удобнее место. Когда постройка учуга окончена, он каждый год должен быть свидетельствуем в присутствии наказного атамана, членов Войсковой Канцелярии, Уральского полицмейстера и почетнейших из казаков. Содержание и постройка учуга стоят ежегодно 395 руб. сер., да сверх того водолазам идет жалованья 228 руб. 50 коп. сер.

* Так называются казаки, дослужившие свой срок. Они не могут быть взяты ни в какую командировку с места своего жительства.

Сквозь этот учуг красная рыба, за исключением разве стерляди, пройти не может, но весной, когда еще нет забойки, она проходит в небольшом числе вверх (что успеет ускользнуть от севрюжьей плавни) и уже остается за забойкой. Это бывает почти исключительно осетр, потому что рано поднимающаяся в реки белуга может успеть воротиться назад, пока учуг еще не устроен; к тому же она не любит подниматься так высоко в реки столь узкие и мелководные, как Урал; севрюге же, позже других поднимающейся в реки, уже далеко ниже Уральска преграждается путь всем войском, выходящим в это время на севрюжью плавню. Поэтому у самого учуга, где производится лов водолазами, с разрешения атамана, для его стола, для некоторых общественных потребностей, угощений и т. п., а также перед праздниками во время постов, когда разрешается церковными правилами употребление рыбы, для продажи на базаре, — ловится в год до сотни и более штук осетров, несколько десятков шипов, четыре, пять севрюг и не более одной или двух белуг. Выше учуга от Бородина ввоза, где лов свободный, и в дачах Илецких казаков также почти исключительно ловятся одни осетры и шипы. Поздней осенью, когда учуг разбирается, рыба уже не проходит вверх, потому что лежит на ятовях.

При описании различных видов Уральского рыболовства, к которому теперь перехожу, я буду следовать, за одним только исключением, порядку вышеприведенной таблицы.

А. ГЛАВНЫЕ РЫБОЛОВСТВА

1. *Весеннее Курхайское рыболовство*, или сокращенно *весенний Курхай*, начинается с вскрытием льда у Уральского побережья и продолжается до 20 мая. Самое раннее, известное мне начало Курхая было в 1847 году 14 марта, а самое позднее в 1852 году 12 апреля. На этом рыболовстве ловится всякого сорта красная рыба, преимущественно же севрюга.

На Курхайском лове употребляются так называемые *Курхайские сети*. Это обыкновенные ставные сети от 10 до 12 сажень длиной, с приухами с обеих сторон в аршин или в полтора. В ширину имеют они от 14 до 18 ячей, в $2\frac{1}{4}$ вершка в лопатке (то есть в стороне) с огнивом* вдвое против ячей; следовательно, равномерно вытянутые будут они от 2-х до $2\frac{1}{2}$ аршин шириной. На нижней подборе они *грузил* не имеют, на верхней же есть поплавки, называемые *балберами*, если они сделаны из кожи или дерева,

* Огнивом называются ряды треугольных ячей, которыми сеть привязывается к верхней и к нижней подборам. У некоторых видов сетей огнив не бывает и они привязываются к подборам обыкновенными квадратными ячеями.

и *кугами*, если это пучки чакана (вид *Typha*). Эти балберы или куги навязываются на расстоянии маховой сажени одна от другой. Приухи каждой стороны привязываются к кольям, которые втыкаются в дно морское. Сети или вяжутся самими казаками, или покупаются делями, а из них уже составляются. Уральцы для своих сетей выбирают, в противность Астраханцам, сколь возможно тонкую нить. Последние гоняются за крепостью сети, первые за тем, чтобы она была уловистее, что, по их мнению, достигается более тонкой нитью, вероятно потому, что через это сеть становится менее приметной для рыбы.

Из судов употребляются на Курхайском лове кусовые лодки палубные и полупалубные и подрасшивные лодки, для переборки же сетей простые бударки.

На Курхайском рыболовстве могут участвовать, лично или по доверенности, все казаки, служащие и отставные, находящиеся налицо, то есть проживающие в земле Уральского войска. Не имеют же права участвовать в нем все казаки, находящиеся на действительной службе внешней или внутренней, и вообще все, не состоящие налицо в войске, а также вдовы и малолетки, не несущие еще повинностей, то есть не имеющие еще 12 лет от роду. Так как случалось, однако, что не находящиеся налицо в войске передавали свое право по доверенности другим, то за это положено взыскать штраф от 25 до 50 руб. сер. Чтобы сказанное было понятно, надо объяснить каким образом несется служба Уральскими казаками. Всякий казак, которому исполнилось 18 лет, считается на службе, которую и несет 25 лет; но действительную службу несут конечно не все, а сколько потребует надобность. В это число назначаются казаки не по очереди, как в других казацких войсках, а сами поступают по добровольному найму. Если, например, требуется на действительную службу четвертая часть всех считающихся служащими, то трое из них нанимают четвертого по вольным ценам. Таким образом, один исполняет служебную повинность натурой и за то получает деньги с трех остающихся, а эти остающиеся несут свой службу деньгами и за это пользуются выгодами от рыболовства. Отставными называются те, которые отслужили свои 25 лет действительной службой или деньгами, нанимая за себя других. Они уже ни сами служить, ни нанимать за себя не обязаны, но зато на рыболовствах пользуются сравнительно с служащими меньшими преимуществами. До 1856-го года вдовы, имеющие малолетних детей или бездетные и не несущие повинностей малолетки-сироты, имели право участвовать в Курхайском лове, для чего, если имели на то средства, нанимали вместо себя рабочих, или же перепродавали свое право другим. Через это богатые казаки приобретали право выставлять очень большое количество сетей и тем стесняли остальных. В 1849 году, например, в 1-м участке весеннего Курхая на 325 действительно участвовавших казаков

было 265 участвовавших по доверенности и передавших таким образом по крайней мере 1590 сетей в чужие руки, – конечно богатых казаков. С уничтожением этого права вдов и малолетков участвовать в Курхае не преградилась, однако, для богатых возможность выставить большое число сетей, как увидим ниже. В этом лове, как и на двух прочих морских, каждый имеет право держать сколько кому угодно работников, из казаков ли, или из иногородних, то есть не принадлежащих к войсковому сословию, и Киргиз.

Для надзора за этим рыболовством назначаются три начальника, так называемые рыболовные атаманы, под наблюдением которых устраивается три баконных линии, посредством кольев, вбитых в дно на расстоянии от 25 до 50 саженей один от другого, собираемых по два кола с каждой имеющей участвовать в рыболовстве лодки или бударки. Линии на большой глубине означаются плавучими знаками, собираемыми с тех, которые пожелают там рыболовствовать. *Первая* линия бьется от большой Бабинской косы на SSW до 3-х саженной глубины, *вторая* от Пороховинского бугра на S до крайней грани Уральских вод; *третья* от Дуванной косы также на S и тоже до крайней грани Уральских вод. Эти линии называются: *первым, вторым и третьим участками баконных* и на каждый из них назначается по участному начальнику. От Гранного бугра баконной линии не бьют, потому что не нашлось бы охотников на ней рыболовствовать, и на второй участок бывает их очень мало, а иной год и вовсе не бывает.

Все казаки, желающие участвовать, приписываются по своему выбору к одному из трех участков и каждый из них имеет право на выставку известного числа сетей, соответственно своему чину, в той баконной линии, в которой он приписался. До 1856 года отставной казак и малолетний, несущий повинности, имели право на 6 сетей; простой служащий казак и урядник на 9; обер-офицер на 12; войсковой старшина (майор) на 16; но войсковой старшина, получивший этот чин только при отставке, пользовался правом на выставку сетей по чину есаула, то есть как обер-офицер; подполковник и полковник имели право на 18 сетей. Вдовы же бездетные, или имеющие малолетних детей, и малолетние круглые сироты обоего пола выставляли число сетей: первые по чинам мужей, а последние отцов. В 1856 году, по причинам уже вышеизложенным, у вдов и сирот право это отнято, прочим же увеличено число сетей, именно отставным и малолетним, несущим повинности, дано право на 9 сетей, простым служащим казакам и урядникам на 15, обер-офицерам на 21, войсковым старшинам и подполковникам на 27, полковникам на 33 и генералам, о которых прежде ничего не было сказано, на 48. Первоначальным поводом к этому изменению послужила просьба, поданная казаками в 1852 году, о воспреещении лова по доверенности, дабы, пользуясь ими, богатые казаки не составляли больших артелей и не стесняли этим казаков, лично участвующих, ибо последним часто доставались через

это места на глубини, где, по малости и плохому состоянию большей части судов, они не имели средств рыбачить; это и было тогда запрещено Войсковой Канцелярией в виде опыта, а окончательно уже утверждено в 1856 году.

Казаки, сверх распределения своего на три части по участкам, в каждом участке соединяются между собой в артели. Кто, впрочем, не пожелал бы присоединиться к какой-нибудь артели, может оставаться и сам по себе, но это едва ли когда-нибудь случается, по крайней мере весьма редко. Число лиц, составляющих одну артель, ограничено так, чтобы в совокупности имели право выставить не более 100 сетей. Для определения в каких местах баконной линии каждой артели ставить свои сети, мечут жребий. Это делается так: в одну чашку или шапку кладут билетки с именами представителей артелей, или палочки с различными знаками, известными их хозяевам, а в другую билетки с номерами. Билетки вынимаются первым попавшимся мальчиком, сначала с именами, потом с номерами. После этого каждая артель выставляет свои сети в порядке доставшихся им номеров, так что первый есть ближайший к берегу, начиная с глубины $\frac{3}{4}$ или аршина. Жребии называются полными, если достанутся полным артелям, то есть состоящим из числа казаков, имеющих в совокупности право на выставку ста сетей, неполными, если достанутся меньшим артелям, и одиночными, если их получают казаки, не приписавшиеся ни к какой артели.

Начальники каждого участка имеют право на выставку в баконных линиях 80 сетей, а помощники их 40. (До 1856 года начальники имели право на 40, а помощники их на 20 сетей). Места для этих сетей назначаются не по жребию, а выбираются ими, где они пожелают. Лучшими местами считаются ближайшие к берегу, как потому, что тут более ловится рыбы, так и потому, что для лова на малой глубине не нужно иметь больших и очень исправных лодок, следовательно меньше издержек. Число хороших номеров выходит большее или меньшее, смотря по тому, выпадет ли большинство первых номеров на долю полных артелей, неполных или одиночных казаков, так что, например, тридцатые номера могут считаться иногда принадлежащими еще к хорошим номерам, иногда же к очень посредственным. Само собой разумеется, что рыболовные атаманы и их помощники выбирают для себя места, признанные долговременным опытом за самые лучшие; поэтому места эти всегда постоянны и слывут между казаками под именем *Атаманских мест*, которых два: одно в первом, а другое в третьем участке. Сверх этого атаманы и помощники их сохраняют право и на то число сетей, которое им следует по чину, но для них не могут уже выбирать мест, а должны выставлять через своих работников там, где придется по жребию тем артелям, к которым они приписались.

Должно заметить, что одни артели, истинно товарищеские, составляются для взаимной выгоды участников вследствие различных соображений, как, например, по тому, что несколько казаков имеют одну общую кусовую лодку, или по тому, что не имеющие своей лодки приписываются к имеющим, уступая зато лишнюю долю в предполагаемой добыче и т. п. Другие же артели составляются богатыми казаками для того, чтобы под видом их занять своими сетями как можно большее пространство. Они нанимают к себе в работники бедных казаков, составляя с ними как бы товарищество, в котором, однако, в сущности один полновластный хозяин, прочие же лишь работники, получающие уговорную плату и уже не имеющие права на участие в улове, или они скупают у казаков, могущих по праву участвовать в лове, но не желающих этого, или не имеющих на это средств, доверенности, которыми они поручают ловить за себя. Это особенно легко было делать, когда вдовы и сироты-малолетки имели право на участие в лове, но и теперь это лишь немного затруднено. Чтобы такими средствами один не занял своими сетями слишком большого пространства, артели, как мы видели, ограничены 100 сетями. Но это не препятствует одному иметь в своих руках несколько артелей, назначая лишь в них номинальных хозяев.

Выставка сетей производится следующим образом: каждый выставляет свои – в три линии, то есть по трети всего числа, на которое имеет право в линию. Поэтому ни одна артель не может выставить более $33\frac{1}{3}$ сетей в линию, или, как сказано в выдаваемой ежегодно рыболовным атаманам инструкции, более 450 сажень по бакону. ($33\frac{1}{3}$ сети, по $12\frac{1}{2}$ сажень каждая с приухами, составляют $416\frac{1}{2}$ сажень. Следовательно, $33\frac{1}{2}$ сажени, или по сажени на сеть полагается на промежутки между сетями, ибо одна сеть не должна быть счаливаема с другой, чтобы не составилось таким образом непрерывной стены, сквозь которую уже никакая рыба не могла бы проскользнуть к ловащим за баконами). Первая линия, называемая лицевой, идет вдоль баконных и обращена, следовательно, (в 1-м и 3-м участках) к устьям Урала, а остальные две ей параллельны. Расстояние между линиями не определено в точности, но должно быть таково, чтобы в этих промежутках свободно можно было ездить и поворачиваться на лодках. Вторая и третья линии также по возможности выравниваются, чтобы не было в них уступов, то есть стараются, чтобы расстояние между первой и второй и второй и третьей линиями у всех ловцов было одинаково. Может случиться, и при большом числе участников в лове действительно случается, что нескольким артелям, получившим последние номера, не достает уже места в баконных линиях, тогда они выставляют свои сети в так называемых вольных водах, т.е. в промежутках между баконными линиями первого и второго участков, или между баконной линией третьего участка и Эмбенской гранью Уральских вод. В вольных водах

число сетей и расстановка их предоставляются совершенно на произвол ловцов, отчего и название вольных вод. Сюда же идут и те, которые хотя и получили места в баконных линиях, но уже на большой глубине, для лова на которой не имеют пригодных лодок. Для примера приведем, что во время осеннего Курхая 1846 года в баконной линии 3-го участка 6 артелей с 390 сетями, не пожелали занять мест, доставшихся им по жребью. В таком случае они не могут передать кому хотят доставшихся им по жребью мест, а начальниками вызываются из неполучивших мест казаки, желающие занять освободившиеся, а ежели желающих явится более, чем сколько их там может поместиться, то между ними мечется жребий. Таким же образом поступается во всяком случае, если какое-нибудь место остается незанятым по каким бы то ни было причинам. Наконец, в вольных водах ловят еще и те, которые, получив хорошие места в баконных линиях, имеют много лишних сетей и желают употребить их в дело. Ежели в вольных водах соберется много охотников ловить, то, во избежание споров, предоставляется им право, буде пожелают, провести у себя свою баконную линию в произвольном направлении; в таком случае один из чиновников, участвующих в этом лове, назначается начальником новой линии и ему также дается право на выставку от 40 до 80 сетей, где пожелает. Обыкновенно в вольных водах число выставляемых сетей далеко превосходит число сетей стоящих в баконных линиях. Заметим, что в вольных водах выгодно ловить, когда имеется возможность выставить длинный ряд сетей. Небольшим числом их там много не наловишь, ибо рыба там не идет так густо, как у бакенов первого и третьего участков, второй же участок обыкновенно причисляется к вольным водам, ибо в последнее время редко находятся охотники ловить в нем на основании правил, утвержденных для двух прочих баконных линий. Так как только богатые имеют возможность выставлять большое число сетей и так как они, имея большие лодки, могут располагать свои порядки на глубине и тем перехватывать рыбу на пути к прибрежью, ставя свои сети в направлении перпендикулярном к баконным линиям, то все преимущества тут на их стороне; бедным же приходится ловить по неглубоким местам в пространстве, с трех сторон окруженном сетными порядками, куда следовательно рыбе невозможно ни с какой стороны пробраться; они поэтому мало и ловят в вольных водах. Если окажутся желающие ловить на глуби, за окончанием баконной линии первого участка, то и это дозволяется без ограничения числа выставляемых сетей, но с тем лишь, чтобы не заходили за продолжение баконной линии влево, то есть в пространство, лежащее против устьев Урала между ей и баконной линией третьего участка. Пространство это, имеющее более 80 верст в ширину, так строго охраняется, что не позволено даже судам, участвующим в рыболовстве, стоять впереди, то есть с лицевой

стороны 1-й и 3-й баконных линий, а они должны находиться не иначе, как сзади трех порядков сетей.

Хороший лов на весеннем Курхаве, по замечанию казаков, продолжается лишь до 25 апреля, редко до 1 мая; вообще же успех его зависит от господства во время его юго-западных ветров, которые нагоняют рыбу. Этой причине приписывают и необыкновенный успех весеннего Курхавя в 1856 году, напомнившим собой лучшие былые годы. При выгонных ветрах уловов не бывает почти вовсе. Таков преимущественно NW, которого особенно не жалуют и боятся казаки, тем более, что он чаще других ветров усиливается до степени бурь, которыми не только уносятся сети, но срываются самые лодки с якорей. Судить об убытках, причиняемых этими бурями казакам, можно по примеру, который я приведу из осеннего Курхавя. 16 октября 1846 года в одном первом участке было унесено в море 1800 сетей, 1000 кольев, 3 кусовых и 2 подрасшивных лодки, на сумму слишком в 2000 руб. сер., считая по умеренным ценам: сеть от 2 до 3 руб. асс, колья, здесь очень редкие, по 50 коп. асс, кусовую лодку по 600, а подрасшивную по 150 руб. асс. Бывали случаи и гораздо больших убытков, как, например, в упомянутую уже мной при другом случае бурю весной 1853 года, когда было унесено в море 24 лодки; но ценности понесенных во время их потерь мне в точности не известны.

На Курхавском лове солится рыба и приготавливаются из нее припасы на самих судах и время от времени свозятся для складу или для продажи на берег не иначе, как на Ракушечью пристань, куда должны следовать и откуда возвращаться непременно морем, а не Уралом, чтобы движением судов не мешать входу рыбы в реку. Иногда бывает это очень стеснительно для Уральцев, именно во время сильных водополей, когда Урал, долго не вступающий в берега свои, препятствует дальнейшей отправке рыбы в Уральск, через который должна непременно вестись не только вся рыба, пойманная в Уральских водах, но и купленная Уральцами у Эмбенцев. В уважение затруднений к сухопутному провозу рыбы из Ракушечьей пристани в Гурьев и дальше по случаю сильной воды, было разрешено в 1846 году везти рыбу по Уралу до того места, откуда сухопутный провоз уже не будет затруднительным. Но, вероятно, это тогда же возбудило ропот речных рыболовов, ибо когда в 1850 году Курхавцы еще раз просили об этом, дабы по случаю хороших заловов не воспоследовало остановки в сбыте рыбы, Войсковая Канцелярия этой просьбы не уважила, приводя причиной своего отказа, что в этом году не предвидится большой воды, а ежели случится, что севрюжье рыболовство будет дурно, то этим дозволением возбудится ропот в войске, которое не преминет приписать неуспех в рыболовстве плаванию судов по Уралу. Однако, по причине сильного обмеления Ракушечьего прорана в последние годы дозволено было в 1853 году с 12-го по 30-е апреля

иметь пристань для складки рыбы на Стрелецкой косе, при строгом подтверждении не касаться устьев Урала. В 1854 году дозволение это было возобновлено, но все же не как постоянное правило, а как временное исключение.

Вообще отлучки с Курхайского рыболовства на Ракушечью ли пристань, в Гурьев ли, допускаются лишь в крайней надобности и всегда по билетам, в которых означает количество везомой рыбы, икры, клея и вязиги, для предъявления на Ракушечьем посту. Это делается с той целью, чтобы промышленники не могли выставлять сетей на запрещенном пространстве против устьев Урала.

По окончании рыболовства строго запрещается вводить суда по Уралу в Гурьев и свозить туда снасти, которые должны храниться в нарочно для того устроенных амбарах на Ракушечьей пристани и на урочищах Солянке, Баксае и Гогольской косе.

Все эти правила для производства Курхайского рыболовства развились мало-помалу. В начале, то есть в 1816 году, они были гораздо короче и во многом отличались от теперешних. Так, тогда еще не было никаких постановлений о невъезде на судах в Урал, ибо тогда при значительном еще числе судоходных устьев и достаточной глубине прибрежья, вход судам в него не был запрещен и суда как с рыбой, так и с привозимыми из Астрахани товарами подходили к самому Гурьеву и подымались даже и выше. Тогда проводилась только одна баконная линия от Бабинской косы прямо на S, а не на SSW, как теперь; вдоль западной же грани Уральских вод, шедшей в то время, по причине тяжбы с князьями Юсуповыми, от Баксайской косы, бакенов не били. Пространство по баконной линии, которое может занимать одна артель, или, другими словами, величина артелей тогда не была еще ничем ограничена. Различие в праве выставлять известное число сетей в баконной линии, смотря по чинам, еще не существовало; каждая из лодок, число которых для каждого казака также ничем не было ограничено, могла выставлять по 4 сети в лицевой стороне; рядов же этих сетей полагалось не три, как теперь, а четыре. Наконец начальник рыболовства, как начальник, не имел никаких преимуществ, а мог выставлять свои сети по числу имевшихся у него лодок, на основании общего для всех жеребьевого порядка*.

2. *Весеннее севрюжье плавное рыболовство, или севрюжья плавня.* Оно начинается со вскрытием Урала, что средним числом случается, около Уральска, во второй трети апреля, обыкновенно от самого города и производится по всему Уралу и в море против Уральских устьев, где и оканчивается по большей части в начале июня, в иные же годы

* Определить, когда были внесены все эти изменения и дополнения, я не могу, потому что это особой важности не представляло, а требовало тщательного пересмотра всех хранящихся в архиве рыболовных дел за 30 лет с 1816 по 1846 год, начиная с которого я уже все дела по 1856 год пересмотрел. Притом же самое дело о Курхайском лове в 1816 году я получил уже в конце моего пребывания в Уральске.

продолжается до половины этого месяца. Самое раннее начало, из известных мне, было в 1855 году 6-го апреля, самое позднее в 1856 году 24-го апреля; в 1848 году кончилось оно только 19-го июня.

Рыболовство это собственно состоит из двух или даже из трех отдельных рыболовств, соединенных в одно. Первое производится от Уральска до Каленовского, или до Антоновского форпоста, куда войско прибывает между 20-м апреля и 1-м мая, особого рода плавными сетями, называемыми *ярыгами*, и слывет под именем *растового*, *харчевого* или *ударного* рыболовства. Значение первого названия я решительно не могу объяснить; харчевым, может быть, называется оно как бы в насмешку, потому что, не будучи очень прибыльным, может доставить рыбы не более, как себе на пропитание – на харч, ударным же – по способу производства, как увидим ниже. На ратовом рыболовстве ловится преимущественно, так называемая, толстая красная рыба, то есть белуги, осетры и шипы. Второе, – *собственно севрюжьей плавни*, идет от Каленовского или Антоновского форпоста до моря и производится севрюжьими плавными сетями. Во время его ловится из красной рыбы почти исключительно севрюга, но попадаетея также много черной рыбы в невода и разного рода плавные сети, которыми ловят по местам, уже расплавленным войском. Наконец, третье производится теми же севрюжьими плавными сетями, но уже в море, на небольшой глубине, против устьев Урала. Оно почти всегда падает на первые числа июня и составляет единственное в году исключение, когда дозволяется лов в этой так тщательно оберегаемой части моря. Исключение это делается потому, что в это время, то есть в первой трети июня, весенний ход рыбы в Урал уже кончился, а осенний, или правильнее летний, еще не начинался. Замечательно, что в сочинении г. Левшина «Историческое и статистическое описание Уральских казаков» при описании севрюжьей плавни, хотя и говорится, что она начинается от самого Уральска, но не только не упоминается о лове ярыгами до Каленовского форпоста, преимущественно толстой красной рыбы, а еще прибавляется «осетров и белуг, кои в сие время попадаются, по положению, должно бросать в воду, ибо во-первых они тогда еще малы, во-вторых, слишком дешевы; преступающих сие положение наказывают и отнимают у них всю наловленную рыбу». Из этого бы следовало, что с двадцатых годов, когда написана была упомянутая книга, произошло совершенное изменение в правилах и способах производства весенней плавни, потому что мне не случалось слышать о чем-либо подобном в настоящее время и положительно известно, даже из официальных документов, что белуги, осетры и шипы, во время так называемого ратового рыболовства, ловятся в большем количестве, чем севрюга, да и на собственно севрюжьей плавне очень нередки. Во всяком случае приведенные причины

такого постановления в высшей степени странны. Такого времени в году, когда бы осетры и белуги были преимущественно перед другим, малы, не существует, ибо они вырастают не в один год и, следовательно, во всякое время года бывают различных возрастов, вновь же народившиеся мальки, по своей малости, вовсе в сети попадать не могут. Притом же весной идет в реки рыба, чтобы метать икру, следовательно уже взрослая. Что же касается до дешевизны большой красной рыбы весной, то все же лучше поймать дешевое, чем ничего, так как известно, что вошедшая в это время в Урал рыба в нем не останется, а уплывет назад в море, и весьма мало надежды, чтобы ее опять пришлось поймать осенью в Уральских же водах.

Прежде описания самого рыболовства с существующими для него правилами, познакомимся с употребляемыми на нем орудиями лова.

1) *Севрюжья плавная сеть*. Она имеет 32 сажени в длину с приухами, не более как в $\frac{1}{2}$ аршина, и состоит из двух полотен: переднего, называемого режем, имеющего в ширину от 8 до 11 ячей по $4\frac{1}{4}$ вершка в лопатке и не имеющего огнива, и заднего, имеющего в ширину 25 ячей, слишком в $1\frac{1}{2}$ вершка в лопатке и с огнивом в три ячеи. Ежели сеть равномерно растянута, то переднее полотно окажется натянутым, заднее же останется на слаби и в воде будет отдуваться так, что вся сеть в вертикальном разрезе представит следующую фигуру: (|. Ширина ее от 3 до 4 с небольшим аршин. Поплавки и грузила расположены на подборах через две ячеи на третьей переднего полотна. Первые, называемые в этой сети *верхними гоглями*, шаровидны и сделаны из дерева; вторые же, — *нижними гоглями*, глиняные и имеют вид удлиненных бочоночков. Во время лова, обе веревки, прикрепленные к одному концу этой сети, находятся в лодке; к другому же концу привязан поплавок (боченок или большой пучек чакану), поддерживающий его на воде, и таким образом они медленно подвигаются вниз по течению. Одним словом и устройство, и употребление этой сети совершенно такие же, как и на Волге.

2) *Ярыга*. Она имеет только 7 сажень в длину и устроена следующим образом: весьма широкое полотнище сложено по длине вдвое и, начиная с перегиба, сшито по краям, но не до конца. Таким образом, большая часть сети образует глухой мешок, свободные же, несшитые по краям конца ее два крыла: верхнее и нижнее. Это будет нечто в роде вентеря, только не с боковыми, а с верхним и нижним крыльями, и притом вентеря движущегося. Ячеи, составляющие эту сеть, имеют только $1\frac{1}{2}$ вершка в лопатке. В свободных крыльях, называемых *воротками*, по 9 ячей с огнивом; они в 1 аршин 6 вершков шириной, а в глухом же мешке, называемом *кутцом*, по 28 ячей с каждой стороны, то есть 56 кругом; шириной он около 4 аршин. Отверстие между воротками, то есть вход в кутец, весьма выразительно называется *зевом*. Гогли на ней такие же, как и в

плавной сети: верхние нанизаны на подборе верхнего воротка, через две ячеи на третью, нижние же, то есть грузила, на подборе нижнего воротка через 5 на 6-ую; сверх этого в промежутках между ними прикрепляются в случае нужды *свинцы* (т. е. кусочки свинца), так что грузила вообще придутся через две на третью ячею. Во время весенней плавни этих свинцов обыкновенно не надевают, потому что тогда рыба плавает, а не лежит на дне, и, следовательно, не нужно глубоко загружать сеть. К четырем свободным углам воротков прикрепляются веревки. По способу своего употребления, ярыги составляют нечто вроде Астраханской поездухи. Концы веревок верхней и нижней каждой стороны берутся в бударки, в которых один казак сильно гребет, а другой правит и держит веревки. Как только он заметит, что рыба вошла в кутец, то подбирает нижнюю подбору и тем запирает рыбе выход; после чего вытягивают ярыгу. Таким образом, она тянется двумя лодками, как бы разинутая пасть. Эта сеть, сколько мне известно, исключительная принадлежность Урала. В верхней части Урала ловят ими потому, что тут много каршей, за которые бы плавные сети, по причине их длины, часто бы зацеплялись и рвались, чего с ярыгами, которые гораздо короче и тянутся двумя бударками, гораздо легче избежать.

3) *Поповская сеть*. Она употребляется ловящими уже после прохода войска на том пространстве, где оно ловило ярыгами. Это та же севрюжья плавная сеть и тех же размеров, но ячеи переднего полотна в ней больше, почти такой же величины как у аханов; заднее же полотно сравнительно шире, так что оно от переднего более отдувается. Этой сетью ловится преимущественно толстая красная рыба. Употребление ее там, где главная масса войска ловит ярыгами, возможно, потому что рыбацущие казаки сзади имеют несравненно больше простора и не имеют нужды спешить.

На весеннем севрюжем рыболовстве имеют право участвовать все, принадлежащие к войсковому сословию, как служащие, так и отставные и малолетки, с единственным исключением находящихся на действительной службе. Всякое же участие в нем иногородных совершенно запрещено, даже в рабочих нельзя их иметь. У кого такой иногородный работник найдется, тот подвергается денежному штрафу. Наблюдение за этим поручается между прочим и самим казакам между собой, что, конечно, они весьма ревностно исполняют. Постановление о неимении иногородных рабочих относится собственно ко всем речным рыболовствам, кроме неводных, но во всей строгости соблюдается лишь на одной севрюжьей плавне, тогда как на прочих, вследствие разных причин, из этого правила делаются некоторые исключения. Число бударок, которое каждый может иметь здесь, не ограничено и офицеры не имеют тут ни малейшего преимущества перед простыми казаками.

Лов по положению должен начинаться с Уральска; но иногда случается, что, дожидаясь вскрытия реки у этого города, казаки начинают лов весьма поздно и поэтому доходят до низовьев Урала уже во время самого сильного разлива, что бывает особенно невыгодно в годы большой полой воды, ибо тогда рыба вместе с водой расходуется по степи и плавня бывает самая неудачная. Так случилось в 1845 и 1846 годах, почему в 1847 году было разрешено казакам, если пожелают, начинать лов не с Уральска, а отправляться вниз по Уралу до того места, где найдут реку вскрывшейся и оттуда уже начинать лов. Разрешением этим очень часто пользуются, потому что весенний лов в верхних частях Урала редко бывает изобилен, а потому не жаль его упустить, в надежде на лучший лов ниже. Так в 1847 году начато рыболовство ниже Кожехаровского форпоста (в 101 версте от Уральска) 8 апреля. Подобным же образом в 1854 году войско выступило из Уральска 20 апреля, с приказанием спешить ловом, ибо предвещался чрезвычайный разлив. В этом году 29 апреля лед стоял еще в Уральске.

Во время этого рыболовства, как и на всех других, обнимающих собой значительную часть Урала, рыболовствующее войско, или так называемая *громада*, должно двигаться все вместе и правильно. Для этого назначаются границы, называемые рубежами, докуда можно плавать, но за которые можно переходить не иначе, как уже на другой день. На другой день начинается лов уже с этого рубежа и идет до следующего; таким образом, от рубежа к рубежу проходят весь Урал. Рубежи эти на так называемом растовом рыболовстве, то есть до Антоновского форпоста, предоставляется назначать каждый год начальнику лова по соглашению с промышленниками, сообразно их пользе. От Антоновского же форпоста до моря они уже назначены раз навсегда и могут быть изменяемы не иначе, как только Войсковой Канцелярией, вследствие особых представлений начальников севрюжьей плавни, нашедших какое-либо неудобство в их распределении. Это случается довольно редко, так, например, в 1847 году вместо Буян-Тугая десятым рубежом назначен был Котельный форпост в 9½ верстах ниже его, а между 13-м и 14-м рубежами: Гребенщиковым форпостом и Разбойным Яром, был еще рубеж у Кулагинской крепости в 14-ти верстах ниже Гребенщикова. В 1848 году они уничтожены и с этого года до настоящего времени не изменялись даже и на растовом рыболовстве. Право назначать рубежи до Антоновского форпоста предоставлено начальникам рыболовства для того, чтобы в случае малых уловов, не теряя по-пустому времени, войско могло скорее расплавить это пространство. На волю же войска предоставляется производить лов ярыгами до Каленовского или до Антоновского форпоста. В последние годы, впрочем, войско всегда избирало Антоновский форпост границей растового рыболовства.

В следующей таблице означены все рубежи весеннего плавного рыболовства, с показанием расстояний их между собой и от Уральска, а для малоизвестных урочищ, не означенных на картах, и от ближайшего форпоста.

НАЗВАНИЕ РУБЕЖЕЙ	Расстояние от Уральска (вер.)	Расстояние от предыдущего рубежа (вер.)	РАССТОЯНИЕ ОТ БЛИЖАЙШЕГО ФОРПОСТА
1. Суеткин ерик	10	10	
2. Владимирский хутор	47	37	13 вер. ниже Чаганского форпоста.
3. Коловертный хутор	74	27	6 вер. ниже Бударинского форпоста.
4. Карташов яр	90	16	10 вер. ниже Бударинского форпоста.
5. Лбищенский форпост	116	26	
6. Мергеневский форпост	147½	31½	
7. Каршинский форпост	165½	18	
8. Каленовский форпост	191½	26	
9. Антоновский форпост	217½	26	
Конец растового рыболовства			
10. Урочище Буян-Тугай	231	13½	1½ ниже Кругловского форпоста.
11. Павлов яр	264½	33½	7 вер. ниже Калмыковской крепости.
12. Харькинский форпост	288½	24	
13. Гребенщиковский форпост	319¼	30¾	
14. Разбойный яр	356¼	37	3 вер. выше Зеленовского форпоста.
15. Погорелая лука	379¾	23½	4 вер. ниже Тополинского форпоста.
16. Мокрый Баксай	416¼	36½	7 вер. ниже Яманхалинского форпоста.
17. Сорочинский форпост	442¼	26	
18. Кандауровский форпост	461¾	19½	
19. Гурьев городок	477¾	16	
20. Море	493¾	16	

Расстояние между рубежами так неровно потому, что оно означено по почтовой дороге, а не по Уралу, который местами делает большие извилины, местами же течет прямее, а также и потому, что долговременным опытом примечено, что на некоторых

местах более собирается рыбы, и так как для расплавания таких мест требуется более времени, то расстояние между рубежами тут сокращено.

Лов начинается не ранее солнечного восхода или по крайней мере совершенного рассвета, по выстрелу из сигнальной пушки, нарочно возимой для этого с войском. Лодки, вытасченные с окончанием вчерашнего лова на берег, стоят на низменных местах по Самарскому берегу в линию, а казаки попарно сзади своих бударок в 10 шагах. С сигналом бударки вталкиваются в воду и всякий старается с своей бударкой быть впереди. Разогнавшись и несколько разбредясь по Уралу, казаки начинают выбрасывать свои сети. Во всей точности соблюдается это лишь на ратовом рыболовстве, которое поэтому называется рыболовством с удара. Это делается для того, чтобы никто не мог с самого начала заплыть вперед, через что, следовательно, шансы улова уравниваются; если кому и удастся впоследствии обогнать других, то это уже будет зависеть от его силы и искусства грести. С особенной строгостью наблюдаются эти правила при лове ярыгами, потому что они тянутся греблей. В собственно севрюжем лове плавными сетями нельзя сильно грести, ибо конец их свободно плавает, поддерживаемый поплавком, а надо только следовать за течением. Тут перегоняться нельзя и потому нет так называемого удара, хотя лов все-таки начинается по сигналу. У рубежа, при котором дневной лов должен окончиться, ставятся кибитка начальника и пушка и вкапываются в землю два находящиеся при нем сотенных значка, прежде нежели плавающее войско успеет его достигнуть. Лов оканчивается также повесткой из пушки: на ратовом рыболовстве перед солнечным закатом, а на собственно севрюжем в 2 часа пополудни. После этого все лодки должны быть вытаскиваемы на берег, дабы никто не мог тайно ловить ночью. Раннее окончание лова назначается для выгод остающихся ловить сзади войска, о чем будет сказано ниже. Каждый день проходят таким образом по рубежу, начиная от Антоновского форпоста; на собственной севрюжьей плавне дозволяется плавать и по два дня на том же рубеже*, если будет выгодный лов.

Дневок на этом рыболовстве нет, ибо спешат, чтобы не захватило сильными разливами и чтобы не продлить его до того времени, когда рыба вновь начнет подниматься в Урал искать себе ятовных мест. Отдыхи бывают лишь в воскресения и в двенадцатые праздники. Когда войско приблизится к Индерскому озеру, то есть будет находиться между 12-м и 13-м рубежом, то дается время нужное для добычи из него соли. При этом отправляется с казаками всегда офицер и они должны быть вооружены во избежание нападений со стороны Киргиз, — правило, существующее, конечно, более по

* Хотя слово *рубеж* собственно обозначает граничную черту, но оно употребляется и для означения пространства между двумя чертами.

воспоминаниям прошлого, чем по потребностям настоящего времени, ибо Киргизы, весьма часто тайно отгоняющие у казаков скот и лошадей, едва ли решатся на открытое нападение. Но если редки отдыхи, положенные правилами, то часто бывают отдыхи невольные, во время сильных ветров и непогод. Так в 1854 году простояли севрюжники 7 дней у Павлова яра, по случаю большой воды и бури, а у следующего рубежа Харькинского форпоста простояли еще 3 дня. Во все это время улова не было никакого и многие казаки, не желая продолжать рыболовства, столь невыгодно начавшегося, возвратились по домам.

За переход через рубеж, до назначенного времени, в первый раз делается напоминовение, во второй же раз, после наказания виновного телесно, лишают его права на продолжение ловли в это рыболовство.

Дабы начальник мог за всем следить и наблюдать, а также дляokraуливания идущих с войском лошадей от Киргиз дается ему команда в 16 человек из казаков городского полка, то есть состоящего на внутренней службе в земле Уральского войска, а от ближайшего к рубежу форпоста бударка с двумя гребцами. В вознаграждение трудов полагается начальнику, по окончании ежедневного лова, 6 плавков по расплавному уже пространству, без захвата следующего рубежа; но они не должны продолжаться более часа. Для этого сплывают в пользу его 6 бударок по одному разу. В остальное время запрещается начальнику ловить на себя.

Когда войско достигает моря, то имеет право ловить в течение 10 дней в заповедном пространстве, против устьев Урала, как плавней, так и выставкой тех же плавных сетей. По просьбам севрюжников, десятидневный срок, при дурных залавах, иногда увеличивается до двух недель. Курхайские промышленники, которые, занимаясь своим ловом, в плавне участвовать не могли, на этот лов против устьев также имеют право, но не иначе, как на таких же бударках и такими же сетями, как и севрюжники, следовательно, также только у побережья, в так называемых *чернях*, ибо если бы им дозволить употреблять свои морские лодки, то, имея возможность на них далеко заплывать в море, они получили бы значительное преимущество перед прочими.

С окончанием севрюжьего рыболовства, промышленники должны возвращаться уже не водой, а сухим путем, везя свои бударки на длинных дрогах, называемых здесь *адрами*, которые во все время плавни за ними следовали.

Должно заметить, что не всегда хорошему улову на весеннем Курхае соответствует и хороший улов на севрюжьей плавне. Так, например, в 1856 году, когда Курхай необыкновенным изобилием рыбы напомнил старинные годы, севрюжья плавня была хуже обыкновенного. Многие из казаков приписывают это сильной воде, бывшей в этом

году и далеко отбившей морскую, так что рыбе, идущей на пресную воду, не нужно было подниматься в реку, чтобы встретить ее. Неосновательность этого мнения бросается в глаза, если принять в соображение Волгу, которая в самую межень несравненно дальше отбивает морскую воду, чем Урал в самые сильные разливы, что, однако, не мешает рыбе подниматься в эту реку. Притом же говорят, что в 1854 году, когда полая вода была еще сильнее, севрюжья плавня была хороша. Весьма жаль, что собранные мной статистические сведения не позволяют мне этого проверить за означенный год. В 1853 году, наоборот, чем в 1856, хорошему улову на севрюжьей плавне соответствовал дурной улов на Курхаете. Но есть годы, в которые оба рыболовства были успешны, как, например, 1850, а также и такие как 1855, в которые оба были неуспешны. Так как успех весеннего Курхаета в 1856 году зависел главнейше от нагонных юго-западных ветров, то ими и нагоняло рыбу в сети курхайщиков, без которых, следовательно, она входила бы в Урал и доставила бы богатую добычу севрюжникам. Основываясь на этом примере, я думаю, что отношения успеха и неуспеха на этих двух рыболовствах главнейше зависят от господствующего весной направления ветров, именно, что при выгонных ветрах оба рыболовства бывают дурны, при нагонных же, если господствует юго-западный ветер, бывает хороший Курхай, но дурная плавня, если же южный, то хорошая плавня, но посредственный Курхай, ибо он гонит рыбу прямо в устья реки, а не в сети курхайщиков, как юго-западный ветер; когда оба нагонные ветра дуют равномерно, то должны быть успешны оба рыболовства. Конечно это только предположение, которое может быть подтверждено не иначе, как одновременным наблюдением над ветрами в Гурьеве и точным записыванием уловов.

Во время весеннего севрюжьего рыболовства, по местам, пройденным уже войском, производится неучаствующими в нем казаками, как идущими непосредственно за войском, так остающимися на своих местах, другой лов, который, однако, по тесной зависимости его от главного лова, не может быть отдельно от него рассматриваем. Как только войско расплавает какой-нибудь рубеж, то оставшиеся сзади его начинают свой лов во время растового рыболовства, так как оно оканчивается поздно, с закатом солнца, на другой день после прохода рубежа севрюжниками; во время же собственно севрюжьей плавни — еще в тот же день. Прежде войска, рыболовствующие сзади, и от Антоновского форпоста могли начинать свой лов не иначе, как на другой день, потому что подобно главной массе севрюжников должны были прекращать его в 2 часа пополудни; но с 1849 года разрешено им оканчивать свой лов в пять часов пополудни, так что им остается еще три часа рыбачить после войска, конечно в таком только случае, когда сами севрюжники переходят на следующий рубеж и не остаются еще день на нем рыбачить. Мы уже

говорили, что раннее окончание лова севрюжниками установлено для выгод промысляющих сзади их. Действительно, во время плавни рыба, поднимающаяся по Уралу, боясь шума, не переходит нижнего рубежа, пока идет лов; когда же он прекратится, то косяки тронутся и пойдут вверх. Ежели бы поэтому главный лов продолжать до ночи, то эти косяки ускользнули бы за ночь и от задних ловцов; теперь же, когда в 2 часа задние начнут свой лов с верхнего рубежа, то у нижнего все еще спокойно, косяки трогаются и случается, что задние ловят успешнее передних.

Как на главном лове Антоновский форпост служит границей двух рыболовств, производимых различными орудиями и даже на несколько различных основаниях, так точно на второстепенном лове сзади войска такой гранью служат *Янайские хутора*, лежащие в 4-х верстах ниже Кош-Уральского форпоста и в 60 от Уральска. До этих хуторов дозволяется лов всякого рода снастями, кроме постоянно запрещенных: крючковой снасти и переставов, то есть ставных сетей, которые бы перегораживали Урал с берега на берег, во все время плавни, пока севрюжники не дойдут до Гурьева. Для этого рыболовства, как производимого постоянно в течение целого месяца, с 1848 года стали даже назначаться особые начальники. От Янайских же хуторов книзу дозволено лишь употребление одних плавных сетей, а отсюда-то ловят между прочим и поповской сетью. Пока главное войско не дойдет до Кулагинской крепости (в $333\frac{1}{4}$ в. от Уральска), между 13-м и 14-м рубежами, на всем пространстве выше ее идет непрекращающийся лов; но как только войско достигло этой крепости, то лов от Янайских хуторов до Калмыковской крепости (в $257\frac{1}{2}$ в. от Уральска) запрещается и, следовательно, во время плавни на шести последних рубежах можно ловить сзади войска лишь от Уральска до Янайских хуторов и от Калмыковской крепости до того места, где рыбачит главное войско. С приходом войска в Гурьев всякий лов выше по Уралу до Уральска уже запрещается, выше же Уральска остается, как и всегда, постоянно свободным. Преимущества, предоставляемые пространству от Уральска до Янайских хуторов, легко объясняются тем, что туда доходит уже мало рыбы; чтобы ее несколько более туда доходило, запрещается, вероятно, лов в промежутке от Янайских хуторов до Калмыковской крепости, когда войско достигнет Кулагинской крепости; по крайней мере я не мог ни узнать, ни придумать другой причины для этого.

Кроме лова сзади войска по Уралу, во время весеннего же севрюжьего рыболовства, производится всеми желающими лов по разливам и полуусым старицам всякого рода сетями и неводами. В этих последних бывает довольно и красной рыбы. В это же время, как подробнее будет сказано в своем месте, дозволяется всем желающим казакам и чиновникам делать запоры по старицам, ильменям и суходолам (кроме

полуусых стариц), с тем, однако, чтобы и в этих назначенных для запоров местах, пока в них вода еще прибывает, до устройства настоящих перегородок, «по примеру разрешений Войсковой Канцелярии с давних времен», все желающие могли беспрепятственно производить рыболовство, которое должно прекращаться, когда вода пойдет на убыль и устроятся прочные загородки. Лов по полуусым старицам и вообще тем разливам, где есть красная рыба, допускается сначала лишь самим севрюжникам; остальным же не иначе, как уже после прохода их. По прочим же разливам и низменным местам степи, куда вместе с водой заходит лишь черная рыба, допускается начинать лов с самого открытия весны, как только окажется к тому возможность. Дабы с убылью воды рыба не уходила обратно в Урал и не уплывала в море и через это казаки ее не лишались, в 1853 году дозволено было жителям нижней дистанции* и казакам, прибывшим из средней, производить лов с самого начала весны, даже до прихода севрюжников, в речках Сорочинке и Баксае, как удаленных от Урала, с строгим, однако же, запрещением ловить в самом Урале и других разливах его, до прихода войска.

Из сказанного о севрюжем рыболовстве можно видеть, что на нем установлено так, чтобы по возможности уравновесить для всех шансы уловов. Тут приняты во внимание и интересы тех, которым по различным обстоятельствам нельзя участвовать в главной плавне, и тем из них, которые ловят в верхних частях реки, где рыба менее изобильна, предоставлены большие перед прочими преимущества. С другой же стороны приняты все меры, чтобы ни одна рыба не ускользнула от ловцов и чтобы выместить, так сказать, Урал дочиста. В иной год до 2000 и более будар, со столькими же сетями, дружно встречают всякий косяк рыбы, поднимающийся по Уралу, а ежели улов в какой-нибудь части реки хорош, то проходят этот рубеж в другой раз. Рыба, ускользнувшая от главной массы севрюжников, попадает в сети рыбацующих непосредственно вслед за ними, или к тем, которые, оставаясь на своих форпостах, не прекращают лова: между Янайскими хуторами и Калмыковской крепостью до тех пор, пока войско не достигнет Кулагинской крепости, а ниже Калмыковской крепости, пока оно не дойдет до Гурьева. Наконец от Янайских хуторов вверх до Уральска собирают уже неводами то, что могло туда проскользнуть. При этом очевидно, что чем какой косяк позже поднялся из моря в Урал, чем ниже по этой реке он в первый раз встретился с севрюжниками, тем через большее

* Нижней дистанцией называются форпосты, лежащие по линии вдоль Урала от Кандауровского до Красноярского форпоста (в 272½ верстах от Уральска) включительно, средней дистанцией — пространство от Калмыковской крепости до Круглозёрного форпоста (в 14 верстах от Уральска) включительно и верхней дистанцией — все форпосты вдоль Урала от Уральска до дач Илецких казаков. Уральск и Гурьев к дистанциям не причисляются, а составляют отдельные округа управления.

число рядов своих врагов должно ему проскользнуть, чтобы добраться до дач Илецких казаков, откуда только начинаются места удобные для метания икры красной рыбой. Поэтому севрюгам гораздо труднее туда достигнуть, чем осетрам и шипам. В самом деле, во время ратового рыболовства ловится передовая рыба, успевшая войти в Урал вместе с таянием льда: преимущественно осетры, шипы и белуги, севрюг же тут еще почти нет; сколько-нибудь значительные косяки ее начинают попадаться севрюжникам лишь с Антоновского форпоста;* поэтому-то выше Уральска они почти не встречаются, несмотря на то, что до начала июля ход рыбе и не прегражден забойкой. Это может служить убедительнейшим доказательством тому, что только способ употребления какого-либо орудия, а не оно само по себе, бывает вредным для рыболовства, препятствуя ходу рыбы. Невинные плавные сети и ярыги в Урале гораздо полнее достигают своей цели — вылавливать все, что есть, чуть не дочиста, чем, например, в Куре самые учуги, с лежащими перед ними бесчисленными порядками крючьев, ибо выше их ловится там ежегодно еще до 80,000 и более штук севрюги.

3. *Осеннее курхайское рыболовство.* Осенний курхай начинается постоянно с 15-го августа, оканчивается же в конце октября, не всегда одновременно в разных участках. Так, например, в 1848 году кончился лов в первом участке 20-го октября, а в третьем только 27-го. Самое позднее окончание, из известных мне, было в 1850 году 1-го ноября. Он ни по правам участвующих в нем казаков, ни по способам производства, ни по орудиям лова нисколько не отличается от курхая весеннего, а потому все сказанное об этом последнем рыболовстве относится и к нему, но он далеко не имеет той важности.

4. *Осеннее плавное рыболовство или осенняя плавня.* Этот лов начинается с 28-го сентября, иногда же и несколькими днями ранее, и продолжается месяц, до 28-го или 29-го октября. Оно производится с Каленовского форпоста до верхнего устья Перетаскного ерика,** у реданки*** между Редутским и Кандауровским форпостами и от Гурьева городка до моря. На пространстве же между верхним Перетаскным устьем и Гурьевым плавни не бывает, а вместо нее осенний неводной лов. Здесь не плавают, потому что тут нет ятовей,

* В пример того, как мало ловится севрюг до Антоновского форпоста, приведу 1848 год, когда по донесениям начальника севрюжьего рыболовства из 181 воза (около 5400 пудов) пойманной во всю плавню севрюги менее 1/12 части приходится на ратовое рыболовство (15 возов); между тем как толстой красной рыбы на ратовом лове поймано (67 возов) почти столько же, как и во время остального лова (74 воза). Чисел этих нельзя принимать за выражение действительного улова, который был, без сомнения, гораздо значительнее этого, но они могут показать отношение, существующее между уловами различных сортов красной рыбы в первой и во второй половине севрюжьей плавни.

** Это верхнее Перетаскное устье есть место истока полуусой старицы, называемой Перетаскным ериком; его не должно смешивать с местом отделения от Урала — рукава Перетаски, что верстах в 5 ниже Гурьева.

*** Реданками называются небольшие сторожки, иногда обнесенные рвом и валом, находящиеся между форпостами, где должны находиться несколько казаков для окарауливания линии от переходов Киргиз на Самарский берег Урала, для угона скота, в прежние же времена и для кражи людей. В настоящее время в этих реданках обыкновенно никакого караула не содержится.

и ловится почти исключительно черная рыба, которую гораздо удобнее тянуть неводами, нежели ловить ярыгами. В прежние времена плавня оканчивалась у верхнего Перетаскного устья, от Гурьева же до моря рыбы не пугали, ожидая зимы, чтобы ее багрить в знаменитой тогда своим богатством Славущей ятови. Но впоследствии казаки просили, чтобы им было дозволено вылавливать ее осенью плавней, чтобы из одной ятови не ездить в Гурьев для багренья.

Осенняя плавня производится *ярыгами*; но как в это время рыба лежит уже на ятовях, то они свинцами глубже погружаются, чем во время растового рыболовства, чтобы шли по дну. В местах очень глубоких употребляют ярыги еще особенным образом. Их с камнями опускают в этих местах на дно и, сильно гребя, волокут за собой некоторое пространство, как драгу. Рыба в нее набирается и нередко вытаскивают ярыгу, набитую ею до верху кутца.

Кроме ярыг употребляют на этом рыболовстве и *невода*, так называемые *осенние*, которые будут описаны при осеннем неводном рыболовстве, где они составляют исключительное орудие лова.

В осенней плавне имеют право участвовать те же лица войскового сословия, как и в весенней, причем также число бударок, на которое каждый имеет право, не ограничено. Но с 1853 года никто не может иметь на бударке более одного весельщика, тогда как до этого времени богатые имели их по два, что давало им большое преимущество перед бедными, которых они всегда обгоняли. Прежде, как видно из инструкции на это рыболовство в 1816 году, дозволялось казакам иметь в весельщиках Киргиз и вообще иногородных, с платой лишь с каждого по 10 руб. асс. в войсковую сумму, для разделения между чиновниками, не могущими, по обязанностям своей службы, участвовать в плавне. Но впоследствии принятие иногородных в весельщики было запрещено для простых казаков, а допущено лишь для одних чиновников, в уважение необыкновенной трудности работы в веслах на этом рыболовстве. *Становщиков* для охранения обозов и *косячников* для пастьбы табунов, сопровождающих войско, также позволено иметь иногородных; только в этой последней должности запрещено иметь Киргиз, для которых соблазн был бы слишком велик, а главное потому, что было замечено, что многие из посторонних Киргиз въезжали в табуны под видом косячников и уводили из них лошадей. Вообще во время этого рыболовства, по причине длинных ночей, принимается гораздо более предосторожностей от Киргиз, чем во время прочих. Поэтому, кроме обыкновенного караула, находящегося при начальнике рыболовства, выставляются еще с форпостов, близ которого находится рыболовствующее войско, пикеты на Зауральскую сторону.

Осенняя плавня также производится по рубежам, назначение которых предоставляется начальнику его по соглашению с промышленниками, потому что в это время рыба уже не идет, а лежит на ятовях, которые год от году могут изменяться; изменения же эти известны казакам из наблюдений, делаемых зрителями Урала. Впрочем, изменения эти весьма редки и мне известен только один пример установки нового рубежа. Следующая таблица показывает порядок их в настоящее время.

НАЗВАНИЕ РУБЕЖЕЙ	Расстояние от Уральска (вер.)	Расстояние от предыдущего рубежа (вер.)	РАССТОЯНИЕ ОТ БЛИЖАЙШЕГО ФОРПОСТА
1. Антоновский форпост	217½		
2. Котельный форпост	239½	22	
3. Красноярский форпост	272½	33	
4. Харьковский форпост	288½	16	
5. Горская крепость	302½	14	
6. Гребенщиковский форпост	319¼	16¾	
7. Кулагинская крепость	333¼	14	
8. Кулагин яр	-	-	Около Орликовского форпоста.
9. Зеленовский форпост	359¼		
10. Карамановский форпост	386¼	27	
11. Мокрый Баксай	416¼	30	7 вер. ниже Яманхалинского форпоста.
12. Сарайчиковская крепость	431¼	15	
13. Раковая яма, или Коровий яр	448¼	17	3 вер. выше Редутского форпоста
14. Верхнее Перетаскное устье	456¾	8½	У реданки между Редутским и Кандауровским форпостами в 5¼ вер. от обоих
15. От Гурьева до моря	-	16	

Из этих рубежей Кулагин яр в первый раз учрежден в 1848 году, прежде же с Кулагинской крепости без остановки плыли до Зеленовского форпоста.

В конце рубежа, который хотят расплавить, ставится в три ряда крючковая снасть, чтобы рыба, уходящая назад, на нее попадала. Таким образом, пойманная рыба отдается

начальнику рыболовства в вознаграждение его трудов. Это единственное исключение, которым дозволяется ставить в Урале крючья.

Рыболовство это начинают с солнечным восходом, для окончания же его нет определенного срока, а кончают когда успеют расплавить все ятови, находящиеся на рубеже. Оно производится с удара, причем правила порядка уравнения для всех шансов улова, во сколько это возможно, соблюдаются еще гораздо строже, чем на ратовом лове. Бударки всегда выравниваются по берегу и по сигналу сталкиваются в воду. Где, за неимением поблизости отлогих мест, они стоят на яру, как, например, на последнем рубеже от Гурьева к морю, второпях никогда ни обходится без ломки. Сверх этого, когда бударки уже в воде, начальник ведет их до некоторого расстояния от ятови гурьбой, так сказать колонной, не давая никому заходить вперед своей лодки. Когда начальник с своей лодкой отплывает прочь, то начинается перегонка. Всякий гребет с величайшим напряжением сил, часто до совершенного изнеможения. Бывали случаи, что здоровые и сильные казаки догребались до обморока. Здесь цель каждого уже не просто обогнать товарищей, как на ратовом рыболовстве, в надежде довольно вероятной, но все-таки неопределенной и нередко ошибочной, что лов впереди других будет обильнее, а достигнуть первым, или по крайней мере из первых, места, где скопилась рыба, — ятови, с верным расчетом, как можно более из нее поживиться до прихода прочих. Когда одна ятовь выловлена, то на промежутке до следующей ятови, которых на пространстве рубежа бывает иногда по несколько, казаки не ловят, а опять гребут до нее вперегонку, то есть делают следующий удар.

По причине такой усиленной работы, а также и для большего удобства в сбыте наловленного, назначаются на этом рыболовстве через день дневки, во время которых бывают базары. Но начальникам предписывается строго смотреть за тем, чтобы не делалось пустых дневок, когда по незаловам продавать почти нечего, а спешить к Гурьеву и кончать плавню до замерзания реки. Иногда Войсковой Канцелярией даже предписывается от известного рубежа дневок более не делать. Так, например, в 1848 году, положено было с 9-го рубежа — Зеленовского форпоста идти обыденками. Но ежели, при всем спехе, наступят во время рыболовства ранние холода, так что можно будет опасаться, что Урал ранее замерзнет, чем войско дойдет до Гурьева, то дозволяется переехать берегом прямо к этому месту, дабы успеть расплавить Славушую ятовь, от которой всегда ожидают большой добычи; ятови же, оставшиеся неразбитыми, расплавить на обратном пути, если еще можно, то ярыгами, если же опасения оправдались и Урал стал, то неводами. Такой случай встретился в 1852 году. При этом рождается вопрос: почему бы не продолжать лова по порядку, а если бы река замерзла раньше окончания его,

то Славушую ятовь расплавать неводами? Но ятовь неводами выловить трудно, особливо если она глубока, а ее можно только разбагрить; но так как во время плавни у казаков нет с собой багров, то нужно бы для разбагрения одной ятови нарочно приезжать в Гурьев. Притом же легко может случиться, что хотя Урал и замерзнет, но лед достаточно окрепнет уже поздно, и в таком случае тяга неводами или багреньем ниже Гурьева совпали бы с зимним неводным рыболовством, которое производится на совершенно других основаниях и в котором из участников в осенней плавне, преимущественно верховых жителей, участвуют немногие, ибо заняты в это время багреньем. Таким образом, рыба нижней ятови досталась бы большей частью в другие руки, приходиться же нарочно для этого в Гурьев было бы затруднительно и убыточно. Правда, то же может случиться и с вышележащей, нерасплаванной частью Урала; но так как в ней не надеются получить столько добычи, то охотнее рискуют оставить нерасплаванной ее, чем Славушую ятовь.

Так как ярыгами преимущественно ловится ятовная красная рыба, черной же в них мало попадает, то сзади главной массы плавичей производится лов неводами, который, по огромному количеству доставляемой им черной рыбы, едва уступает в важности самой плавне. С Антоновского форпоста до Кулагинской крепости этот лов неводами дозволен только на другой день после разбития ятовей передовым войском; на этом пространстве он производится вольно, то есть где и как кто хочет. С Кулагинской же крепости вниз неводной лов идет в тот же день, как и плавня, но не ранее начинается как с часу пополудни, тогда как плавня начинается с рассветом. Здесь и неводная тяга производится непременно с удара, причем строжайше запрещено завозить невода сухим путем, и тут бударки с неводами должны стоять рядом на берегу. Правила для лова неводами сзади войска утверждены в таком виде только с 1853 года, до этого же времени почти ежегодно менялись, то в уважение к просьбам плавичей, то неводчиков. Прежде зарубежные ловцы тянули неводами только с Калмыковской крепости, начиная двумя часами после начала лова ярыгами. Выше же этой крепости тяги неводами сзади плавающего войска вовсе не было. При этом случалось, что лов ярыгами в иных местах еще продолжается, как уже невода их нагоняют, и красную рыбу, которая попала бы к ярыжникам, пугают и отгоняют с ятовей; она отчасти идет в затоны, где невода имеют большое преимущество перед ярыгами. Поэтому в 1846 году рубежные ловцы стали просить, чтобы неводным дозволено было начинать лов не ранее, как через сутки после войска, т.е. или после отправления уже войска на следующий рубеж, или в день дневки. Войсковая Канцелярия, полагая, однако же, что рыба, ускользнувшая от ярыжников, в течение суток успеет уйти и от неводчиков, приказала этим последним начинать свой лов не ранее солнечного заката. Но, по неудобности ночного лова, это было отменено и в 1848 году опять тянули

неводами по-прежнему, спустя два часа после начала лова ярыгами, только не с Калмыковской, а с много ниже лежащей Тополинской крепости. Во избежание того неудобства, что крепость эта не составляет рубежа, а лежит между двумя рубежами: Зеленовским и Карамановским форпостами, неводчики же должны ждать у рубежа, пока им не подадут сигнала к начатию лова, они просили о дозволении начинать его прямо с рубежа, то есть с Зеленовского форпоста. В 1851 году, по причине появления множества черной рыбы, которую нельзя было выловить ярыгами, дозволено было тянуть неводами с Кулагинской крепости, так что неводчики опять вошли во все свои прежние права. Наконец в 1853 году временем начала неводного лова назначен был час пополудни, но зато распространено дозволение употреблять невода до самого Антоновского форпоста, на вышеизложенных основаниях.

5. *Осеннее неводное рыболовство.* Рыболовство это начинается обыкновенно 8-го октября, десятью днями после осенней плавни, временем, которое нужно отправляющимся на него казакам, чтобы дойти сухопутно от Антоновского форпоста, докуда они идут вместе с плавичами, — до места производства их промысла. Оканчивается оно 7-ю днями после осеннего плавного. При худых уловах, как, например, в 1852 году, казаки обыкновенно просят продлить им этот срок до покрытия Урала льдом. Не желая совершенно нарушить раз установленного порядка, а вместе желая удовлетворить просьбе казаков, Войсковая Канцелярия в этих случаях разрешает обыкновенно продлить рыболовство еще на три дня. Причина, почему не дозволяется далее медлить окончанием этого лова, состоит главнейше в том, чтобы занимающаяся им часть войска успела заблаговременно возвратиться и своим отсутствием или неготовностью не заставила откладывать начала зимних рыболовств.

Лов этот производится, как уже было сказано, от верхнего устья Перетаскного ерика* до креста, стоящего на берегу Урала немного выше Гурьева городка. На этих двух границах выставляются от линейных команд Гурьева городка, Кандауровского и Редутского форпостов, пикеты, которые должны наблюдать, чтобы казаки не переходили этих рубежей, в ущерб занимающихся осенней плавней.

На этом рыболовстве употребляются так называемые *осенние невода*. Невод этот, употребляемый и на осенней плавне тянущими сзади войска и на севрюжьей плавне, выше Янайских хуторов, и на Узнях, одним словом на всех рыболовствах, где тянут неводами не подо льдом, за исключением одного весеннего Черхальского лова, устроен следующим образом. Длина его такова, чтобы, будучи на слаби, он хватал через Урал, то есть от 120

* Это устье теперь пересохло и осталось одно нижнее, так что Перетаскной ерик из полуусой старицы обратился в простую.

до 200 сажень. В истень, то есть в ширину, невода от 4 до 6 сажень, одинаковые во всю длину, ибо кроить их, смотря по глубине реки, как это делается на Волге, нельзя, так как, по свойству Уральского лова и по существующим для него правилам, приходится употреблять невод где случится, а не на одном каком-либо определенном месте. Ячеи его в $11/8$ вершка в лопатке, с огнивом в три ячеи. Он так част потому, что им ловится преимущественно черная рыба, нередко довольно мелкая; красная же попадает лишь случайно. Оба крыла его совершенно одинаковы и равной длины: там не различают ни пятного, ни бежного конца. Мотни в нем нет, а на место ее вчаливают между обоими крыльями частое полотно — *частик*, с ячеями в $3/4$ вершка в лопатке, длиной сажень в 6 или в 7 и на сажень шире против обоих крыльев, дабы он всегда был на слаби. Частик вставляется для того, чтобы рыба, скопляющаяся преимущественно в середине невода, не застревала в ячеях. Мотни же не делают для скорости тяги, требуемой, как увидим ниже, характером этого рыболовства. Ее нужно бы было загружать, чтобы она не всплывала, а это весьма замедляет тягу. На верхней подборе прикрепляются балберки, расстоянием одна от другой на крыльях в маховую сажень, а на частике в аршин; на нижней подборе против балбер нанизываются тяжелые глиняные кокурки вершка в $2\frac{1}{2}$ в диаметре.

На участие в этом лове имеют право те же казаки, что и на обеих плавнях, но им дозволяется во время его иметь работников из иногородних Киргиз или иных: полковникам по 4, прочим штаб-офицерам по 3, обер-офицерам по 2, урядникам же и простым казакам по 1. Кто, по какой-либо уважительной причине, не может в этом лове участвовать лично, тому, по предварительном объявлении об этом Войсковой Канцелярии или дистанчным начальникам, предоставляется право поручать своих работников кому-либо из присутствующих на нем казаков.

Не каждый казак имеет собственный невод. Некоторые имеют один сообща им принадлежащий, другие же пристают к хозяевам неводов одни или с нанятыми ими иногородними работниками, из-за доли в улове; редко казаки сами нанимаются в работники за наперед определенную плату. Так как и в этом последнем случае они не лишаются своего права иметь иногороднего работника, то хозяева на их имя могут иметь большее против положенного им по чину число иногородних работников. Таким образом составляются неводные артели, которые не могут состоять меньше чем из 6 человек. Невод с меньшим числом находящихся при нем работников не допускается к тяге. Впоследствии увидим причину этого.

С прибытием на место лова и после распределения казаков и их работников по неводам, все неводные артели расписываются по *пескам*, то есть по отмелым местам у берега, на которые удобно вытягивать невода. Такие пески находятся и на Самарской и на

Бухарской стороне, известны все наперечет и имеют свои названия. Известно также, на каких песках обыкновенно больше ловится рыбы; на те приписывается и больше неводов; на некоторых же песках в иные годы вовсе не оказывается желающих ловить. Для примера я перечислю пески, на которых ловили в 1853 году, когда было занято наибольшее число их из всех известных мне годов, и приведу также число употребленных на них неводов и приписавшихся к ним казаков с их иногородними работниками.

НАЗВАНИЕ ПЕСКОВ ПО ПОРЯДКУ ОТ ГУРЬЕВА ВВЕРХ ПО УРАЛУ	На которой стороне Урала	Число неводов	Число казаков при неводах	Число иногородних рабочих	Итого при неводах
1. Песок нижний рубежный	Бухарской.	10	28	35	63
2. Горина Пешня	Самарской.	25	86	83	169
3. Дворянска Сарма	“	8	24	24	48
4. Нижний Сомовий	Бухарской.	15	49	45	94
5. Сомовий	Самарской.	14	43	43	86
6. Малый Сомовий	“	24	72	74	146
7. Малый Быковский	Бухарской.	16	52	49	101
8. Большой Быковский	Самарской.	18	54	55	109
9. Малые Глушаки	“	9	29	27	56
10. Большие Глушаки	“	15	48	46	94
11. Ульянова Сарма	Бухарской.	17	53	52	105
12. Малые нижние бугорки	“	8	24	24	48
13. Малые бугорки	“	10	30	31	61
14. Татарский песок	“	21	51	52	103
15. Нижний Татарский	“	4	12	12	24
16. Большие бугорки	Самарской.	7	23	23	46
17. Соколинский песок	Бухарской.	19	62	59	121
18. У Кандауровского форпоста	Самарской.	11	33	33	66
19. Верхняя Кандауровская сарма	Бухарской.	9	27	27	54
20. Малая заводь Камышевая	“	6	19	19	38
21. Малый Камышевый	Самарской.	7	29	24	53
22. Верхний рубеж	Бухарской.	16	15	49	100
Итого:		289	899	887	1,786

Из этих песков на №№ 5, 6, 9, 11, 12, 13, 16 и 20 в 1848 году, например, тяги неводов не производилось, но зато тянули их тогда на 4 таких, которые в 1853 году оставались незанятыми: на Соколинском (Самарском), на Малом Ульяновом (Самарском), на Большом Ульяновом (Самарском) и на Низком стане (Самарском). Число неводов в 1853 году, как видно из таблицы, разнилось от 4 (№ 15) до 25 (№ 2), число же тянущих казаков и работников — от 24 до 169. Не всякий год отдают предпочтение одним и тем же

пескам, причем главнейше руководствуются наблюдениями казаков над всплесками рыбы по зарям в различных местах Урала. Так, например, в 1852 году на Гориной Пешне было только 8 неводов, тогда как на Сомовом песке (Самарском) был 21 невод. В 1851 году на Гориной Пешне опять было 14 неводов, тогда как наибольшее число их не превышало на одном песке 16. Как неодинаковы уловы на различных песках, можно видеть из следующего примера. В 1848 году на Малом Быковском песке было поймано, по донесению начальника осеннего неводного рыболовства, 14 пудов красной и 4932 пуда черной рыбы, тогда как на Дворянской Сарме 27 пудов красной и только 300 черной.

Расписавшись по пескам, каждая партия отправляется на избранное ей место и мечет жребий о порядке закидывания неводов. Каждый, желая закинуть свой невод как можно большее число раз, торопит своего предшественника, и когда один невод только что еще заворачивают с берега противоположного песку, следующий за ним уже закидывается. Начальнику этого рыболовства предписано строго следить за безостановочным ходом неводов, взыскивая с тех, которые будут изобличены в умышленно медленной тяге. Вот причина, по которой здесь нельзя употреблять неводов с мотнями.

Тяга производится следующим образом, отличным от употребительного на Волге: перевезя конец невода на другой берег, тянут его по обоим берегам сухопутьем, примерно сажень на сто. Потом, протянув еще некоторое пространство по берегу противоположному песку, для того, чтобы он стал в косвенное положение к направлению русла, завозят прикрепленную к этому концу веревку на песок и подтягивают к нему весь невод. Тяга неводов производится безостановочно, кроме ночей, двое суток, после которых назначается дневка для уборки, соления и дележа рыбы. После дневки переметывают жребий, чтобы переменить порядок тяги и таким образом уравновесить, по возможности, для всех шансы улова. Что каким неводом вытянуто, то и принадлежит приписанной к нему артели, тянувшей его и разделяется между ее членами по паям: хозяин получает за свой невод 5 паев, каждый из простых казаков за работу по 1 паю, следовательно, и хозяин, если он работал, как всегда бывает. Чиновники же, лично участвующие, получают: обер-офицеры по два, а штаб-офицеры по три пая. На каждого из нанятых иногородних работников причитается также по паю, которые получают за них казаки, их нанимавшие. Так как на этом рыболовстве никому не запрещается иметь и по нескольку неводов, ибо, при ограничении числа иногородних работников, их должны тянуть казаки из паев же, то такому хозяину нескольких неводов, которые все-таки должны тянуться не иначе как последовательно, в порядке доставшихся на невод жеребьев, а не вдруг, весьма выгодно иметь как можно меньше, как нанятых рабочих, так

и из паев участвующих казаков; с другой стороны и этим последним выгодно быть товарищами у хозяина, имеющего несколько неводов, ибо они через то получали бы паи с каждой тяги. Это было бы, однако же, невыгодно для большинства, ибо многие вовсе не могли бы участвовать в лове. Для противодействия этому и установлено правило не допускать к метанию жеребьев тех неводных артелей, в которых меньше 6 работников (казаков и иногородних вместе).

Начальнику этого рыболовства дается, для наблюдения за порядком, 4 казака из ближайших форпостов, которые, как и на прочих рыболовствах, в лове участвовать не могут. Самому же начальнику, в вознаграждение трудов его, дозволяется во время каждой дневки закидывать на каждом из трех ближайших к Гурьеву песках по одному неводу из имеющихся на этих песках неводов.

Когда войско, промысляющее плавней, приближается к месту производства неводного рыболовства, то участвующим в этом последнем дозволяется принять участие и в плавне, под условием подчинения всем установленным для нее правилам.

б. *Багренье*. Это рыболовство начинается с того времени, когда лед достаточно окрепнет, чтобы сдерживать значительную тяжесть. Оно разделяется на три части: 1) *Презентное* или *первый кус*, произведения которого назначаются в подарок Высочайшему Двору, бывает обыкновенно в первых числах декабря и продолжается всего 1 день. Оно производится на ближайших к Уральску ятовях. 2) *Малое* начинается обыкновенно в половине декабря и продолжается 5 дней; так в 1850 началось оно 18-го числа, в 1851 – 15-го, в 1853 – 19-го и в 1855 – 13-го. Производится оно по правилу от Уральска до Коловертинского ерика, в 95 верстах ниже его. 3) *Большое* начинается дней десять после окончания малого и продолжается 8 дней, не считая воскресений и праздников, следовательно, происходит с последних чисел декабря, или первых чисел января до начала или половины этого последнего месяца. Так в 1848 году происходило оно с 4-го по 13-е января, в 1849 с 10-го по 19-е января, в 1853 с 2-го по 11-е января, в 1855 с 28-го декабря по 5-е января; оно оканчивается у Каленовского форпоста, откуда начинается осенняя плавня.

Эти три вида багренья различаются между собой только временем и местом производства и назначением получаемых с них уловов, образ же производства остается на всех одинаковым; поэтому я прежде опишу его, а потом уже перейду к тому, что имею сказать особенного о каждом из них в отдельности.

Единственное орудие, употребляемое на этом рыболовстве, есть *багор*, сделанный следующим образом: большой железный пологосогнутый крюк, вершка в два с половиной в отгибе, с одного конца заостренный, с другого же продолжающийся в прямой довольно

плоский стержень четверти в полторы длиной, привязывается этим стержнем к вязовой палке в аршин длиной и в средний палец толщиной, называемой навязью, крепкой бичевой, которая туго обматывает навязь и приложенный к ней стержень крюка во всю длину его. Свободный конец навязи продольно срезывается под весьма острым углом и накладывается срезом к такому же срезу шеста, имеющего около вершка в диаметре, и оба связываются, для крепости, в трех местах, внизу по середине и вверху среза, несколько раз обматываемой около них бичевой. По мере надобности, к этому шесту надвязывается еще шест, и так далее, так что иногда весь багор бывает в 10 и в 12 маховых сажень длиной (от 7 до 9 печатных). Ежели нет нужды в таком длинном багре, то верхние подвязки отвязываются. При употреблении багра привязывают к нему немного повыше навязки несколько железных гирь, иногда до пуда и более весом, смотря по длине багра и по быстроте воды. Это делается для того, чтобы опускаемый в воду конец не относило течением и чтобы багор постоянно находился в вертикальном положении. К месту, где крюк привязан к навязи, сверх бичев, прикрепляют длинную пластинку кожи, чтобы бичева не терлась, когда везут багор, зацепив крюком за хомут лошади, запряженной в сани, так что другой конец багра тащится по снегу. Употребляемый еще при багрении подбагорник – ничто иное, как совершенно такой же багор, только короткий в сажень или в полторы.

В багрении участвуют все желающие из казаков, служащих, отставных и малолетков, но не иначе, как лично и по билетам, называемым *печатками*, за которые служащие казаки ничего не платят, отставные же и малолетки по 3 руб. серебром. Собираемые таким образом деньги идут частью в вознаграждение чиновникам, не могущим, по их служебным занятиям, участвовать в багрении, именно: 4,285 руб. 713/7 коп. сер. (15,000 руб. асс.) в год, частью же присоединяются к войсковой сумме. По значительности числа участвующих в багрении, денег этих собирается довольно много; так, например, в 1839 году собрано было 7,355 руб. 713/7 коп. сер. (25,745 руб. асс), считая по тогдашнему казенному курсу; в 1840 – 6,210 руб. 26/7 коп.; в 1841 – 6,704 руб. 285/7 коп.; в 1848 – 6,585 руб. сер.; в 1849 – 3,980; в 1850 – 5,923; в 1855 – 3,422 руб. 17 ¼ коп. В прежние времена собирались со всех казаков так называемые домоседные деньги в пользу священников с причтом, писарей (то есть, вообще всех служащих по письменной части при войсковом управлении), войскового толмача, канонеров и кузнецов, взамен того, что им не дозволялось участвовать «в первом и наилучшем промысле багренья», хотя в других рыболовствах могли принимать участие, если только обязанности по службе им это позволяли. Такого сбора сходило с казаков: в 1754 году 1,312 руб.; в 1756 – 404 руб. 50 коп.; в 1757 – 2,070 руб.; в 1758 – 1,890; в 1759 – 1,984 руб. 50 коп.; в 1760 – 4,593 руб. Эти

значительные, по тому времени, суммы могут нам показать, как важно было в то время багрение и что по всей справедливости называлось оно первым и наилучшим промыслом, ибо когда казаки жаловались на тягость этих сборов, то Военная Коллегия отвечала им в 1762 году, между прочим, «что участие в багрении доставило бы этим лицам более пользы, чем получаемая ими домоседная сумма». Сверх того был в то время обычай, весьма старинный у казаков, что чиновники и должностные лица могли иметь так называемых *баграчеев*, то есть работников, которые должны были на них багрить. Таковых полагалось: атаману (который в те времена всегда был из войскового сословия и следовательно мог участвовать в рыболовстве) 4; войсковому старшине 3; старшине и войсковому дьяку по 2; а прочим старшинам, войсковым есаулам, толмачу, поверенным и писарям по 1; протопопу по 2; попам и дьякам по 1; вдовам убитых или умерших на службе против мужей в половину. Эти баграчеи, дававшие из казаков, на действительной внутренней службе находившихся, ловить в свою пользу не могли. На них выдавались записки за войсковой печатью. Вместо сбора домоседных денег и назначения баграчеев, введены были впоследствии для желающих участвовать в багрении печатки, за которые с каждого не несущего службу казака положено брать по 3 руб. сер.

Работников, в теперешнее время, иметь на багрении никто не может; только для прорубки прорубей дозволяется чиновникам иметь по одному иногороднему рабочему, так как работа эта довольно затруднительна. Следить за соблюдением этого правила предоставляется самим казакам и не только самих иногородних, пойманных в багрении, судят как воров, но и у всей артели, которая приняла в свою среду иногороднего, отнимают находящиеся у ее членов сани, упряжь, лошадей, багры, запасное продовольствие и наловленную уже рыбу и отдают в пользу поимщиков.

Это рыболовство также производится по рубежам, на каждом из которых казаки багряют в течение одного дня; дней нет, кроме случающихся во время его воскресений и двенадцатых праздников. Рубежи эти следующие:

НАЗВАНИЕ РУБЕЖЕЙ	Расстояние от Уральска (вер.)	Расстояние от предыдущего рубежа (вер.)	РАССТОЯНИЕ ОТ БЛИЖАЙШЕГО ФОРПОСТА (вер.)
1. Суслины Хутора	14	14	Близ Круглозерного форпоста.
2. Бывшие Студенские хутора	48	34	8 вер. выше Кош-Уральского форпоста.
3. Прорвинские хутора	68	20	12 вер. ниже Кош-Уральского и столько же выше Бударинского форпоста.
4. Верхний Корсаков яр	85	17	5 вер. ниже Бударинского форпоста.
5. Коловертный ерик	95	10	6 вер. выше Кожехаровского форпоста.

	Конец малого багрения.		
6. Кожехаровский форпост	101	6	
7. Лбищенский форпост	116	15	
8. Набатов яр верхней изголови	130½	14½	1 вер. выше Горячинского форпоста.
9. Мергеневский форпост	147½	17	
10. Платов яр верхней изголови	156½	9	9 вер. ниже Мергеневского и столько же выше Каршинского форпоста.
11. Кошевское устье	165½	9	У самого Каршинского форпоста.
12. Вертячья яма	175½	10	4 вер. выше Сахаровской крепости.
13. Каленовский форпост	191½	16	

Рубежи эти иногда меняются. Так в 1847 году первым рубежом назначено было Барбашевское устье, замененное впоследствии Суслиными хуторами.

Перед началом багрения, в конце рубежа, ставят поперек всего Урала так называемые переставы, то есть аханы (род ставных сетей), чтобы рыба, ускользнувшая от багров, туда попадалась. Такая в переставы попавшаяся рыба идет в вознаграждение за труды начальнику багреного рыболовства, который, как и на прочих речных рыболовствах, в нем участвовать не может. В эти переставы, впрочем, попадает не много.

Для багрения казаки, как и на большей части других рыболовств, соединяются в артели от 6 до 15 человек, как для взаимной помощи при лове рыбы, так и для уравнивания шансов улова, ибо каждая артель разделяет свою добычу между членами по паям.

На этот лов казаки въезжают на саях, запасая с собой продовольствие, как для себя, так и для лошадей. Самый лов производится следующим образом: в назначенный день, не ранее 10 часов утра, чтобы всем казакам, многие из которых по холодному времени года ночуют на ближайшем к рубежу форпосте, или по окрестным хуторам, дать время собраться, приезжают все на саях, к упряжи которых прицеплены багры, и становятся в порядке против ближайшей к рубежу ятови, на песке или, где такого нет, у самого яра, причем, все должны наблюдать глубокую тишину, чтобы не испугать преждевременно рыбы. По поданному выстрелом из пушки сигналу, все бросаются на лед, чтобы как можно скорее занять свои места, начинают рубить проруби, обыкновенно круглые и не больше полуаршина в диаметре, и в несколько минут изрешетят все пространство ятови. Каждый опускает в свою прорубь багор почти до самого дна, слегка двигая сверху вниз. Рыба, которая если еще лежит совершенно неподвижно или уже разбуженная шумом, начинает медленно двигаться и расходиться, попадает на багры, которыми не колют, а подцепляют рыбу. Почувствовав тяжесть на багре, его потихоньку

вытягивают, что очень легко, пока рыба еще в воде, тем более, что она зимой очень смирна. Когда же ее вытягивают на лед, то, если рыба велика, поймавший ее зовет к себе на помощь, а кто-нибудь из той же артели подбегает и, зацепив ее подбагорником, помогает вытащить. Очевидно, что этот способ лова возможен единственно потому, что рыба лежит на ятови, скопившись в кучу, так что ей почти нельзя не попасть на тот или на другой багор, которых в иной год до 7,000 слишком на пространстве версты в длину (ятови редко бывают длиннее этого) и нескольких десятков сажень в ширину. Однако, иная счастливая рыба срывается с багра и потом уже не попадает ни на багры, ни в стоящие в конце рубежа переставы, ибо во время вольных зимних рыболовств и даже весной случается ловить рыб с зажившими язвинками. Казаки полагают, что, сорвавшись с багра, она успевает прижаться к берегу и в испуге стоит неподвижно до тех пор, пока казаки не разбагрят всей ятови. Случается, во время багренья, что где-нибудь рыба сильно ловится, тогда со всех тех мест, где лов идет худо, казаки туда бросаются, оставляя свои прежние проруби. Многие из стоящих на берегу зрителями, обыкновенно офицеры, не имеющие работников, которые могли прорубить для них проруби, занимают оставленные и часто бывает на них весьма изобильный лов. Число багрящих бывает так велико, что, несмотря на крепость льда, он обдавливается, а сквозь проруби выступает вода и стоит на несколько вершков выше его поверхности; скоро вода эта окрашивается кровью багрёных рыб.

Когда разбагрят одну ятовь, отправляются на следующую, и так до конца рубежа, куда достигают обыкновенно уже к вечеру. Переходить рубеж до назначенного времени, то есть до 10 часов утра, равно как употреблять какие-либо орудия лова, кроме багров, строго запрещается, почему и не позволяется ставить кошар (небольших кибиток) для ночлега среди Урала, а все должны выходить на берег. Там только, где нет подъемов на яр, разрешается ставить кошары на льду, вдоль самого яра. Желаящие могут, однако, выходить на средину Урала, но только с одним багром для багренья ночью по старому рубежу.

В прежние времена, еще в двадцатых годах нынешнего столетия, изобилие рыбы на ятовях было изумительно. Она лежала на них несколькими слоями, так что из одной проруби случалось вытаскивать до 40 рыб, постепенно увеличивая глубину, на которую опускали багор, вылавливая таким образом слой за слоем. Теперь же часто случается, что из нескольких прорубей ни одной рыбы не вытащат. Со всем тем и теперь багреньё любимый промысел Уральцев, как по воспоминаниям прежнего, так и по доступности его даже для самых бедных, ибо он не требует ничего, кроме багра, саней и несколько дневного запаса для корма лошади; главнейше же – потому, что тут более чем на всяком

другом рыболовстве, играют роль счастье и случай. Это своего рода лотерея, в которой счастливому удастся иногда в четверть часа получить до сотни рублей.

По окончании багренья, как малого, так и большого, допускается на обратном пути багрить по разбагреным уже местам, для чего также заблаговременно определяются, по взаимному соглашению промышленников, как рубежи, так и время начала и окончания этого лова, и назначается для наблюдения за порядком особый начальник.

Багренье, по цене ловимой во время его рыбы и икры, самое выгодное из рыболовств. Поэтому рождается вопрос: почему же не заменяет оно собой совершенно осенней плавни, или, по крайней мере, почему граница между этими обоими рыболовствами не проведена где-нибудь ниже Каленовского форпоста? чему нет решительно никаких физических препятствий, которые бы происходили от изменений в характере реки или в образе лежания рыбы на ятовях. Кроме того, что длинный перерыв рыболовства в летнее время, продолжающийся от 3½ до 4 месяцев, заставляет казаков с нетерпением ожидать времени, когда им можно будет кое-что себе заработать на рыбе, и кроме трудности поднимать с собой на долгое время овса для лошадей, на это должны быть, по моему мнению, еще какие-нибудь случайные, исторические причины. Следующее предположение кажется мне весьма вероятным. Когда казаки жили лишь в окрестностях Уральска, то они не могли зимой далеко спускаться вниз по Уралу, берега которого были тогда совершенно пустынными; уже один провоз набагреной рыбы с нижних частей реки был бы затруднителен. Вероятно местность, на которой теперь стоит Каленовский форпост, служила границей, докуда заходили Уральцы во время своих ловов. Когда же они расселились вниз по Уралу, построив первоначально Калмыковскую и Кулагинскую крепости, то они стали, конечно, распространять свой лов на весь Урал, что удобнее было им производить на лодках, чем сухим путем зимой, при трудности доставать в это время года корм для лошадей при тогдашней ненаселенности всего Заволжского края. Таким образом, местность Каленовского форпоста сделалась гранью между древнейшим Уральским рыболовством – багрением и новейшим распространением его – осенней плавней.

Теперь перейдем к некоторым особенностям, представляемым видами, на которые подразделяется багренье.

Между малым и большим багреньем не только нет, как уже сказано выше, никакого существенного различия, но даже и постоянных, раз навсегда определенных границ. Так в 1816 году производилось малое багренье, в этот год поздно начавшееся, только в три рубежа до Кош-Уральского форпоста, 28-го, 29-го и 30-го декабря. Напротив того, в 1851 году предположено было назначить малое багренье в 6 рубежей до

Кожехаровского форпоста, но, по просьбам казаков, утверждено лишь в 5 рubeжей до Коловертного ерика, как это обыкновенно бывает. В этом же году имели намерение соединить оба багренья в одно и, также только по настоятельной просьбе казаков, разрешено было им производить этот лов по-прежнему в два приема, в уважение того, что трудно приготовить и поднять разом нужное количество хлеба и овса на все время багренья, тогда как, продав заловы малого багренья, казаки могут купить нужные им запасы для большого, тем более что ожидаемые подвозы хлеба и овса должны понизить на них цены. Это большее удобство к сбору в два приема и составляет единственную причину разделения багрения на малое и большое.

Что касается до багренья презентного, то это старинный обычай Уральского войска, ведущий свое начало с первых времен заселения казаками Урала, как бы в знак их подданства Московскому Царю. Оно производится на одной из ближайших к Уральску ятовей, а если в одной они не наловят достаточного количества, то назначается другая. Так, например, в 1847 и 1848 годах, по причине оскудения рыбы на ятови у урочища Упор, где уже несколько постоянно производилось презентное багрение, присоединена была к ней ятовь у урочища Нижнеперевозного. Чтобы занимать под него менее ятовей ниже Уральска, думали, что, с запрещением лова на некоторое расстояние выше учуга, может образоваться и там ятовь, которую можно будет разбагривать для презента. В этой надежде Войсковая Канцелярия в 1851 году запретила лов от Бородина ввоза (между которым и учугом лов всегда производится не иначе, как каждый раз с разрешения атамана) до Волжских хуторов, узнав, что на этом пространстве лов красной рыбы довольно значителен. В 1849 году был подобным же образом запрещен лов между Бородиным ввозом и Лысогорским пикетом. Но эти меры не произвели желаемого результата и презентное багренье по-прежнему продолжает производиться ниже учуга.

Прежде, как, например, еще в 1816 году, презентное багренье производилось наймом казаков между собой, так что 10 казаков нанимали одного; теперь же занимаются им казаки из Уральска и из ближайших форпостов, получая за каждого пойманного ими ялового осетра по 1 руб. сер., а за икряного по 2 руб. сер.

Из пойманной рыбы отправляются ко Двору только лучшие яловые осетры и зернистая икра; икряные же осетры, белуги и севрюги, по выпоротии из них икры, продаются на покрытие издержек багренья и на покупку недостающего количества яловых осетров во время малого и большого багренья, ибо не весь презент отсылается разом, а в три срока. Прежде старались посылать самых больших осетров пудов от 5 и более, так как они были в моде и на месте стоили до 300 и даже до 500 руб. асс. штука. Таких осетров, конечно, трудно было наловить в достаточном количестве в одно

презентное багренье и потому расходы на покупку их были весьма значительны. Обыкновенно поручали эту покупку кому-либо из известнейших рыболовов, употребляя на это нередко до 18,000 руб. асс. Теперь мода на этих чудовищ прошла, ибо осетры в 2 и 3 пуда гораздо вкуснее. Ежели за всеми расходами будет еще остаток, то он присовокупляется к войсковой сумме. Так как презентный лов довольно значителен, дохода средним числом до 1,500 штук осетров в год, а в иные же годы, превышая 3,000 рыб, то сумма, выручаемая за продажу не отсылаемой рыбы, довольно значительна. Таким образом, в 1841 году было продано ее на 4,463 руб. 543/7 коп. сер., в 1850 на 9,806 руб. 77¼ коп. сер., в 1855 на 3,458 руб. 37¼ коп. сер.* Продажа эта бывает всегда несколько времени спустя после отправки презента, чтобы проданная рыба не могла поспеть в Петербург одновременно с ним. Презентные расходы составляли в последнее время по 3,579 руб. сер. в год. Кроме покупки рыбы, они главнейше состоят из платы багрящим казакам и из прогонных денег, так как презент везется на несколько почтовых тройках. В 1839 году этих прогонов вышло 849 руб. 353/7 коп. сер. и около того же в другие годы.

В прежние времена презент, отсылаемый к Высочайшему Двору, давал повод к значительным злоупотреблениям, так что не только рыба и икра посылались разным лицам, в покровительстве которых атаман и вообще все войско могли иметь нужду, но отправлялись в подарок лошади, тулупы и даже Калмычата, как упоминается об этом в указе Военной Коллегии 1762 года, которым все это строго запрещалось и повелевалось отправлять лишь рыбу и икру исключительно ко Двору. Достоверно, что теперь ни лошадей, ни тулупов, ни Калмычат в подарки разным лицам не отправляют; отправляется ли рыба и икра исключительно к Высочайшему Двору с такой же уверенностью утверждать не могу.

7. *Аханное рыболовство.* Оно начинается с того времени, как лед на море достаточно окрепнет, для того, чтобы можно было по нем безопасно ездить, почему и предоставляется назначать время отправления в море начальнику Гурьева городка. Начало это в разные годы изменяется от половины декабря до половины января. Самое раннее начало, сколько мне известно, было в 1853 году 19-го декабря, самое же позднее в 1855 году 17-го января. Сроком окончания положено раз навсегда 1-е марта, причем, однако, внушается казакам, чтобы в случае ранних оттепелей, они, во избежание опасности, возвращались ранее, что, однако, едва ли когда исполняется.

На этом рыболовстве употребляются следующие орудия лова, которые все подводятся под разряд ставных сетей.

* В 1858 году я слышал, что остатков этих продано было на 26,000 руб.сер.

1. *Ахан*. Это особого рода ставная сеть, одинаковой длины с Курхайской, т.е. от 10 до 11 сажень, не имеющая ни балбер, ни грузил. Шириной она от 8 до 20 ячей, смотря по глубине, для которой предназначается, и без огнива. Так как аханами ловятся белуги и притом большие, то ячеи их имеют от 4 до 6 вершков в лопатке, так что даже трехпудовые белуги могли бы проскочить сквозь них, ежели бы сеть была натянута; но так как она всегда на слаби, то и гораздо меньшие рыбы в ней запутываются.

2. *Полуахан*. Тот же ахан, только с более частыми, в $3\frac{1}{4}$ вершка в лопатке, ячеями которых в ширине сети от 18 до 22; им ловится осетр и крупная севрюга.

3. *Белорыбичная сеть*. Она одинакового устройства с обеими предыдущими, но длиной не более, как в 6 сажень, а шириной от 10 до 13 ячей, имеющих по $2\frac{1}{2}$ вершка в лопатке. Ими ловят белорыбицу и мелкую севрюгу.

Установка этих сетей, как делаемая подо льдом, требует особых приемов. Сначала все аханы, которые должны составить один порядок, расстилаются по льду в линию вплоть один к другому. Между каждой парой аханов, а также в начале и в конце всего ряда, кладут по камню фунта в 4 или в 5 весом и по палке, длиной около маховой сажени, называемой *наслушкой*. Затем прорубают проруби круглые, около полуаршина в диаметре, вдоль линии разосланных аханов, начиная первую прорубь против промежутка между первым и вторым аханом, расстоянием прорубь от проруби на половину длины ахана. Последняя прорубь придется в 10 сажнях впереди последнего ахана. Когда несколько прорубей уже готово, пока еще прорубают остальные, начинают просовывать из первой проруби длинный шест (связанный из двух шестов), называемый *прогоном*. Передний конец его свободен, к заднему же привязана так называемая *прогонная веревка*, длиной сажень в 20 или в 30. Просунув руками задний конец его под лед, чтобы подо льдом двигать его дальше, употребляют так называемое *сашило*. Это простые вилы с двух рагульках, с рукояткой в печатную сажень длиной. К наружной стороне одной из рагулек приделан крючок из железной полоски в мизинец шириной, обращенный вогнутостью кверху. В месте соединения обе рагульки скреплены между собой двумя железными скобками. Обхватив рагульками прогон и несколько налегая на него, толкают его все далее и далее, переходя с сашилом от проруби к проруби; при этом надо, чтобы прогон лежал как раз по линии прорубей; для этого вешают через прорубь по так-называемому костылю (это две палки, соединенные между собой, в виде прописной буквы Т), так чтобы переключина упиралась на края проруби, а соединенная с ней палка опускалась концом в воду. Задний конец прогона находится между рагульками сашила, которое держат в одной руке и не может податься ни вправо, ни влево; чтобы направить куда нужно передний конец его, берут в другую руку *прогонный багор*, устроенный как обыкновенный

лодочный багор, только с более длинным острием, для втыкания в лед, и с большим некруто загнутым крючком, имеющем до 3-х вершков в хорде. Этот багор перекрещивают с сашилом, так чтобы место их соприкосновения служило для него точкой опоры подхватывают снизу прогон крючком багра и, вращая багор около сашила, поворачивают его в ту или в другую сторону, пока он не коснется своим передним концом одного из костылей и, зашевелив его, покажет, что он направлен по линии прорубей. На заднем конце прогонной веревки сделана петля; к этой петле привязан веревкой в сажень или в две длиной камень; к этой же петле привязывается верхний, а к камню нижний приухи переднего конца первого ахана. Зацепив на третьей проруби (лежащей как раз через ахан от первой) крючком сашила прогонную веревку, тянут ее до тех пор, пока не вытащат петли и камня, к которым привязаны передние приухи первого ахана. Тогда весь этот ахан будет уже подо льдом. Вытащенные приухи его отвязывают от петли и от камня, и верхний привязывают к *наслушке*, а нижний к свободному камню, уже загодя тут приготовленному, о чем было упомянуто выше, и оставляют их пока на краю проруби, чтобы не помешать проводу под лед второго ахана. К задним приухам первого ахана также навязывают лежащие у первой проруби *наслушку* и камень; камень опускают в прорубь, а *наслушку* кладут поперек проруби, чтобы она поддерживала ахан в висячем положении. Таким же образом пропускают под лед и второй ахан, привязав передние его приухи к петле и к камню прогонной веревки, от которых уже отвязаны приухи первого ахана. Когда протащат передние приухи второго ахана в пятую прорубь, то задние приухи его привязывают к той же *наслушке* и к тому же камню, к которым привязаны передние приухи первого ахана, и тогда и этот камень опускают в прорубь (третью), а *наслушку* кладут поперек ее. Так продолжается прогон от проруби к проруби, пока не пропустят под лед всех аханов, которые таким образом составляют ряд не ставных, а висячих сетей. Через промежуточные проруби – четные, приходящиеся по середине длины каждого ахана, также кладутся *наслушки*, к которым привязан ахан особой веревкой, прикрепленной к верхней подборе его. За эти-то *наслушки* каждый день пробуют, не попала ли рыба в аханы, о чем судят по их тяжести. Ежели в каком ахане попала рыба, тот ахан вытаскивают в промежуточную прорубь, отвязав его верхние приухи от *наслушек*, и, вынув рыбу, снова опускают под лед выше объясненным способом.

В Аханном рыболовстве могут участвовать все казаки лично или поручая свое право другим, или через своих рабочих, иметь которых из иногородних на этом рыболовстве дозволено: полковнику 4, штаб-офицеру 3, обер-офицеру 2, уряднику и простому казаку 1. Малолеткам работников не полагается. На это рыболовство, как и на Курхайское, назначают двух начальников, под наблюдением которых проводятся две

баконных линии, на гораздо ближайшем расстоянии одна от другой, чем во время Курхая. С правой стороны Урала бьется она от Маячного бугра, а с левой от Воровского прорана (что при большой Мокрой Лопатине) прямо на юг до безопасной глубины, т.е. до 4-х сажень.

Для аханного лова казаки, преимущественно с целью взаимного вспоможения при лове, также соединяются в артели, которые ограничены 10 промышленниками. Между артелями, также как и на Курхае, мечутся жребии на участки вдоль баконных линий, в которых каждый казак, без различия чина, имеет право на выставку 5 аханов в лицевой стороне; число же параллельных им рядов здесь не ограничено. Места по бакенам далеко не имеют здесь того значения, как на Курхаях, ибо в это время, – зимой, рыба не идет в реку, а ходит по всему пространству моря, держась преимущественно на глубине. За глубиной 4-х сажень в продолжении баконных линий и в пространстве сзади их, в так называемых вольных водах, выставка аханов не ограничена ни количеством сетей, ни направлением порядков, так что каждая артель может выставлять столько, сколько считает себя в состоянии по числу своих членов и работников. В эти-то вольные воды и преимущественно на глубину 5, 6 и более сажень, в правую сторону, где и число промышленников и улов рыбы значительнее, чем в левой, стараются забраться казаки, невзирая на грозящие им там опасности. Опасности эти увеличиваются с приближением весны и состоят главнейше в том, что огромные льдины откалываются от сплошной поверхности льда и носят с собой аханщиков иногда по несколько недель, так что у них выходит весь провиант для себя и для лошадей, которых они принуждены бывают резать, чтобы, по крайней мере, прокормить их мясом Киргиз, ибо сами, считая его нечистым и запрещенным, решаются им питаться лишь в последней крайности. Замечая, что льдина, носящая их, подтаивая все более и более, грозит распасться, они надувают лошадиные шкуры, снятые через шею, по отрезании головы, и делают из них бурдюки, к которым прикрепляют свои сани, из оглобель делают весла и на этих особливового рода судах предоставляют судьбу свою морю. Такому средству спастись себя научили казаков их работники из Киргиз, у которых бурдюки составляют обыкновенный способ переправы через реки. Таким образом бедствующих аханщиков прибывает обыкновенно к какому-нибудь берегу, или их принимают встречающиеся Астраханцы, идущие на Эмбенский лов. Кроме личной опасности, которым подвергаются казаки через эти отнoсы, они теряют через них много аханов. Так, например, во время зимы с 1855 на 1856 год они потеряли до 10,000 аханов, понеся убыток от 5,000 до 6,000 руб. сер. Замечательно, однако, что с самого начала аханного лова, в течение 40 лет, был только один смертный случай вследствие этих отнoсов. Среди зимы отнoсы оканчиваются обыкновенно лишь

тем, что льдину, оторванную от одного места, приносит к другому, так что она снова соединяется со сплошным льдом, и о таком отнoсе казаки нередко узнают только по перемене своего положения относительно солнца и звезд. Ежели их занесет в междубаконное пространство, то они обязаны выдрать свои аханы и при первой возможности удалиться из заповедной части моря. И без этих опасностей жизнь аханщиков исполнена трудов и лишений, ибо в течение двух месяцев живут они артелями в нескольких десятках верстах от берега на льду в кибитках, имея с собой лошадей с нужным для себя и для них запасом продовольствия. Только от времени до времени ездят некоторые из них в Гурьев для продажи или склада рыбы и для возобновления своих запасов. За все это вознаграждают их большими белуги, составляющие главную добычу аханного лова.*

И на Аханном лове богатые казаки имеют возможность составлять большие артели, нанимая бедных в работники или скупая у них доверенности. Но здесь это решительно не имеет тех последствий неблагоприятных для прочих, как на Курхае; ибо, во-первых, жребьевые места тут не имеют никакого значения и, следовательно, они не могут занимать лучших мест, которые даются здесь отважностью и готовностью переносить труды и опасности; во-вторых, составление самих артелей наймом бедных казаков затруднительно, так как всякий, имеющий лошадь, сани и несколько десятков недорогих аханов, может отправляться на лов сам для себя. Овес для лошадей большого расчета составить также не может, ибо он в Гурьеве обыкновенно недорог, ибо доставляется морем из Астрахани, и нет надобности запасать его на все время разом, а можно возобновлять запас в несколько сроков, продав для этого часть улова. Наконец и доверенностей скупать почти не у кого, ибо все участвуют в это время или в багрении, или в зимнем неводном лове, или в зимнем Черхальском, а после в свободных ловах по Уралу, и, следовательно, не могут уже по доверенности участвовать в аханном промысле, который составляет почти исключительную принадлежность Гурьевцев, как свыкшихся с морем и его опасностями.

В выставленные аханы попадают иногда тюлени; в таком случае дозволяется, конечно, их брать, равно как и убивать, если они встретятся на льду, но строго запрещено употреблять какие-либо особливые средства, придуманные собственно для лова тюленя, а равно и бить тюленя молодого. Само собой разумеется, что при продаже тюленя вне Астрахани продавец должен внести положенную пошлину 30 коп. сер. с пуда.

* Жизнь аханщиков на льду и опасности, которым они подвергаются от отнoсов, как это в особенности было в 1843 и 1846 годах, живо и верно описаны г. Железновым, который сам Гурьевский уроженец, в статье: «Картины Аханного рыболовства», помещенной в 9 № Москвитянина за 1854 год (смесь, стр. 17). Я слышал из уст самих бедствовавших подтверждение всего описанного г. Железновым.

Так как во время аханного лова казаки рассеяны по всему принадлежащему им участку моря и легко могли бы подвергнуться внезапным нападениям со стороны Киргиз, то против этого принимаются особливые меры. Кроме того, что промышленники должны быть вооружены, выставляется от Гурьевской команды к Эмбенской грани отряд из 20 человек казаков, от которых отделяются передовые пикеты и делаются разъезды. С правой же стороны охранение промышленников возлагается на офицера, начальствующего на Пороховинском пограничном poste. Охранение Уральских морских вод от обловов Астраханцев в зимнее время, когда нет для этого особого смотрителя, возлагается на начальников Аханного рыболовства. Начальникам этим особого вознаграждения не полагается, потому что баконная линия, как уже сказано, никаких преимуществ на этом рыболовстве не представляет, в прочих же местах для них, как и для прочих, число сетей, которые они имеют право выставить, не ограничено.

В самом начале Аханного рыболовства было несколько отличий в способах его производства, сравнительно с настоящим временем. Правая баконная линия проводилась тогда не от маячного бугра, а от устья Черной речки (одного из рукавов Урала), так что расстояние между баконными линиями было меньше теперешнего. Порядки аханов на баконной линии выставлялись не в произвольном числе рядов, как теперь, а только в 4 ряда. Главное же отличие состояло в том, что тогда дозволялось употребление кусовой снасти, т.е. крючков, на способ выставки которой, впрочем, не полагалось никаких правил; ибо в инструкции, данной начальнику Аханного лова в 1816 году, сказано, что Войсковой Канцелярии не известно, как ее располагать. Это объясняется тем, что не только кусовая снасть, впоследствии запрещенная, но и самые аханы взяты с примера Астраханцев, у которых подледный лов в море производился уже с давних времен.

8. *Зимнее неводное рыболовство.* Рыболовство это составляет как бы переход от главных Уральских ловов к названным мной побочными, потому что производится по местам, уже отчасти выловленным в осенние плавню и неводное рыболовство, после которых нового входа рыбы в Урал уже не было. Но по тому, что оно производится в самом Урале, по большому числу занимающихся им казаков (в иные годы до 5,000 казаков, до 300 работников и более 400 неводов) и по значительности получаемого с него улова черной рыбы, его все же правильнее отнести к числу главных Уральских рыболовств. Можно сказать, что им оканчивается и довершается второй, – осенне-зимний вылов Урала, начавшийся осенней плавней, ибо хотя на пространстве, где оно производится, были уже осенняя плавня и осенний неводной лов, но только отчасти, ибо они производились лишь по главному руслу; рукава же, на которые Урал разделяется

ниже Гурьева, оставались невыловленными. По совокупности всех этих причин я поместил его в конце главных рыболовств.

Оно начинается с половины или с конца декабря, чаще всего с двадцатых чисел этого месяца, не всегда в одно время в разных его участках, и продолжается по прежним правилам от 15 до 18 дней; в настоящее же время срок этот увеличивается и до 20 дней, а иногда сокращается до 10 дней. Самое раннее производство его было в 1850 году: с 11 декабря по 1 января, самое же позднее в 1847 году: в 1-м и в 4-м участке с 29 декабря, в прочих же с 13 января и производилось в течение 20 дней.

Рыболовство это производится на пространстве от нижнего устья речки Сорочинки, что в 2-х верстах выше Сорочинского форпоста и в 37 в. выше Гурьева, до взморья по всем рукавам Урала, почему и разделяется на несколько участков, которых в настоящее время пять, именно: 1) от Гурьева сначала по главной трубе Урала, а потом по Золотинке до самого впадения ее и называется *на Ширине*; 2) *по Перетаске* (на Алексашкином проране по его узкости лова не производят); 3) *по Бухарке*; 4) *по Яицкому устью*, начиная от того места, где от общей трубы Урала отделяется Золотинка; 5) от нижнего устья р. Сорочинки до Гурьева. В последние годы не стало являться охотников на лов в этом пятом участке, а потому в 1847 году казаки просили дозволить им, по окончании лова в остальных четырех участках, вылавливать пятый уже всем желающим сообща, что с того времени почти каждый год и делается, и начальник 4 участка, как самого скудного, назначается тогда в этот участок. Прежде, при большем числе устьев, было участков более нынешнего, так в 1846 году было их еще 7. В десятых годах нынешнего столетия зимнее неводное рыболовство производилось от Баксайской крепости (в 81 версте выше Гурьева), начинаясь 44 верстами выше нынешнего, от того именно места, откуда Урал начинал делиться на рукава. Тогда производилось оно не иначе, как уже по окончании багренья, и служило как бы продолжением дозволенного после багренья неводного лова по всему Уралу и разрешалось Войсковой Канцелярией вместе с ним, с той лишь разницей, что на лов ниже Баксайской крепости назначался особый начальник, тогда как лов выше ее относился, как и теперь, к числу свободных рыболовств. Иногда, впрочем, случается и теперь, что зимний неводной лов начинается выше обыкновенной своей границы. Если, по причине ранних морозов, осенняя плавня не доводится до Нижнеперетаского устья и войско, как было сказано выше, переходит прямо на Славущую ятовь, и на возвратном пути недоплавленных мест расплавать не может, потому что они уже замерзли, то они оставляются под зимнее неводное рыболовство. Такой случай был в 1846 году, когда лов этот начался от Сарайчиковской крепости, докуда лишь успели дойти в осеннюю плавню.

На зимнем неводном рыболовстве употребляются так называемые *зимние невода*, отличающиеся от осенних единственно вчаливанием на место частика – мотни или *кутца*, длиной сажени в 4 и сделанной из сети более частой, чем крылья. Тяга этих неводов подо льдом производится следующим образом:

Посреди реки делают большую прорубь квадратной формы в сажень слишком в стороне, называемую *запуском*. От нее начинают прорубать маленькие круглые проруби не более полуаршина в диаметре, на большем или меньшем расстоянии одна от другой, смотря по длине прогона. Эти проруби идут от запуска к тому и к другому берегу в несколько косвенном направлении. Дойдя до берегов, продолжают линии их вдоль каждого берега вниз по реке сажень на сто. Последняя из этих прорубей того берега, на который намереваются вытаскивать невод, делается побольше и в форме трапеции, у которой одна из параллельных сторон, именно обращенная к берегу, значительно короче трех остальных. Ее называют *возьмой* и предназначают для вытягивания невода. Форму трапеции дают ей для того, чтобы при вытягивании оба крыла невода сходились все ближе и ближе одно к другому. Начиная от крайней, из идущих вдоль противоположного берега, проруби, которая лежит несколько выше возмы, прорубают к этой последней вкось через реку еще ряд маленьких прорубей. Расположение всех этих прорубей показывает на рис. 6 прилагаемого чертежа.

В запуске запускают невод в воду. К обоим клячам его привязано по длинной веревке, – такой, чтобы можно было конец ее вытащить на берег у *d* и *f*, прежде чем невод, опущенный в запуск, начнет растягиваться. Эти веревки пропускают подо льдом по линиям прорубей *ad* и *af* посредством прогонов, к которым они привязаны своими свободными концами, точно таким же способом, как и при выставке аханов, с той лишь разницей, что здесь, дабы дать прогону желаемое направление, не вешают на проруби костылей, а вместо этого, по мере подвигания прогона вперед, идет человек от проруби к проруби и, опуская в них палку, дает знать, толкается ли об нее прогон при поворачивании его вправо или влево посредством сашила и прогонного багра. Так делается потому, что при неводном лове нет недостатка в рабочих, как при аханном. Когда таким образом конец прогона окажется у последних к берегу прорубей *d* и *f*, то зацепляют привязанную к нему прогонную веревку крючком сашила и уже руками вытягивают ее на берег, а с ней вместе вытягивают и крыло невода, доводя конец его до самого берега. После этого начинают гнать прогоны по рядам прорубей, идущим вдоль берегов. Дойдя по одному берегу до проруби *g*, от которой начинается поперечный ряд прорубей к возме, а по другому до проруби, находящейся с *g* на одной высоте, если же расстояние это слишком велико, то до соответствующих между собой из числа

промежуточных прорубей, опять тянут прогонные веревки руками. Потом по одному берегу гонят прогон в прежнем направлении до *g*; на другом же гонят его по поперечной линии прорубей, идущей к *возьме*. Когда концы обеих веревок будут в *возьме*, то тянут ту и другую руками равномерно. Для этой равномерности, т.е. для того, чтобы одно крыло не забегало вперед другого, навязывают предварительно на известных расстояниях друг от друга, по всей верхней подборе различные значки: лоскутки, пучки мочал, сена и т. п., называемые *жеребками*. По появлению в *возьме* этих жеребков с того и с другого крыла, смотрят, равномерно ли тянется невод, а ежели которое крыло забегает вперед, то приостанавливают на время его тягу. Таким образом вытягивают весь невод в *возьму*.

В зимнем неводном рыболовстве могут участвовать все чины Уральского войска, разумеется кроме находящихся на действительной службе казаков и малолетков до 12 летнего возраста лично, а отсутствующие и состоящие при должностях чиновники и урядники (как не получающие денег по найму от не несущих действительной службы казаков), равно и семейства умерших, через своих работников, иметь которых в этом рыболовстве могут и лично присутствующие, по следующему положению: штаб-офицеры по 4, обер-офицеры по 3, урядники и простые казаки по 1.

Перед началом лова все записываются по желанию в один из участков, для каждого из которых назначается особый начальник; в каждом же участке все приписываются к какому-нибудь неводу, составляя таким образом артели, не могущие состоять меньше, как из 14 человек. Это установлено для того, чтобы хозяева неводов, из желания получить пай побольше, не ограничивались наименее возможным числом работников из казаков, пристающих к неводу из-за паев, и тем не лишали бедных казаков участия в этом лове. Ежели у какого неводчика найдется меньшее против назначенного число работников, или будут приписаны такие, которых нет налицо, или наконец найдутся в числе приписанных к его неводу работники, не имеющие права участвовать в лове, как то линейные казаки, или иногородние в большем положенного числе, то он лишается следующих ему за невод паев и сам невод у него отбирается и продается в пользу бедных. Запрещается также употребление осенних неводов, как не соответствующих этому лову, а также взятых напрокат у Астраханцев, чтобы через это часть выгод от улова не переходила в их руки и чтобы побудить Уральцев заводить свои невода. Перед началом лова осматриваются все невода – крепки ли они, чтобы потом из-за починки их не было проволоочки в тяге.

Когда все расписаны по участкам, то делают на верхней и нижней грани каждого из них и при истоках побочных рукавов, в которых не производится лова, переставы: прорубив во всю ширину реки прорубь в виде узкой полосы, растягивают в ней на кольях большие невода, совершенно перегораживающие реку как в ширину, так и в глубину.

После этого приступают к самому лову. В каждом участке ловят как в пруде, откуда уже рыбе выхода нет и она вся бы вылавливалась, если бы не могла частью, конечно в небольшом количестве, прижиматься к ярам, где нельзя захватить ее неводами. Поэтому в 1852 году просили казаки дозволить им багрить по ярам, куда особенно много скопилось сазанов; но Войсковая Канцелярия не разрешила им этого на том лишь основании, что настоящий порядок зимнего неводного рыболовства существует уже несколько лет без всякого изменения. Рыбы ловится на неводном рыболовстве очень много, так что часто сажень на 15 нельзя бывает дотащить мотни до возымы, не выбрав прежде рыбы из самих крыльев.

Неводной зимний лов производится сообща, т.е. каждый невод ловит не на себя, а складывает весь улов в общие кучи, называемые *урсами*. Такой лов продолжается непрерывно трое суток, что называется *тягой*, после чего бывает дневка, во время которой производится дележ рыбы. Всю рыбу делят на паи, полагая на каждого хозяина невода по 6 паев, на чиновника (офицера), лично участвующего в ловле, по 2 пая, а на урядника, простого казака и на иногороднего работника по паю. За работника получает, полагаемый на него пай, нанявший его. Сверх того участному начальнику, в вознаграждение его трудов, полагается 10 паев, причем, само собой разумеется, что если он имеет и свой невод, то за него получает наравне с другими хозяевами следующие ему 6 паев. При этом строго запрещается начальнику, прежде общего раздела, брать себе лучшую рыбу из урсов.

По окончании дележа, начинается вторая тяга, продолжающаяся также три дня, и так далее до окончания всего лова.

Прежде запрещалось наловленную во время зимнего неводного рыболовства рыбу везти в Уральск кому-либо, кроме самих казаков, хотя бы уже купленную у них иногородними купцами, дабы казакам же доставлять выгоду от провоза; теперь же дозволяется это и иногородним.

На это рыболовство также командирруется от начальника Гурьева городка несколько линейных казаков для охранения промышленников.

В. ПОБОЧНЫЕ РЫБОЛОВСТВА

9. *Неводной лов в 3-м участке весеннего Курхая.* Одновременно с весенним Курхаем в третьем участке, т.е. сзади баконной линии, идущей от Дуванной косы, дозволяется желающим тянуть волокушами (маленькими неводами) черную рыбу в проранах Елисеевом, Соляном и Култушном, соединенных еще между собой в вершинах

лиманами. Лов этот в настоящее время совершенно ничтожен и по большей части никто и не пользуется этим дозволением, участвуя в более прибыльных рыболовствах курхайском или весеннем севрюжьем.

10. *Лов по полоусым старицам и запорным водам весной.* По неразрывной связи этого рыболовства с севрюжьей плавней, о нем было уже сказано при описании этой плавни.

11. *Весеннее Черхальское рыболовство.* В правильном и определенном виде рыболовство это учреждено лишь с 1821 года; но казаки гораздо ранее этого отправлялись туда на лов, который принадлежал тогда к числу свободных рыболовств. Так из дел 1816 года видно, что вследствие поданного казаками прошения дозволено было запирать речку Анкоту, после входа в нее весной рыбы, всякому, кто пожелает это сделать на свое иждивение, за что при тяге рыбы осенью ему полагалось в вознаграждение его издержек по 3 воза сазанов (полагая воз в 100 штук), сомов (по 15 больших, 20 средних и 30 малых), судаков (по 250 штук) и лещей (по 800 штук), за недостатком же других рыб 8 возов сазанов, которые всегда уже ловились и, как видно, были ценнее прочей рыбы, вместе взятой, в пропорции 9: 5.

Теперь лов этот начинается, смотря по ранней или поздней весне, с первых или с последних чисел апреля. Так в 1847 году начался он с 1-го апреля, а в 1856 только с 23-го. Продолжается он, смотря по уловам и желанию казаков, от 20 дней до месяца и в половине мая бывает уже обыкновенно окончен. На нем употребляют следующие орудия:

- 1) *Невода* сажень в двести или в триста длиной и в 6 маховых сажень в истень. Так как число тянущих эти невода всегда значительно, то невода всегда бывают с мотнями.
- 2) *Лещевая сеть* – ставная сеть в роде Курхайской с ячейками в 6 пальцев в лопатке.
- 3) *Чабышная сеть* – также ставная сеть, но более частая, с ячейками в 4 пальца в лопатке. Употребляется она для лова мелкой черной рыбы: воблы, чехони и тарани, называемой Уральцами общим именем чабака.

В способе установки этих сетей и в тяге неводов ничего нет особенного.

В этом лове могут участвовать все желающие казаки (кроме линейных) лично или по доверенности через рабочих, которых дозволяется здесь иметь из всякого сословия: штаб-офицерам по 3, обер-офицерам по 2, урядникам же и простым казакам по 1. Запрещается только нанимать Киргиз поденно, в предупреждение с их стороны кражи и оказания помощи в грабеже собратьям своим, кочующим около озера.

В день предварительно объявленный Войсковой Канцелярией, все, желающие участвовать в этом лове, должны переправиться одновременно через Урал: живущие в Уральске у этого города, а живущие по линии у форпостов: Чеганского (34 верст ниже

Уральска), Бударинского (80 верст), Лбищенского (116 верст) или Мергеневского (147½ верст), кому где удобнее, и после таможенного осмотра следовать партиями не менее как в 20 человек в порядке и при оружии, под распоряжением старшего между ними. Они имеют с собой телеги с провиантом и неводами и везут на одрах бударки. На обратном пути все происходит совершенно в таком же порядке.

Придя на место, промышленники разделяются на тянущих неводами и на выставяющих сети. Первые распределяются по неводам, составляя таким образом артели; вторые же выставяют свои сети каждый для себя. Тяга неводов производится только от *Красного яра* до истока речки Солянки и от отмелей, так называемых *шалыг*, лежащих против этого истока, до *Пресного ключа*, т.е. на пространстве не более как 15 верст. На всем остальном пространстве лов запрещен, дабы не препятствовать входу рыбы в большую Анкоту; притом же и берега озера от Красного яра до малой Анкоты, по большей части, неудобны для тяги неводов. Ставные сети ставятся в р. большой Анкоте от устья на 7 верст вверх по ней, для чего это пространство разделяется по числу промышленников на участки, которые занимаются по жеребию.

Рыбачущие сетями берут себе каждый то, что в его сети попало; добыча же неводного лова разделяется следующим образом. Рыба, пойманная неводами, сейчас же солится и через несколько дней тяги свозится в одно место и разделяется на равные кучи по числу тянувших неводов. Один из казаков отбирает у хозяев неводов шапки и, перемешав их, кладет на каждую кучу по шапке: чья шапка того и куча. Каждая из этих куч разделяется уже по паям между членами той артели, которой она досталась. На каждые 100 сажень невода получает хозяин по 5 паев, офицеры, лично участвующие в ловле, по 2, а урядники, простые казаки и работники – по 1 паю. За работников берут пай казаки, нанимавшие их. При этом надо заметить, что невода принадлежат обыкновенно нескольким хозяевам и приходящиеся им на долю пай распределяются между ними по мере их участия в постройке невода в пропорции 5 паев на 100 сажень. Начальник, надзирающий за ловом, имеет право получить по одному паю с каждых 100 сажень каждого невода. От времени до времени отправляют накопившуюся рыбу в Уральск и привозят оттуда нужное продовольствие. Для этого отряжают не менее как по одному с пяти казаков.

Рыболовствующим на Черхальском морце казакам строго запрещается продавать Киргизам бударки и сети, чтобы они после ухода промышленников не могли ловить рыбы и тем делать убытка войску. В предохранение от нападений и грабежей со стороны их отделяется 16 человек от городского полка, которых начальник лова разделяет на три пикета, расставляемые у ставки начальника, у Красного яра и у Пресного ключа.

Рыболовство это все более и более упадет, вероятно, вследствие развития зимнего лова и преграждения устья большой Анкоты ставными сетями. Еще в 1846 году участвовало в нем более 400 казаков, а в пятидесятых же годах ни разу более 70 человек с 7 неводами. На нем, как и на прочих Черхальских ловах, ловятся главным образом сазаны, судаки, лещи и значительное количество разной мелкой рыбы, преимущественно воблы и чехони, которую в иные годы, по причине ее малоценности, раздают Киргизам даром, как, например, в 1849 году.

12. *Осенний Черхальский лов.* Он производился совершенно тем же порядком, как и весенний, и теми же снастями, но, по его незначительности и при трудностях, сопряженных с отправлением на озеро, лежащее в Киргизской степи, теперь совершенно оставлен. В последний раз производился он в 1846 году всего 8 казаками, добывшими не более 316 пудов рыбы, в том числе 156 пудов воблы и чехони. С 1849 года перестала уже Войсковая Канцелярия вызывать желающих на него отправляться. Я поместил его в числе Уральских рыболовств только потому, что если бы явились охотники, то они всегда могли бы на него отправиться без всякого нового разрешения.

13 и 14. *Осеннее и зимнее Узенские рыболовства.* Этих двух рыболовств нельзя отделить одно от другого, потому что между ними почти нет перерыва: как только оканчивается первое с замерзанием реки, то начинается второе. На оба рыболовства даются и одна общая инструкция и один начальник.

Осеннее начинается в первой половине октября. Так, например, в 1849 и 1855 году с 3 октября, а в 1852 – с 15-го. Оканчивается оно с замерзанием реки обыкновенно около половины декабря (в 1846 году, например, — 22 ноября, а в 1854 г. — 15 декабря). С этого времени по 1 января идет зимний лов, который важнее осеннего.

Осенний лов производится неводами и ставными частыми сетями, зимний же исключительно неводами. Они бывают в речках: Узенях, Чижинских, Кушуме, Деркуле, Балыхте, Гаврилиной с Лариной и в озерах Камыш-Самарских и Сокрыльском. Промышленники разделяются по ним, смотря по тому, которая из этих речек или озер ближе к их жительству, ибо в этих ловах участвуют исключительно почти казаки с расположенных по этим речкам Внутренней и Чижинской линий, хотя, конечно, не запрещено и прочим в них участвовать. Окончив лов в одном месте, казаки переходят в другое, если оно еще не занято.

На этих рыболовствах дозволяется иметь иногородних работников: штаб-офицерам по 3, обер-офицерам по 2, а урядникам и простым казакам по 1.

Деlež добычи определяется по взаимному соглашению между хозяевами неводов и пристающими к ним казаками до начатия лова. Обыкновенно полагается хозяевам по 5

паев с каждых ста сажень невода. После осеннего лова в 1854 году казаки подавали через рыболовного начальника прошение в Войсковую Канцелярию, в котором просили для себя инструкции для дележа уловов по паям, считая существующий обычай для себя стеснительным. Но Войсковая Канцелярия приказала все устраивать по-старому, взаимным соглашением, поставляя на вид, что в большей части прочих рыболовств хозяева получают за невод по 6, а не по 5 паев, как у них.

Начальник этих ловов находится обыкновенно на Узеньях и Камыш-Самарских озерах, где наибольший лов. В вознаграждение его трудов полагается ему при дележе по одному паю с каждого невода без различия размеров и качества. Ежели на какой-либо из прочих речек окажется значительный лов и на нее соберется много промышленников, то туда назначается от Войсковой Канцелярии особый начальник; если же такого назначения не последует, то главный надзор принадлежит старшему по чину, а в случае равенства чинов это будет зависеть от общего выбора. Так, например, когда в 1846 году открылся довольно значительный лов на речке Балыхте, то в 1848 году, когда собралось на нее до 80 казаков с 14 рабочими, назначен был туда и особый начальник, которому положено получать по одному паю с каждой тяги.

Осенний и зимний улов в этих речках в иные годы достигает до 30,000 пудов черной рыбы, между которой особенно много весьма большого карася. Красной рыбы, как само собой разумеется, тут вовсе нет.

На Узеньях есть и весенний лов, но он незначителен; ни начальников, ни особых разрешений на него не дается и сроков не полагается; поэтому он должен быть причислен к числу свободных рыболовств; но так как о нем ничего особенного сказать нельзя, то я уже о нем более упоминать не буду. Впрочем, надо заметить, что, с прекращением всякого рыболовства в Урале на летнее время, оно прекращается и здесь.

15. *Осенний лов в морских култуках и проранах по правую и левую сторону устьев Урала и в Черной речке.* Этот лов производился по морскому побережью, в заливах, култуках и проранах, которые по большей части остатки устьев прежних рукавов Урала, одновременно с осенними плавным и неводным рыболовствами, обыкновенно с половины октября до покрытия побережья льдом. Лов этот разделялся на три участка, из коих теперь только в двух можно рыбачить: 1) в проранах и ильменах, лежащих направо от Урала, начиная от наблюдательного рынка (мыса) Подстепного пикета, так что Подстепный залив и Плотовой ерик (устья рукавов Подстепного и Плотового) были включены в число мест, назначенных для этого рыболовства, 2) в проранах и ильменах по левую сторону Урала и 3) в Черной речке (в ней лова уже не может быть потому, что она пересохла).

На этом рыболовстве употребляют из орудий лова: 1) *волокуши*, т.е. обыкновенные небольшие осенние невода, которыми загоняют рыбу из моря в прораны и култуки, и 2) *запоры* или *переставы*,* которые делают в верховьях ильменей и проранов, дабы препятствовать рыбе уходить из них вверх.

Участвовать могут в этом рыболовстве казаки лично и посредством рабочих, которых полагается: штаб-офицерам по 3, обер-офицерам по 2, урядникам и рядовым по 1. Казаки, участвующие в осеннем неводном лове, могут, по желанию, переходить на это рыболовство, равно как и занимающиеся осенней плавней; но эти последние могут сюда записываться лишь пока войско не перешло еще Красноярского форпоста (272½ вер. от Уральска и 205¼ от Гурьева).

Записавшиеся на это рыболовство казаки расписываются по участкам и в каждом участке пристают к хозяевам неводов, образуя таким образом артели. Прежде начала лова запирают сверху ильмени и прораны дощатыми переставами и, начиная от наблюдательного рынка Подстепного пикета, выставляют против каждого култука или прорана вехи в море, не далее как на версту от берега, для обозначения границы откуда можно начинать лов. Прежде, именно в начале нынешнего столетия, когда еще не было собственно морских ловов, границ в море для этого рыболовства не полагалось. Тогда, кроме Черной речки, простиралось оно и на другие из более удаленных рукавов Урала, как то: на Солянку и Баксай.

Для производства лова ожидают нагонных ветров и, когда ветром привалит рыбу к берегу, ее загоняют сначала волокушами в култуки и прораны, где уже и вылавливают также волокушами. Загон рыбы делается всеми, ловящими в известном култуке или проране, разом; в култуках же и проранах тянут по очереди, назначаемой жребием. Пойманную рыбу, дабы она имела более ценности, сажают в отгороженные досками садки или, оставляя пока в воде в мотнях, пересаживают потом в садки и оставляют там до заморозков. Во время нагоняющих рыбу ветров, дневок для дележа уловов не делают, ибо и без того при выгонных ветрах пропадает много времени.

Дележ делается так, что каждая артель делит пойманную ей рыбу особо между своими членами, предоставляя хозяину волокуши 3 пая за мотню, в которой сохраняется временно рыба, смотря по длине его: если в 13 фут, то 1½ пая, если в 10, то 1 пай, если в 6, то ½ пая; за бударку, саки (сетка на обруче с рукояткой, которой черпают пойманную рыбу) и прочие мелкие принадлежности лова ½ пая. Бударки, впрочем, нанимают тоже на общий счет и тогда уже саки и прочее каждый должен иметь свое. За дощатые садки полагается 6 паев. Затем чиновники, лично участвующие в рыболовстве, получают по 2

* О всех различного вида запорах будет подробно сказано при описании запорного лова по старицам Урала.

пая, а урядники и простые казаки по 1. Хозяева, как и всегда, получают пай за нанятых ими работников. Во время этого рыболовства дозволяется желающим переходить из одного участка в другой. Тюленя дозволено на нем бить и загонять, не переходя, однако, назначенных для него границ.

Прежде рыболовство это было значительно, в последние же годы оно совершенно прекратилось, так что в течение последних 10 лет производилось только два раза и то в одном первом, т.е. правом участке. В 1848 году 35-ю казаками и 10-ю работниками 9-ю неводами было поймано до 2350 пудов мелкой рыбы, а в 1853 г. 36-ю казаками и 3-мя работниками 8-ю неводами было поймано 3550 штук судака и 104,300 штук воблы.

16. *Зимнее Черхальское рыболовство.* Это, без всякого сомнения, важнейшее из всех побочных рыболовств начинается с первой половины декабря (например, в 1847 году 5-го декабря, в 1855 – 15-го) и по правилу должно оканчиваться к 1-му марта, но, по просьбе казаков, вследствие незаловов, буранов и тому подобного, продолжается обыкновенно дальше этого срока – до 20-го и даже до 25-го марта.

На нем употребляются так называемые Черхальские невода, отличающиеся своей необыкновенной длиной, доходящей до 2½ верст. Так, например, в 1852 году было употреблено на этом рыболовстве 12 неводов следующих размеров: 1) в 1,280 маховых сажень, 2) 1,350, 3) 1,385, 4) 1,256, 5) 1,300, 6) 1,600, 7) 1,200, 8) 1,400, 9) 1,200, 10) 1,425, 11) 1,450, и 12) 1,000. Ширина их 5 сажень. Во всем прочем они устроены как обыкновенные зимние невода.

В рыболовстве этом казаки участвуют лично и по доверенности и имеют право нанимать рабочих из инородцев: штаб-офицеры по 3, обер-офицеры по 2, урядники же и простые казаки по 1.

Запасшись провиантом и переправившись через Урал, точно также как и при весеннем лове, казаки осматривают, по приходе на озеро, как стал лед, выбирая для тяги неводов лишь те места, где он ровен, и измеряют веревками вокруг всего озера те места берега, против которых лед гладок. Все эти удобные места делят так, чтобы на каждые 100 сажень совокупной длины всех неводов пришлось по участку равной длины, и мечут жребий о местах для каждого невода. Обыкновенно приходится от 30 до 50 сажень берега на 100 сажень невода. Казаки с работниками все расписываются по неводам так, чтобы приблизительно пришлось поровну на одинаковую длину невода.

Ежели лед стал гладко, то главное условие хороших уловов – запускать невода с самой середины морца, верстах в 7 от берега, и тянуть их во все стороны, что и делается каждой артелью к доставшемуся ей участку берега. Прорубь, в которую опускают невод, не носит здесь названия *запуска*, а также называется *возьмой*, как и та, в которую невод

вытягивают. Тяга этих неводов производится точно также, как на Урале, во время зимнего неводного лова, с той лишь разницей, что здесь, когда прогонят сажень на двести прикрепленные к их концам веревки и укрепляют на льду с каждой стороны невода по вороту, которыми и тянут невод, вертя ворот лошадьми. Между тем свободный конец прогонной веревки разматывают с ворота и продолжают гнать далее, а когда дотянут невод до первых воротов, то начинают тянуть другими и так далее, перенося вороты с места на место, доводят невода до берега. Тяга одного невода продолжается таким образом день и ночь по двое и по трое суток. При этом случается, что невод, зацепляясь за неровности внутренней поверхности льда, или уходя нижней подборой в топкий ил дна (баткак), рвется и нередко теряют этим промышленники по несколько сот сажень невода, вытаскивая одни лишь подборы. В неделю, при самых благоприятных обстоятельствах, нельзя сделать больше двух тяг.

Дележ улова происходит отдельно в каждой неводной артели, так как по обширности пространства, занимаемого промышленниками вокруг всего озера, неудобно соединить весь улов в общую кучу; но кажется, что в сороковых годах это делалось еще таким образом. Хозяин, или правильнее хозяева, невода, ибо он составляет обыкновенно собственность нескольких казаков, так что каждому принадлежит известная часть его, получают по 6 паев с каждых ста сажень длины и 5 ширины, на доли же меньшие 100 сажень в длину и 5 в ширину – соответственно этому по расчету. Чиновники, лично участвующие в тяге, и тут получают по два пая, урядники же и простые казаки по одному. Начальнику рыболовства полагается при каждом дележе по паю с каждого невода, какой бы он ни был длины. Наловив некоторое количество рыбы, везут ее в Уральск на продажу и привозят новые запасы продовольствия для людей и для лошадей. В хорошие заловы случается казаку получить на пай, за покрытием всех издержек, рублей 30 ассигнациями в зиму; но так как каждый почти имеет участие в известной доли невода, то редкий не получает нескольких паев.

Рыболовство, производимое огромными неводами в со всех сторон закрытом небольшом водовместилище, которое даже не всегда имеет сообщение с Уралом, должно бы, казалось, вскоре истощить в нем запас рыбы. Я не сомневаюсь, что действительно так бы и было, если бы по счастью в неровном замерзании этого озера не заключалось весьма действительной охранительной меры. Всякий год, как мы видели, замерзает большее или меньшее пространство его столь неровно, что на нем невозможно производить тяги. Сюда, следовательно, имеет возможность укрываться рыба от своих преследователей. Со всем тем я полагаю, однако же, что долго так продолжаться не может и что источник доходов, доставляемых морцом, должен иссякнуть, если к мерам, принимаемым природой для

сохранения в нем рыбы, не присоединится таких мер и со стороны человека. В своем месте я предложу такую меру и надеюсь, что, не будучи стеснительной для казаков, она обеспечит, однако же, на будущее время Черхальское рыболовство, составляющее немаловажное подспорье для Уральского Войска.

Предосторожности от Киргиз зимой должны быть еще сильнее, чем весной, ибо невода расположены вокруг всего озера, часто на несколько верст один от другого. Несмотря на них случается, однако же, что Киргизы грабят рыбу и снасти, так, например, еще в 1854 году жаловался на это начальник зимнего Черхальского лова.

С. СВОБОДНЫЕ РЫБОЛОВСТВА

17. *Лов в запорных старицах.* Запирать можно лишь те старицы, которые имеют только одно сообщение с Уралом, так называемые же *полоусые*, имеющие и исток и устье, должны всегда оставаться свободными и вылавливаются войском в определенные сроки, как, например, при севрюжьей плавне, или зимой в одно из свободных рыболовств. Само собой понятно, что эти последние никому в частности принадлежать не могут; из стариц же с одним устьем, которые могут быть запираемы, некоторые принадлежат одному или нескольким форпостам, в дачах которых они находятся, другие же свободны, не составляя ничьей частной собственности; это, по большей части, недавно перешедшие из полоусых в запорные, через пересыхание одного из соединений их с Уралом. Пример такого изменения составляет *Перетаскная старица*, лежащая близ Редутского и Кандауровского форпостов на Бухарской стороне. У ней с каждым годом все более и более зарастало и пересыхало нижнее ее устье, именно то, от которого начинается осеннее неводное рыболовство. Поэтому, по просьбе казаков, в 1850 году дозволено было ее запереть. Эти свободные старицы могут запирать, а следовательно и ловить в них все желающие; старицы, принадлежащие же некоторым форпостам, могут запирать лишь казаки этих форпостов. Ежели только казаки одного из форпостов, которым сообща принадлежит старица, запретят ее, то они одни и могут ловить в ней. Весной, пока старицы не заперты, в них могут ловить все, в дозволенное для рыболовства время, как мы это видели при севрюжьей плавне. Зимой в старицах, составляющих собственность одного или нескольких форпостов, если они не заперты, ловят только эти форпосты, каждый в участке, лежащем в его дачах.

Весной, казаки, желающие запирать старицы, подают об этом прошение в Войсковую Канцелярию и получают от нее на это письменное разрешение. Об этом извещаются начальники тех форпостов, в дачах которых находятся эти старицы, для

объявления всем жителям их, чтобы казаки, желающие из них участвовать в лове, записывались, что должно быть сделано не позже окончания севрюжьей плавни. Все расходы на устройство запоров, как то: сети, наем работников и караульчиков и прочее, должны быть делаемы с ведома форпостных начальников, дабы казаки, устраивающие все это, не могли потом объявить дороже стоящим, чем в действительности.

Как только полая вода начнет немного сбывать, приступают к деланию запоров. Чтобы яснее показать как это делается, я опишу ту старицу с ее запором, которую я видел. Через это будут понятнее и различия в устройстве запоров, встречаемые в других старицах. Между Каршинским и Мергеневским форпостами (165½ и 147½ верст от Уральска) на Самарской стороне находится старица Федулиха. Это довольно широкий ильмень лунообразного вида, обращенный рогами к Уралу, от которого отделяется не широким, но довольно возвышенным пространством; через это пространство вода в старицу из реки никогда не переливается. Вода же входит в нее из Сахарного ерика, вытекающего из Урала выше и в него же впадающего, ниже Федулихи, т.е. составляющего полоусую старицу. Из этого ерика, маленький еричек идет в Федулиху и весной наполняет ее. Все это имеет вид, представленный на рис. 7 прилагаемого чертежа.

Когда вода начнет спадать и покатится обратно из Федулихи в Сахарный ерик, то начинают устраивать запор в самом узком месте маленького соединительного еричка, имеющего в этом месте не более 2½ или 3-х сажень ширины в самую большую воду; когда же я посещал его (в конце июля), то воды и на сажень в ширину не было. Прежде всего ставят у каждого берега по сохе, т.е. по толстому колу с рагулькой наверху, и кладут на них перекладину. С внутренней стороны перекладины, т.е. обращенной к Федулихе, вбивают, прислонив к ней, несколько довольно толстых кольев, с наружной же – две подборы, т.е. две косвенно упирающиеся в нее сохи. К внутренним колам приставляют 3 или 4 ряда плетней, состоящих из тонких кольев, переплетенных хворостом, совершенно так, как это делается для заборов. С внутренней стороны их вбивают для поддержки по колу по концам. По дну кладут киты, но не камнями набитые, как при Уральской забойке, а просто землей, для того, чтобы рыба не подрывалась под запор, что преимущественно делают сазаны.

Для большей ясности представляется вид этого запора на рис. 8 прилагаемого чертежа.

В 1856 году, когда я посетил этот запор, он был устроен одними Каршинскими казаками, желающие из которых, следовательно, одни и могли тянуть рыбу в Федулихе. Ежели бы же запора не было, то Каршинские и Мергеневские, границу между дачами

которых составляет соединительный ерик, где устроен запор, тянули бы каждые в свои части ильменя.

В других местах делают запоры еще проще. Раскалывают на несколько толстых досок ракиту, тополь или осокорь, – единственные растущие здесь деревья, заостряют эти доски с одного конца и вбивают в дно плотно одну к другой, подкрепив все это с наружной стороны перекладиной с подпорами. Таким же точно образом делают и дощатые садки, о которых было упомянуто выше, при лове запорами в проранах и култуках по обеим сторонам устьев Урала.

Но не везде можно запереть старицу в узком месте и тогда устройство запора будет несколько сложнее. Сделав перекладину на нескольких сохах и из нескольких бревен, а также подпоры к ней, плетут на берегу *кошаки* особого рода. Пригоняют довольно толстые и длинные колья (смотря по глубине старицы в запираемом месте) плотно друг к другу, для чего всегда выбирают колья самые прямые и кладут их один тонким, другой толстым концом книзу, которые и заостряют. Оставив на аршин или более пространства для вбивания в землю, переплетают их мочальными веревками, которые не так скоро гниют, как пеньковые. Отступя несколько, переплетают еще раз и немного повыше еще в третьем месте. Колья переплетают таким образом в трех местах, единственно для прочности кошака, а не для того, чтобы рыба не могла между ними проскочить; этому уже достаточно препятствуют вплотную пригнанные колья. Когда кошаки готовы, то, притянув их верхними концами к перекладине с внутренней стороны, погружают другой конец в воду и вбивают в дно *чекмарями*, т.е. деревянными колотушками. Бьют чекмарями, а не другим чем, дабы не расколоть или не размочалить кольев, которые, за неимением другого, делаются из мягкого дерева. С внутренней стороны дно у подножья кошаков укладывается китами, к которым привязывают нижними подборами старые сети, верхние же подборы их прикрепляются к верху кошаков. Из одних сетей без кольев никогда запоров не делают, – так делают лишь переставы при зимнем неводном рыболовстве. Впрочем, ставят одни сети и в старицах, но только чтобы удержать в них рыбу при убыли воды, пока еще запоры не готовы. Точно также, как старицы, запираются и Черные реки.

Не все старицы и Черные реки, лежащие по обеим сторонам Урала, запираются каждый год, а обыкновенно лишь немногие, обещающие, по замечаниям казаков, хорошие уловы. Например, в 1816 году были заперты лишь следующие: 1) *Речка Черная* (одно из устьев Урала, тяга в котором свободна и относится к запорному лову в култуках и проранах по обе стороны устьев Урала), 2) *Соколинский проран* (тоже одно из бывших устьев Урала), 3) *Река Сорочиковка* у Сорочинской крепости (не смешивать с

Сорочинкой, которая есть полоусая старица), 4) *Речка Чагушкина*, 5) *Красная старица* и ильмени около Баксайской крепости (в 80 верстах от Гурьева), 6) *Красная старица* и 7) *Комаровская старица* у Тополинской крепости (102 версты от Гурьева), 8) и 9) две *Харькинские старицы* у форпоста того же имени (288½ верст от Уральска), 10) *Козаркина старица* между Котельничьим (239½ верст от Уральска) и Антоновским (217½ верст от Уральска) форпостами и 11) *Красная старица* между Мергеневским (147½ верст от Уральска) и Горячинским (131½ верст от Уральска) форпостами. Особливо много стариц остается незапертыми при высокой воде, когда она поздно спадает, а потому большая часть рыбы успевает уплыть назад в реку, прежде чем можно начать устраивать запоры.

Как только запоры готовы, к ним приставляются караульщики, обыкновенно из старых казаков или из Киргиз, которые должны наблюдать за тем, чтобы в запертых водах никто не ловил до определенного срока. Для начала лова нужно особое разрешение Войсковой Канцелярии, которое она дает разом для всех стариц и черных речек. С 1851 года разрешение Войсковой Канцелярией дается одновременно на все вольные зимние рыболовства, как только начинаются холода. В этой общей инструкции означаются сроки начала и окончания их и правила для каждого из них; прежде же это делалось отдельно для каждого из этих ловов.

Так как разрешение на лов в запертых водах дается заблаговременно, то, с покрытием стариц и черных речек льдом, начинается и лов в них, к концу декабря или к началу января обыкновенно уже оканчивающийся (например, в 1848 году 21 декабря). В назначенный день собираются все казаки, записавшиеся желающими участвовать в лове к своей старице, причем, казаки имеют право рыбачить как лично, так и через рабочих. И тут, как всегда, линейные казаки к лову не допускаются.

Перед началом лова запорщики объявляют о расходах, употребленных ими на устройство запоров и окрамливание вод, и получают немедленно приходящуюся им за то сумму, собираемую со всех участников в лове по уравнительной раскладке, т.е. не по числу лиц, а по числу паев, на которые каждый из участвующих имеет право, лично за рабочих и за невода. Таким образом, если бы в запертой старице или речке и вовсе бы не оказалось рыбы, то запорщики все же получают обратно свои издержки, а потому казаки, имеющие денежные средства, ничем не рискуя, не могут быть удерживаемы страхом убытка от устройства запоров. Впрочем, иногда сами запорщики отступают от этих правил, требуя себе лишь известного числа паев в вознаграждение за издержки.

Лов производится неводной тягой, причем в каждой старице не допускается тянуть более чем 4 неводами, дабы не увеличивать чересчур числа паев, приходящихся на невода в ущерб прочим казакам. Иногородних работников здесь полагается: штаб-офицерам по 4,

обер-офицерам по 3, урядникам и казакам по 1. При дележе назначено давать хозяевам неводов по 5 паев, чиновникам, участвующим лично, по 2 пая, всем же прочим по 1-му. Прежде для дележа существовали совсем другие правила. Так по инструкции 1816 года запорщики могли себе брать (как уже было приведено выше, когда говорилось о лове в речках Анкотах, которые тогда принадлежали к числу запорных) по 3 воза сазанов, по 3 воза сомов,* по 3 воза судаков и по 3 воза лещей. Ежели же за всем тем оставалась еще рыба, то они могли продавать ее другим казакам, не иначе как по определенной цене (конечно низшей противу действительной), дабы доставить и прочим некоторую выгоду от этих вод, именно 100 штук сазанов за 13 руб. асс, воз сомов за 13 же рублей, за 250 судаков (что равняется возу) 9 руб. асс, за воз лещей 6 руб. асс. Ежели желающих купить по этим ценам рыбу явится много, то делят ее между всеми ими поровну. Из этого видно, что в прежние времена запертые старицы составляли в большей степени частную выгоду запорщиков, чем ныне, чему прочие не противились, без сомнения, потому, что при изобилии рыбы в это время каждый мог промыслить ее сколько хотел и без запорных вод.

Так как нет общих сведений о количестве рыбы, доставляемой запорным рыболовством, равно как и о получаемых с него выгодах, то для примера я приведу издержки, употребленные на устройство запоров в некоторых старицах, число казаков участвовавших в тяге неводов и количества уловов.

В 1847 году на устройство запора в Гребенщиковской старице, у форпоста того же имени (в 319½ верстах от Уральска), издержано 80 руб. 384/7 коп. сер. и наokraивание ее 58 руб. 571/7 коп. сер., итого 138 руб. 955/7 коп. сер. Участвовало в лове 167 казаков и при них работников русских 9 и Киргиз 39, всего же 215 человек. Наловлено судаков 8 возов, лещей 10 возов и сазанчика 13 возов, всего 31 воз рыбы, или примерно 930 пудов, приблизительно на 1,000 руб. сер.

В 1848 году в запертых старицах в дачах Горячинского форпоста (131½ верст от Уральска) 85 казаков и 62 работника поймали 588 пудов сазанчика (кругом считая по 18 штук на пуд).

В том же году в Зеленовской запорной старице (Зеленовский форпост 118½ верст от Гурьева) 3 казака с 10 работниками вытянули судака 96 пудов, леща 21 пуд, сазанчика 560 пудов, щуки 107 пудов, окуней 15 пудов, карася и линя 12 пудов и чабака (т. е. всякой мелкой рыбы, чехони, тарани и проч.) 27 пудов, итого 838 пудов.

В Перетаскной вольной старице (которая из полоусых была перечислена в запорные только в 1850 году) участвовало в лове в 1851 году лично 49 казаков и 161 работник. Поймано рыбы 5 неводами (это в виде исключения дозволено было, во

* Теперь сомы составляют редкость в этих водах.

внимание к величине старицы) 57 возов судака, 62 воза леща и 31 воз сазана, примерно 3,750 пудов рыбы на столько же рублей серебром. В 1854 году участвовало в лове в этой старице 390 казаков и 395 рабочих из Киргиз, что доказывает возрастающую ее значительность.

МЕЛКИЕ ЗИМНИЕ РЫБОЛОВСТВА

18. *Лов блесной от Каленовскаю форпоста вниз по Уралу.* Блесной называется привязанная на веревку пластинка олова или жести, вырезанная иногда в форме рыбки, с крючком на конце, – следовательно, род удочки. Над прорубью делают шалаш, чтобы наружный воздух, отражаясь от поверхности воды, не мешал в ней видеть, и, держа в руке блесну, беспрестанно подергивают ее, дабы подражать движению живой рыбки в воде. Рыба, особливо окунь, попадает на обман и рыбака, держащий блесну, почувствовав, что ее дернуло, выдергивает схватившую рыбу на лед.

Лов этот начинается, по письменному разрешению Войсковой Канцелярии, обыкновенно с того времени, как только Урал покроется льдом, и производится от Каленовского форпоста до верхней грани зимнего неводного рыболовства. В этом лове могут участвовать казаки только лично и все другие орудия, кроме блесны, тут запрещены.

19. *Лов сижами от Бородина ввоза вверх до Илецких дач.* Хотя выше Уральской забойки лов, говоря вообще, совершенно свободен и весной, осенью и летом может производиться как и когда кто из казаков пожелает; но зимой и тут полагаются сроки начала и правила производства лова, для порядка и уравнивания выгод от него между всеми промышленниками, число которых в это время довольно значительно. В некоторые годы, как, например, в 1851, когда по каким-либо причинам свободное рыболовство, начинающееся обыкновенно от Бородина ввоза, отодвигают далее, то и лов сижами начинается не от него, а от вновь назначенного места (см. багрень).

Под сижами должно разуметь род венгеря, именно обыкновенная мотня, не растянутая на обручи, вставляется в отверстие между крыльями из сетей же, утвержденными на кольях, и не вынимающимися до окончания лова. Снизу эта мотня привязана к колу, воткнутому в дно, чтобы она не всплывала; сверху же вешается на проруби. К нижней части мотни идет еще веревка, привязанная другим концом к гибкой палке, утвержденной наверху шалаша, стоящего над прорубью. К свободному концу этой палки прикреплен колокольчик, так что, как только рыба войдет в мотню и следовательно дернет привязанную к ней веревку, он зазвенит. По этому звону караульный казак узнает

много ли вошло рыбы в сижу и, руководствуясь этим, от времени до времени вытаскивает мотню из проруби вместе с колом, к которому она привязана нижним краем.

Этот лов начинается, подобно предшествующим, со времени покрытия Урала льдом (в 1846 и 1849 годах, например, с 25 ноября). Места на выставку сижей назначаются по жребью. Чем ниже по реке, тем лучшим считается место. Получивший свой жребий должен непременно выставить свою снасть в течение двух дней, в противном же случае лишается своих прав на лов и его место занимает следующий за ним по очереди или кому достанется по новому жребью, как пожелают казаки. Сижи должны стоять не ближе друг от друга как на 50 сажень и не далее 15 сажень от берега. В лове сижками казаки могут участвовать только лично.

20. *Лов сижками от Уральска вниз до Старой Ямы.* Это только распространение предыдущего лова далее вниз по реке, на несколько верст ниже Уральска, по окончании малого багренья. Оно начинается с первых чисел января и переходит в следующее за ним рыболовство:

21. *Лов блесной, удочками, сижками и баграми по всему Уралу после окончания большого багренья.* С окончанием большого багренья и одновременного с ним зимнего неводного лова, нет уже более причин ограничивать чем-либо свободное рыболовство по Уралу, а потому разрешаются все означенные ловы по всему Уралу всякому казаку, желающему лично ими заниматься. Не дозволены в это время в Урале только невода и переставы и постоянно запрещенные крючья, как могущие перенимать рыбу. Это свободное рыболовство начинается обыкновенно с половины января (в 1851 году, например, с 12-го), иногда же только с начала февраля (в 1850 г. с 3 февраля). Для выставки сижей остаются те же правила, как в лове ими выше Бородина ввоза, с той лишь разницей, что сижы не должны становиться ближе одна к другой, как на 100 сажень.

Одновременно с этими ловами по Уралу, разрешается желающим тянуть неводами по полоусым старицам. В этом неводном лове принимает обыкновенно участие на пространстве выше Каленовского форпоста войско, возвращающееся с большого багренья.

Наблюдение за порядком всех этих ловов поручается форпостным начальникам. Окончиться должны они: на пространстве от Уральска до Кулагиной крепости (333¼ вер. ниже Уральска) к 1 марта, а от Кулагиной до Гурьева к 15 февраля; выше же Уральска лов производится до вскрытия льда.

22. *Благовещенское багренье.* Перед праздником Благовещения дозволяется, в продолжении двух или трех дней, багрить от Старой Ямы до Каленовского форпоста и в то же время тянуть неводами по затонам и полоусым старицам. В 1848 году это багренье

производилось 22 и 23 марта, в 1849 – 23 и 24, в 1852 – 21 и 22, в 1854 – 24 марта, тянули же невода с 22 числа до вскрытия льда. Этот лов учрежден преимущественно для того, чтобы Уральцы, во всей строгости соблюдающие посты, могли иметь свежую рыбу к празднику Благовещения, когда употребление ее разрешается церковью. В продажу из улова этих дней ничего не идет.

23. *Лов у Уральского учуга.* Лов выше Уральска становится совершенно свободным не с самого учуга, а с Бородина ввоза, лежащего в нескольких верстах выше Уральска. На этом свободном пространстве назначает Войсковая Канцелярия время начала только для лова сижамы, о котором упомянуто выше; в остальное же время для лова в нем никаких правил не существует, за исключением запрещения переставов и крючков, как преграждающих ход рыбы вверх. Мы видели также, что иногда отодвигали этот свободный лов еще выше Бородина ввоза. О нем особенного нечего сказать. От учуга же до Бородина ввоза лов вообще запрещен и производится всякий раз лишь с разрешения Атамана. Способ производства его совершенно особенный и заслуживает поэтому подробнейшего описания, хотя сам по себе он ничтожен.

Когда уже стемнеет, то два водолаза, из числа находящихся при забойке, раздевшись, входят в воду с левого берега, который тут обрывист. У каждого из них по абрашке, т.е. по железному крючку на железной же рукоятке, четверти в полторы длиной; на конец рукоятки навинчена, свободно вертящаяся, гайка, к которой прикреплен ремешок. Как только глубина станет больше человеческого роста, то один из водолазов ныряет и идет по дну, держа левой рукой за колья кошака. Правая рука, которой он держит абрашку за рукоятку, между тем как ремень ее надет на три или на четыре пальца, у него вытянута. Как только какая-нибудь рыба, сплывающая к учугу всегда хвостом, т.е. головой против течения, коснется его или, вообще, близко к нему подплывет, то он быстро ударяет ее крючком и выпускает из рук рукоятку абрашки, так чтобы она держалась только на ремешке, надетой на пальцы. Рыба сильно бьется, но не может выдернуть у него из руки абрашку, ибо ремень вертится вместе с гайкой свободно во все стороны. Поймав рыбу, он тотчас выныривает, продолжая держаться левой рукой за колья. В это время с едущей за ним лодки, которую тянут, перебираясь по кольям кошака, берут у него из рук абрашку и втаскивают рыбу в лодку. Другой водолаз, пока первый ныряет, плывет за ним без малейшего шума, не вынимая даже рук из воды. Как только первый вынырнет, то второй ныряет; таким образом чередуются они, пока не дойдут по забойке до того места, где река уже слишком мелка, чтобы нырять. Нередко выныривают они, ничего не поймав. Ежели рыбы мало, то ее загоняют к забойке сверху, переезжая Урал от левого берега на правый в лодке, на которой жгут рогожи, горящие

большим пламенем. Пугаемая светом рыба плывет от него к забойке, где темно. Таким образом было поймано при мне 4 осетра средней величины и 2 небольших шипа. Этот лов описан в довольно украшенном и преувеличенном виде г. Небольсином (Библиотека для Чтения за апрель 1855 года, статья «Уральцы»). Он говорит, что Уральцы достают на выбор какую им прикажут рыбу, осетра ли, белугу ли, севрюгу ли или шипа, и притом икрающую или яловую. Невозможность этого очевидна для всякого, бывавшего в Уральске, во-первых потому, что для выбора тут нет достаточно рыбы, но берут что случится, а во-вторых потому, что вода в Урале вовсе не так прозрачна, чтобы можно было в ней ясно рассмотреть быстро промелькивающую форму рыбы, тем более еще, что лов этот производится обыкновенно вечером. Сами водолазы сознавались мне, что выбирать рыбу нет никакой возможности. Но, желая прихвастнуть перед посторонним зрителем своим искусством, они привязывают уже прежде пойманную рыбу в известных местах к кольям кошака, и тогда, конечно, не мудрено ловить на выбор. Такую штуку сделали они и со мной, привязав уже наперед одного осетра, правда, не для того, чтобы показать как они ловят на выбор, а просто, чтобы что-нибудь навверное поймать, так как в то время очень мало было рыбы за учугом. Я должен сознаться, что и не заметил бы этой уловки, если бы один из присутствовавших на ловле, которому подобные проделки, вероятно, хорошо были известны, не обратил на нее моего внимания.

Ловимая здесь рыба предназначается собственно для Атамана и для каких-либо празднеств, общественных угощений и т. п. Всего в течение года поймаются здесь с сотню осетров, почти столько же шипов и несколько белуг и севрюг.

Д. ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ РЫБОЛОВСТВА

24. Иногда, вследствие особых обстоятельств, открывается изобильный лов в таких местах, где его или вовсе не бывало, или где он был в давно прошедшие времена. В таких случаях казаки обращаются с просьбой к Войсковой Канцелярии разрешить им производство рыболовства в таких-то местах и в такое-то время. Мне известно два подобных примера.

1. В 1854 году, при необыкновенно сильном разливе Урала, вода оставалась по низменным местам степи на правой стороне реки до зимы. В них зашло и осталось множество черной рыбы. Казаки просили Войсковую Канцелярию дозволить им тянуть в этих местах неводами подо льдом, что и было им разрешено. Это случилось не в первый раз в 1854 году, а повторялось при всех сильных разливах.

2. В 1854 же году просили казаки о дозволении ловить осенью в Курхайском морце, где уже с давних времен никакого лова не было, но куда, по причине сильного водоразлития, был перевал воды и зашло много рыбы, там и оставшейся. Войсковая Канцелярия поручила начальнику осенней плавни разузнать об удобнейшем времени для этого лова до зимы, полагая что подо льдом в мелком морце рыба задохнется. Но в морце оказалось до 2½ сажень глубины, а так как, следовательно, рыба не могла в нем скоро задохнуться, то казаки пожелали начать лов не ранее, как в начале зимы по тонкому льду. Войсковая Канцелярия согласилась с их желанием и приняла меры, чтобы ранее положенного срока ловить в морце не смели.

Е. ТЮЛЕНИЙ БОЙ

25. Начало тюленьего боя в участке моря, принадлежащем Уральцам, совпадает с началом морского рыболовства. Общественным определением от 28 августа 1816 года дано в первый раз разрешение на бой тюленя. Промысел этот, будучи производим неправильно, оказался маловыгодным, а так как не только били тюленя, но и добывали его гонкой, загоняя с большим шумом в сети, то этим могли пугать рыбу и мешать ходу ее в Урал. Этим тюлений промысел возбудил против себя мнение казаков и был вскоре оставлен. В 1843 году Войсковая Канцелярия, желая снова ввести его, представила об этом тогдашнему военному Оренбургскому губернатору, генералу от инфантерии Обручеву, со стороны которого встретила те же возражения, как и против введения осеннего Курхайского лова, опиравшиеся на существующее в нем понятие у казаков, именно, что тюлений бой мешает входу рыбы в Урал и что там, где он происходит, рыбный промысел процветать не может. Последнее мнение есть чистый предрассудок, который ничем не оправдывается и в опровержение которого достаточно привести в пример Синее морце, где производится и значительный тюлений и значительный рыбный промысел и оба процветают, не мешая один другому. Что же касается до первого мнения, то и его неосновательность очевидна для всякого, кому известно, с какими предосторожностями и при какой тишине происходит бой тюленя, который к тому же бывает на островах, а потому никаким образом ни пугать рыбы, ни мешать ее ходу в Урал не может. Это было выставлено на вид Войсковой Канцелярией и с 1843 года тюлений бой был снова введен в Уральских водах. Для правильности его производства учреждена была компания на следующих, по моему мнению, в высшей степени благоразумных основаниях.

Всякий, принадлежащий к войсковому сословию, имел право участвовать в выгодах, доставляемых тюленьим боем, записываясь ежегодно в число членов компании не позже 8-го сентября и внося по 3 руб. сер. с каждого пая, на который имел право при разделе. Из собранной таким образом суммы нанимались, необходимые при промысле, суда и искусные забойщики, которых вместе с главным было 14 человек и все из Уральских же казаков. Распорядителем всего промысла назначаем был начальник Гурьева городка, которому давалось два помощника и каждому из них по три казака, с платой сим последним по 20 руб. сер. из собранной суммы. Оставшаяся за всеми расходами сумма распределялась между вносившими по расчислению. Бой должен был производиться на островах: большом и малом Пешных, Каменном, Камынине и Чертовой шалыге, начиная со второй половины сентября до того времени, пока около островов и шалыг море не покроется льдом. Убитого тюленя должно было свозить на Гогольскую косу, или на другое удобное место, за исключением только кос Стрелецкой и Мокрой и острова большого Пешного. Запрещалось делать склады убитого тюленя на означенных косах для того, чтобы разъездами не мешать входу рыбы в Урал, а на Пешной для того, чтобы не пугать с него тюленя. Гонка тюленя, то есть загон его шумом в расставленные сети, да и вообще всякое употребление сетей на этом промысле строго запрещались, дабы не подать повода к потаенному рыболовству. При самом бое на островах должна была быть соблюдаема всевозможная тишина.

По окончании боя, весь добытый тюлень свозился в Гурьев и главный распорядитель промысла должен был продавать его выгодными ценами; если же не находилось покупателей на месте, а тюленя набито было более 1000 пудов, то дозволялось отправлять его в Астрахань с одним из помощников главного распорядителя, по выбору казаков, но если они того пожелают, то и при поверенном от них. На их издержки назначалось по 3 коп. сер. с пуда отправляемого тюленя. Вырученные деньги делились по паям таким образом: штаб-офицерам по 4 пая, обер-офицерам по 3 пая, урядникам и простым казакам служащим по 2, а отставным и малолеткам, несущим повинность, по 1-му, вдовам же, имеющим на воспитании детей, а также чиновников и урядников, состоящих на внешней службе, по чинам мужей. Вдовам, проживающим с сыновьями, имеющими право участвовать в компании, не полагалось паев, вдовам же бедным, не принадлежащим к вышеозначенным разрядам, по $\frac{1}{2}$ паю, а главному распорядителю в вознаграждение его трудов – 12 паев и помощникам его по 10-ти. Ежели же почему-либо продажа тюленя найдется неудобной, то добыча делилась на тех же основаниях натурой. Забойщики, если участвовали во взносе денег, могли, сверх приходившегося им по найму жалования, получать и следовавшее им число паев. Если тюлень вывозился из Гурьева

куда-либо, кроме Астрахани, то с него должна была взиматься законная пошлина по 30 коп. сер. с пуда.

Эта компания существовала до 1848 года, принося значительные выгоды казакам, в ней участвовавшим. В 1843 году было 127 человек, в 1844 – 235, в 1845 – 168. В год бивали до 11,000 штук тюленя. В 1846 году случилось в одну ночь на большом Пешном убить до 1,300 штук. Несмотря на все это, Войсковая Канцелярия, вопреки прежнему своему мнению, нашла, что лов этот вредит рыболовству и запретила его, а с тех пор этот промысел более не возобновлялся, по крайней мере, не возобновлялся на пользу всех желающих в нем участвовать.

Ф. ЛОВ В ДАЧАХ ИЛЕЦКИХ КАЗАКОВ

26. Илецкие казаки хотя и составляют часть Уральского войска, но находятся на совершенно отдельных правах и в общем владении Уралом не участвуют. Они владеют этой рекой лишь на пространстве верст 70-ти, от Бородинского форпоста до Мухрановской станицы, и производят тут лов также сообща. Вообще лов этот маловажен и производится главным образом с половины сентября по ноябрь крючковой снастью, начиная с верховой части их владений и спускаясь все далее и далее книзу. Преимущественно ловится в то время осетр и шип небольшого веса; их поймают в осень пудов до 1000, которые тут же покупаются приезжими купцами.

Из описанных мной видов Уральского рыболовства видны во всей подробности все утвердившиеся здесь обычаем правила его производства. Должно сказать, что эти правила не остаются только на бумаге, но, по большей части, исполняются во всей строгости на деле. Однако, в него вкрались, преимущественно в некоторых рыболовствах, значительные злоупотребления, о которых я также считаю должным упомянуть, во сколько они мне сделались известны. Злоупотребления эти двух родов: 1) злоупотребления начальствующих лиц – начальников отдельных рыболовств, клонящиеся ко вреду простых казаков, и 2) злоупотребления самих казаков.

1. *Злоупотребления со стороны начальников отдельных рыболовств.* Мы их рассмотрим отдельно по каждому из рыболовств.

а) *На весеннем Курхае.* Главные злоупотребления делаются участными начальниками весеннего Курхайского рыболовства, с полного ведома Войсковой

Канцелярии и Уральского Атамана, которому даются средства награждать безусловно преданных и тем совершенно произвольно распоряжаться всеми делами войска.

Начальник Курхайского участка по праву может выставить, как мы видели, 80 сетей в 3 линии на лучшем месте, по собственному выбору, и сверх того участвовать в лове на общем основании. Не довольствуясь этим, они выставляют по 500, 600 и даже 700 сетей в так называемых *атаманских местах*, столь неизменных, как какое-нибудь живое урочище, и начинающихся с того места, где оканчивается прибрежная отмель и глубина доходит до 6-ти фут, до мест, где глубина делается уже значительной. Места эти слывут у казаков также под именем ворот, потому что рыба, стремящаяся в Урал, преимущественно избирает их (с левой и с правой стороны) для своего прохода. При описании Курхая было уже сказано, что только жребьевые номера считаются хорошими. На вопросы мои, как далеко от берега можно полагать жребии еще выгодными, мне отвечали, что верст на 15, но что по-настоящему хорошими можно только считать те места, докуда хватают атаманские сети. Вслед за атаманами ставят свои сети помощники и берут в свою пользу пространство по соразмерности с местом, захваченным атаманом. Если положим, что начальник выставил 500 сетей, а помощник его вполовину, всего 750 сетей или 250 в ряд, то это составит (по 12 сажень на сеть и по 1 сажени на промежутки) $6\frac{1}{2}$ верст, если же по 700 и 350, то 9 верст. Сколько же достанется после этого хороших нумеров на долю простых казаков? Все это вполне достоверно и в приведенных фактах, по моему убеждению, невозможно сомневаться. Их никто даже и не скрывает, — они совершенно вошли в обычай, и часто случалось мне быть только ненамеренным слушателем рассказов об этом предмете, вовсе не ко мне относившихся. Со всем тем я основываю сказанное мной не на одних словах, но имею и численные данные из достовернейших официальных источников. В 1846 году, когда начальник имел право на выставку только 40 сетей, а помощник его 20, было выставлено ими в 1-м участке 480 сетей, т.е. в 8 раз более против положенного. Потому начальники весеннего Курхая получают в уловные годы на свою долю до 7000 севрюг, что, с добываемой из них икрой, клеем и вязигой, составит по меньшей мере на 7000, а то так и на 10,000 руб. сер. дохода. Поиэтому назначаются в эту должность по большей части члены Войсковой Канцелярии и это считается большой наградой.

Кроме этого, допускаются начальниками Курхайского лова и другого рода злоупотребления, вследствие которых большая часть остающихся, за атаманскими, хороших мест достается богатым казакам. При метании жребия собственно нет подлога или обмана; но богатый казак, действительный хозяин многих номинальных артелей, имеет много шансов получить один или несколько хороших нумеров на какие-либо из

них; на них-то они и приписывают полные жребии и переводят своих доверителей или работников, уменьшая число их в остальных, не получивших хороших номеров, тогда как по правилу артели должны иметь определенный состав еще до метания жребиев и после этого не должны изменяться. Мне известно также, что казаки приносили свои жалобы на такие злоупотребления, но это оканчивалось обыкновенно наказанием жаловавшихся, как ослушников воли начальства.

На осеннем Курхае делается то же, что и на весеннем, но, по маловажности всего этого рыболовства, приносит несравненно меньшие выгоды, почему и начальниками его назначаются лица менее почетные.

b) Второе рыболовство, по важности делаемых на нем злоупотреблений, есть *зимнее неводное*. До дележа рыбы по паям, участные начальники выбирают всю красную рыбу, которая и на этом лове изредка попадает, и крупнейшую из черной, так что в дележ идет собственно одна лишь мелочь, которую почти не стоит иногда везти в Уральск, и бывает, что приезжие купцы скупают одни лишь начальнические доли и уезжают, оставив все прочее самим казакам везти на продажу в Уральск. На пай достается иной раз не более $\frac{1}{4}$ руб. сер., следовательно, за все 6 паев неводному хозяину придется только 1 руб. 50 коп. сер. Злоупотребления, делавшиеся на этом рыболовстве, были столь значительны, что даже в ежегодных инструкциях Войсковой Канцелярии есть постоянно параграф, запрещающий начальникам выбирать себе лучшую рыбу.

c) *На осеннем неводном лове* злоупотребления начальников состоят в том, что вместо 3-х неводных тяг, на которые он имеет право, именно по одной на каждом из трех ближайших к Гурьеву песков, они делают в свою пользу по тяге на каждом из песков, которых, как мы видели, обыкновенно около двадцати. Должно сказать, что на это казаки мало ропщут, потому что тут берется не из наловленной рыбы, а еще из реки. Сверх этого начальники, ездя с песка на песок для осмотра, выпрашивают себе красную рыбу, которую казаки, совесть отказав в просьбе начальника, обыкновенно прячут заблаговременно.

d) *На Севрюжьей плавне* вместо 6-ти положенных начальнику ее плавков у каждого рубежа, они делают их гораздо большее число. Это тоже мало обижает казаков, ибо главное войско по пройденному рубежу уже более не ловит и, следовательно, излишний вылов делается тут уже на счет казаков, рыбачущих сзади войска. Как на этом рыболовстве, так и на осенней плавне дозволяют нередко начальники, вопреки правилам, предписываемым инструкциями, заплывать вперед, во время удара, давая тем некоторым более шансов к хорошему улову, чем другим.

При осенней плавне, сколько мне известно, других злоупотреблений нет; единственные же рыболовства, не представляющие вовсе повода ни к каким злоупотреблениям, — багренье и аханный лов, которые поэтому и составляют еще любимые промыслы казаков, — первое верховых, а второй Гурьевцев.

На зимнем Черхальском лове начальники берут себе лишнее число паев. Между тем как в инструкции на это рыболовство сказано, что начальнику его полагается по одному паю с каждого невода, а в изустных описаниях этого рыболовства, в ответы на мои расспросы, говорили на различных форпостах, что начальники получают по 4 пая с каждого невода, не воображая, что этим выдают бывающие у них злоупотребления, и вовсе не желая выдавать их. Это происходит от того, что казакам не совсем известны все мелкие правила рыболовств, потому что им инструкции не читают, а если и читают, то они ее не слушают, считая всю инструкцию пустой формальностью, которая подтверждает лишь то, что у них издавна ведется обычаем.

Гораздо важнее всех этих злоупотреблений, кроме разве Курхайских, те, которые делаются по поводу тюленьего боя. Несмотря на официальное запрещение его, оно производится тайно в пользу начальника Гурьева Городка. Мне, например, положительно известно, что уже после закрытия тюленебойной компании билось в иные годы, преимущественно на Пешных островах, до 3600 тюленей в год. Полагая кругом по 2 пуда жиру в тюлене и по 1 руб. сер. только за пуд его, получим, не считая самих шкур, 7200 руб. сер. дохода. Расход простирается не свыше 1073 руб. сер., так как люди, употребляемые на это, казенные разъездные. Если даже вычесть по 30 коп. с пуда казенной пошрины, то все же еще более половины означенной суммы будет чистым барышом. Это невольно заставляет сомневаться, не в этом ли заключается истинная причина официального запрещения боя тюленя, после того как сама же Войсковая Канцелярия в 1843 году находила все доводы, приводимые против возобновления его, неосновательными.

2. *Злоупотребления со стороны казаков.* Они состоят в лове рыбы в запрещенных местах, в запрещенное время и запрещенными снастями. Несмотря на пикеты у побережья моря и разъезды, казаки занимаются тайным ловом в море в недозволенное время и даже в заповедном пространстве против устьев Урала, преимущественно крючьями, откупаясь от объездов деньгами. Пойманную рыбу они обыкновенно продают своим же казакам, конечно, за дешевую цену. Крючья, ими употребляемые, достают они, выдирая выставляемые Астраханцами в их же водах, а иногда и сами крадут их из Эмбенских вод. Точат они их на Гогольской косе, или приезжают для этого на суда к Астраханцам же, за Эмбенскую грань, наблюдая лишь, чтобы привозимые ими крючья, не принадлежали тому

хозяину, на чье судно они пристают, ибо Эмбенцы имеют обыкновение замечать каждый свои снасти посредством разного рода узлов, дабы иметь возможность различить их, если буря сорвет их с своего места, унесет и перепутает с чужими.

Чтобы скрыть, где поставлена снасть, они, наученные примером Астраханцев, не делают сверху никаких значков, по которым бы могли сами узнавать места их выставки, а употребляют для этого особое средство. Заметив приблизительно местность, где они положили свои крючья, они привязывают сзади лодки гирю на длинной веревке, которая, волочась по дну, зацепляет за снасть и тем обнаруживает ее присутствие. Но это остроумное средство – обоюдоострый нож, ибо дает возможность и осматрщикам находить потаенные порядки крючьев.

Верховые казаки, весьма сильно заботящиеся о том, чтобы море перед устьями Урала не заставлялось никакими снастями, приписывая, между прочим, и этому оскудение речного лова, всегда жалуются на потаенный лов Гурьевцев. Для удостоверения в справедливости этих жалоб, посылаются ежегодно ревизоры, которым действительно удается большей частью выдирать из воды крючковую снасть. Гурьевцы оправдываются в этих случаях тем, что эти снасти заносятся к ним бурями из Эмбенских и Юсуповских вод, где они общеупотребительны. Действительно, зимой такие отсысы снастей легко могли бы случаться, ибо, будучи утверждены концами на льду, они уносились бы вместе с льдинами. Но зимой в Эмбенских водах никто не ловит, в Юсуповских же если и ловят, то только близ берегов, где отсысов не бывает. Летом же, кажется мне, весьма трудно, чтобы крючковую снасть могло далеко унести, ибо если она и оборвется, то должна перепутаться и, зацепляясь беспрестанно за дно, скоро зарыться в ил, песок или ракушу. Во всяком случае, если и несомненно, что потаенный лов крючками в Уральских водах и производится не одними лишь Астраханцами, но и самими Уральцами, то, однако же, только как довольно редкое исключение и в столь незначительных размерах, что не может иметь никакого ощутительного влияния на вход рыбы в Урал.

В самом Урале в летнее время, когда всякий лов запрещен, кроме лова простыми удочками, на которые красная рыба никогда не попадает, казаки также попадают в тайном лове большими удочками, т.е. крючками, прикрепленными на веревках по несколько штук к кольям, вбитым в дно. Но на это решаются весьма редко при строгости надзора и наказания. Так в 1850 году один казак за такой лов был отставлен от занимаемой им должности и высечен розгами на базаре.

Для совершенного прекращения этого лова были неоднократно делаемы публикации о том, чтобы никто не смел держать у себя запрещенных орудий лова, ни под

каким предлогом, и чтобы те, у которых они есть, выдавали их форпостным начальникам, под опасением строгого взыскания, когда после этого, при имеющем быть осмотре, они у кого-либо найдутся.

Чтобы окончить описание Уральского рыбного хозяйства, мне остается еще сказать об употребительных способах приготовления рыбы и ее продуктов, о способах сбыта и о расходах, сопряженных здесь с рыбным промыслом.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ РЫБЫ И ЕЕ ПРОДУКТОВ

Больших особенностей в приготовлении рыбы и икры в Уральских водах, против способов, употребительных в Астрахани, нет. Но так как тут нет ни ватаг, ни плотов, ни особых мастеров для выделки икры и клея, то всякий, поймавший сам же и выделывает свою добычу, или же тотчас продает свой улов купцам, которые следуют за войском во время ловов и которые уже занимаются посолом и вообще приготовлением рыбы. Поэтому здешняя икра вообще хуже ватажной Астраханской. Рыба же, так как она сама по себе лучшего качества, чем волжская, ценится дороже, по крайней мере, в свежем виде. По отдельным рыболовствам замечаются тут следующие особенности.

Во время Курхайских ловов солят красную рыбу на судах, расстилая для этого рогожи, также как делают Эмбенцы. Больших белуг разрезают на части, чтобы рыба лучше могла просолиться. Во время севрюжьей и осенней плавни, рыболовствующие казаки обыкновенно сейчас же продают пойманную рыбу едущим вслед за войском купцам, которые солят ее тут же на возах.

Балыков делают мало и только из рыбы, пойманной на весеннем Курхае и на севрюжьей плавне. Этим занимаются для продажи богатые казаки, скупающие рыбу. Для собственного же употребления заготавливает их почти каждый казак. Большой частью балыки эти весьма посредственны. Только немногие из торговых казаков, как, например, Щелоков, делают в небольшом количестве балыки отличного качества, далеко превосходящие Астраханские и едва ли уступающие Донским.

Свежей идет рыба только с багренья и аханного лова (черная рыба и с других зимних рыболовств). На багрении, на котором пойманную рыбу сейчас же скупают купцы, распластывают одну икряную рыбу, причем выдирают из нее клей и вязигу; яловую же не порют, а оставляют в ней и клей и вязигу, дабы не портить вида. На аханном лове распластывают и яловую (по большей части белуг) и выдирают из нее клей и вязигу.

Икра паюсная Уральская хуже Астраханской, потому что нельзя готовить ее с таким тщанием как на ватагах, куда свозится рыба в большом количестве, так что разом

набиваются целые бочки, и где особливые мастера имеют всю нужную сноровку и знают в точности какую пропорцию соли должно употребить, смотря по времени года. На Урале же, особливо во время обеих плавней, купцы тут же в поле выделывают икру и часто несколько дней набивают одну бочку, в которой поэтому икра выходит сборная, не одинакового засола. От этого икра эта не может долго сохраняться, не портясь, и не имеет, как говорят, прочности. Икра, выделываемая в море на судах, особливо богатыми казаками, ловящими много рыбы, лучше речной и гораздо лучше Эмбенской. Самая зернистая знаменитая багренная икра не может выдержать сравнения с Астраханской, так называемой конторской, т.е. ватажной. Слава ее в торговле утвердилась должно быть с тех пор, когда в Астрахани еще не было ватажного производства, начавшегося лишь с конца прошедшего столетия. При поспешности багреного лова и при выделке икры на холоде в поле, ей нельзя хорошо стекать, от чего обыкновенно, как только она согреется и оттаяет, отделяется у ней жижа от зерен, да и самые зерна бывают мятые. К тому же, для придачи веса, купцы нередко подкладывают в нее снегу или кусков льда. Исключение по превосходному своему качеству составляет идущая ко двору презентная икра, которая и готовится известным мастером и в особливом для этого устроенном строении, а не на холоде.

Черную рыбу распластывают по спине и, оставляя в ней икру и молоки, солят на возах. На 35 пудов рыбы употребляют от 10 до 12 пудов соли, после чего, когда стечет вытянутый солью из рыбы рассол, остается всего рыбы и соли не более 30 пудов. Таким образом посоленная она и идет в продажу, ибо здесь нет, как на Волге, обыкновения соленую черную рыбу еще провяливать на солнце. Может быть, что самый способ соления на возах заменяет отчасти провяливание.

Соленая рыба, купленная купцами во время лова, по мере наполнения возов, тотчас же отвозится в Уральск, та же, которую казаки сами солят остается на некоторое время у них по домам. Так как ни в Уральске, ни в Гурьеве, ни по форпостам ледников или выходов нет, то рыба и стоит все время на возах под навесами. Казалось бы, что это должно несколько вредить ее качеству, однако, я полагаю, что способ хранения ее на возах, при котором тузлук стекает, но достаточное количество соли остается еще в рыбе, содействует хорошему сохранению ее, так как тут не может заводиться дурного запаха и гнили, как в ларях, в которые в образовавшийся раз тузлук по нескольку раз кладут новую рыбу и которые редко чистят. Всего же более содействует сохранению Уральской рыбы то, что лов и соление происходят здесь только весной и осенью; жаркого же лова, доставляющего всегда рыбу самого дурного качества, здесь вовсе не существует. Известно, что в большие жары, по выражению промышленников, и соль рыбу не берет,

т.е. что разложение идет в ней быстрее, чем соль успевает оказывать свое противогнилостное действие.

СПОСОБЫ СБЫТА И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЦЕНЫ НА РЫБУ И ЕЕ ПРОДУКТЫ

На разных видах Уральского рыболовства существуют и различные способы сбыта.

На Курхае свозят уловленную и приготовленную уже на судах рыбу в Ракушечью пристань, а оттуда уже сухопутьем в Гурьев, где ее и покупают купцы, как иногородние, нарочно для этого туда приезжающие, так и торговые казаки, и везут в Уральск, для чего нанимают казаков же. Цена на рыбу на весеннем Курхае 1856 года была: севрюге от 23 до 40 руб. сер. за 100 штук (по 23 руб. продавался лишь брак). Осетра и белуги ловится на этом рыболовстве очень мало. Икра стоила от 10 до 12 руб. сер. за пуд, * клей по 2 руб. 50 коп. сер. фунт и вязига около 35 коп. фунт.

Во время весенней плавни купцы едут за войском и тут же, по мере того, как кто что поймает, скупают одни рыбу, другие икру. Для нагрузки товара идут с ними, нанятые большей частью у казаков же, воза, которые всегда нанимаются до известного форпоста, в той надежде, что к тому времени, как рыбачущее войско до него дойдет, они иже успеют наполнить эти воза, так что их можно будет обратно отправить в Уральск. Конечно, расчеты эти иногда и не удаются, именно при дурных залогах, так что часть возов приходится отправлять пустыми, по уплате им по уговору. Цена определяется рыбе на счет, обыкновенно на десяток, не на вес, а просто на взгляд. Хотя бы покупалось две, три рыбы, все-таки торгуются о цене на десяток. При этом осетра считают за 2 или за 1½ севрюги. Белуг более продают на вес, определяемый, впрочем, также на взгляд. Икру оценивают отдельно, также на взгляд, и продают сырьем, то есть как она в рыбе, предоставляя выделку ее уже покупщикам. Дают до 1½ целковых за право выпороть икру из севрюги, после чего мясо продается другому купцу. У белуг же выдирают ястыки и вешают вместе с пробойкой. В последние годы стали, однако, и севрюжью, и осетровую икру более продавать на вес. Средняя цена севрюги на этом рыболовстве будет от 30 до 40 коп. сер., осетра от 70 – 85 коп. сер. за штуку, а белуги от 65 – 85 коп. сер. за пуд, икры от 8 до 9 руб. сер. пуд сырьем. Впрочем, как для рыбы, так и для икры, она меняется по рубежам, смотря по уловам. При этом надо заметить, что обыкновенно цена на рыбу уменьшается по мере приближения к морю, что зависит как от изобильнейших уловов, так и от наступления более жаркого времени. Самая же дорогая цена на икру бывает в

* В этом же году продавалась в Астрахани даже Эмбенская икра по 13 р. сер. за пуд. На Эмбе же скупали ее купцы от 9 до 11 руб. сер.

середине лова, в начале же и к концу она дешевле. Так в 1849 году цена доходила за 100 штук севрюги на первых рубежах от 50 до 57 руб. сер., к Гурьеву же она низошла до 23 и даже до 20 руб. сер. Белуг продавали (конечно, в начале лова, ибо после они уже не ловятся) от 50 до 71½ коп. сер. за пуд. Икра стоила от 12 руб. 60 коп. до 7 руб. сер. пуд (цены везде означены здесь на икру сырьем). В 1850 году цена на севрюгу, начиная от 31 руб. сер. за сотню у Харькинского форпоста, дошла у Гурьева до 20 руб. сер. Белуги продавались от 57 до 85 коп. сер. за пуд, икра от 8 и 9 руб. сер., а за икру из десятка икранных севрюг до 6 руб. 28 коп. сер. Клей продавался по 102 руб. 85 коп. сер. пуд, вязига по 11 руб. 42 коп. пуд. В 1851 году продавали от 37 до 30 руб. сер. за сотню севрюг, икру 8 – 10 руб. сер. пуд. В 1852 году брали от 50 и 55 руб. сер. за сотню севрюг (у Каленовского форпоста) до 20 и 22 руб. сер. (у Кандауровского форпоста), а за икру от 10 до 7 руб. сер. пуд. В 1853 году цена за 100 севрюг держалась между 30 и 35 руб. сер.; пуд белужины стоил кругом 86 коп. сер., а пуд икры от 7 до 10 руб. 10 коп. сер. За 1854 год я не имею цен, бывших во время севрюжьей плавни. В 1855 году сотня севрюг на средних рубежах стоила от 25 до 30 руб. сер., икра же от 10 руб. до 11 руб. 71 коп. сер. пуд.

Во время осенней плавни продажа рыбы и икры происходит таким же образом, с той лишь разницей, что тут торговля идет правильнее, ибо во время дневок делаются базары, на которых на рубеже покупают купцы у казаков накануне ими наловленное, тогда как весенней плавней кто что где поймает, то тут же и продает, не в одном каком-либо определенном месте, а по всему пространству, на котором происходит дневной лов. Осенью делается это иначе, потому что, во-первых, холодное время года позволяет долее хранить рыбу не посоленной, и, во-вторых, потому что при лове, который идет ударами, все войско сучено и тут некогда приставать к берегу и торговаться.

На осенней плавне цены гораздо выше, чем на весенней: икра продается до 14 руб. сер. за пуд, осетр до 4 руб. сер. за пуд, а севрюга от 3 до 3 руб. 50 коп. сер. Тут цены не уменьшаются, по мере приближения к морю, ибо холодное время года подымает на нее цену. Притом же, лежа на ятовях, она осенью равномернее распределена по Уралу, чем весной, так что нельзя сказать, чтобы нижние уловы значительно превышали верхние.

С аханного рыболовства, как и с Курхаев, рыба свозится в Гурьев, куда на это время также поезжают купцы, некоторые же богатейшие аханщики и сами отвозят ее в Уральск. Севрюга продается тут до 3 руб. 40 коп. сер. пуд, осетр до 5 руб. 15 коп. сер., а белуга, составляющая здесь главную массу улова, изменяется в цене от 2 до 3 руб. 50 коп. сер.

На багрении рыба скупается точно также, как на весенней плавне, то есть по мере того, как ловится, всегда на взгляд. Купцы, имеющие в этом большой навык,

рассчитывают глазомерно количество икры в рыбе и таким образом оценивают ее. При этом икрающую рыбу только немного взрезывают, чтобы посмотреть не испортившаяся ли в ней икра, что иногда случается. Цена на багрении выше, чем на всех прочих рыболовствах. Осетр продается рублей по 6 серебром пуд; но ежели он весит более 3 пудов, то цена за пуд увеличивается до 8 руб. сер. Севрюге цена от 4 до 5 руб. сер. пуд, икре же до 23 руб. сер. пуд.

Вся рыба, на каком бы рыболовстве ни была поймана, везется, как было уже сказано выше, непременно в Уральск, откуда уже развозится по России и, при вывозе, соленая рыба и икра пошлиной оплачивается, свежая же только перевешивается, за что также определен небольшой весовой сбор. Из этого правила два только исключения, именно: 1) клей и вязигу дозволяется прямо вывозить из Гурьева в Астрахань и 2) рыбу с Узеней везут прямо оттуда в Саратов и Самару, не привозя предварительно в Уральск, что составило бы совершенно лишний провоз. Для очистки ее пошлиной устроена там особливая застава от откупщиков соляного сбора.

Так как провоз рыбы до Уральска, даже той, которая на месте лова уже куплена у казаков, производится почти исключительно самими же казаками, то и это составляет для них статью дохода.

Черная рыба во время обеих плавней обыкновенно тотчас же покупается купцами; но остается на разных форпостах и потом уже в свободное время перевозится казаками в Уральск. Она всегда продается на пуды. С Черхальского морца и с Узеней, равно как и с запорных ловов, казаки всегда сами возят рыбу на продажу; Узенскую рыбу они прямо развозят по разным местам Саратовской и Самарской губерний, не завозя ее в Уральск. Цена на черную рыбу много изменяется по годам и по сортам ее, именно:

Сазан свежий от 50 и 60 коп. сер. до 1 руб. 50 и даже до 1 руб. 70 коп. сер. пуд.

„ соленый от 21½ коп. сер. до 86 коп. сер. *.

Судак свежий от 30 и 40 коп. сер. до 60 и 70, а в дорогие годы и до 1 руб. 43 коп. сер.

„ соленый от 30 и 35 коп. сер. до 50 и даже до 71½ коп. сер.

Лещ свежий от 43 коп. сер. до 71½ коп. сер. и даже до 1 руб. 15 коп. сер.

„ соленый от 23 и 28 коп. сер. до 57 и 60 коп. сер.

Вобла и Чехонь свежие от 9 до 15 и 20 и даже до 57 коп. сер.

„ „ соленые от 4 до 6 и 9 и даже до 20 коп. сер.

Щука свежая от 23 коп. сер. до 58 коп. сер. (ее не солят).

* Эта последняя цена была, например, весной 1856 года.

Карась (преимущественно ловимый на Узенях) свежий от 28 до 45 и даже до 86 коп. сер. пуд.

Самые дорогие из означенных цен на соленую черную рыбу были весной 1856 года, когда по дороговизне овса и потому, что два полка казаков было на внешней службе сверх обыкновенного комплекта, мало было рыболовствовавших на Черхальском морце и на Узенях.

РАСХОДЫ НА РЫБОЛОВСТВО

Так как у Уральцев нет заведений ни для приготовления рыбы (плотов), ни для хранения ее (выходов, магазинов и амбаров), нет многочисленных приказчиков и конторщиков, а сами они большей частью и хозяева и работники, и так как притом и соль у них не обложена пошлиной – почти даровая, то расходы их на рыболовство несравненно меньше, чем в других местах. Их можно подвести под следующие разряды: 1) покупка судов разных величин и наименований, или постройка их домашними средствами и ремонт на них; 2) покупка рыболовных сетей или пряжи, из которой они сами их делают, приготовление багров и вообще принадлежностей рыболовства; сюда же относится постройка запоров; 3) наем рабочих для тех рыболовств, где это дозволено; 4) заготовление овса для корма лошадей, во время зимних ловов; наконец 5) покупка соли, состоящая в одной почти лишь плате за провоз.

1. *Расход на суда и лодки.* Большие суда, то есть кусовые лодки, употребляются только при весеннем и осеннем Курхайских рыболовствах и то, как на баконах, так и в вольных водах, лишь на глуби. Такие суда имеют только богатые казаки, занимающиеся морской ловлей в больших размерах. Они служат не исключительно для рыболовства, но и для торговли, состоящей в покупке муки в Астрахани, как для собственного продовольствия, так в еще гораздо больших размерах для промена Киргизам на баранов. Поэтому капитал, употребляемый на их покупку и исправление, нельзя совершенно причислять к расходам на рыболовство. Кусовая лодка стоит от 150 до 200 руб. сер. Лодки меньших размеров полупалубные или и вовсе беспалубные, как те, на которых ездят на переборку снастей в Астраханских водах, называемые подрасшивными, употребляются также только на Курхаях и стоят от 30 до 50 руб. сер. На самых больших из них также ездят в Астрахань за мукой. Наконец бударки, употребляемые на речных рыболовствах исключительно, а также в морских култуках и по побережью моря для переборки снастей, стоят от 8 до 10 руб. сер.

2. *Расход на рыболовные орудия.* Здесь могут быть означены лишь торговые цены сетей, ибо цену тех, которые казаки сами вяжут в свободное время, определить нельзя. Курхайская сеть стоит, смотря по ширине, от 60 до 90 коп. сер., ахан от 30 до 50 коп. сер., плавная сеть 2 руб. 30 коп. сер., именно заднее более частое полотно 1 руб. 80 коп. и режак 50 коп. сер., ярыга около 1 руб. 50 коп. сер. Невод из частой сети в 6 сажень шириной, считая конец в 7 сажень длиннику, то есть, полагая сажень на посадку, по 60 коп. сер., за 100 сажень будет стоить 60 руб. сер., невода же меньшей ширины пропорционально этому. Таким образом, есть зимние Черхальские невода, которые со всем прибором, т.е. грузилами, веревочными подборами и т. п., стоят не менее 1000 руб. сер. Багор можно положить в 5 коп. сер., много в гривенник. О расходах на постройку запоров общего ничего нельзя сказать. В своем месте были приведены примеры, чего они стоят.

3. *Расходы на наем рабочих.* Работники у Уральцев бывают более из Киргиз; они нанимаются или погодно, для исправления различных домашних работ и в том числе и рыболовства, или же отдельно на известное рыболовство. Тут может быть речь о наймах последнего рода, потому что в первом случае невозможно определить, какая доля из получаемой работником платы приходится ему за его труды по рыбной ловле. Работнику, нанимаемому на Курхай или аханский лов, платят за все время лова: казаку до 17 руб. сер., Киргизу же от 15 до 25 руб. сер. Интересна причина, по которой Киргизам платят дороже. Гурьевцы объясняли мне это так: Киргиз все равно, что лошадь: его заставляешь работать и днем и ночью, он и голод и холод терпит, а своего брата казака совестно заставлять работать без усталости. К тому же Киргизу дают один ржаной хлеб для приварок из рыбы, а казаку – что себе. На севрюжьей и осенней плавне дают казаку (иногородних тут нельзя иметь) за путину от 14 и 15 руб. сер. до 26 руб. сер.* На осеннем и зимнем неводном платят от 2 до 3 руб. сер.

4. *Расходы на заготовление корму для лошадей.* Когда казаки отправляются на зимние ловы: багренье, аханский и черхальский, то должны запастись с собой для лошадей овес и это составляет действительный расход на рыболовство, ибо нельзя сказать, что лошади и дома ели бы овес. Им его не дают и редко дают даже сено, большей же частью ходят они, по местному обычаю, зимой на тебеневке, то есть, разрывая копытами снег, ищут себе сами подножный корм.

5. *Расходы на соль.* Соль у Уральских казаков вольная. Им дано в беспоплатное пользование Индерское соляное озеро, а единственные их расходы на соль состоят лишь в

* Как в наемной плате, так и в цене на рыбу попадают в средних оценках потому такие некруглые числа, что все это определяется на ассигнации, а уже мной переведено на серебро.

том, что не всякий сам ее для себя заготавливает, но покупает у других казаков или у купцов, едущих во время речных рыболовств вслед за войском. При этом платят собственно за один провоз, и пуд обходится не дороже 3 коп. серебра. Для морских ловов в Гурьеве также всегда бывает запасена соль.

Здесь будет у места сказать несколько слов о добывании соли из Индерского озера, на котором я имел случай быть. Озеро это меньше Элтонского и даже Баскунчатского; по словам казаков, сопровождавших меня, оно имеет до 12 верст в длину и до 8 в ширину. Рапы в нем еще меньше, чем в Баскунчатском озере. В него вливается соляной источник, выходящий из-под камней в провальной яме не более, как в $\frac{1}{2}$ версте от своего устья. Вышед из-под камней, он тотчас же опять скрывается под землей и, протекши 3 или 4 сажени как бы под мостом, снова выбивается наружу как из-под свода. Вода в том источнике на вкус почти столь же солонa, как и рапа в озере, так что пить ее невозможно, даже как лекарство. Он издает от себя сильный сернисто-водородный запах и на дне его оседает сера в виде молочно-белого порошка. Кроме этого источника впадает в озеро широким устьем еще речка с пресной водой, которая имеет течение только весной, среди же лета в ней нет ни капли воды. По словам казаков, других притоков озеро это не имеет. От наносимого этой речкой песку, в месте ее впадения, грунт тверд, тогда как во всех прочих местах, как это обыкновенно бывает около соленых озер, побережье его топко и вязко. По устью этой реки въезжают казаки на телегах в озеро, для добывания соли, до туда, где уже нет рапы, которой в озере так мало, что ее не достает на прикрытие всей поверхности ее, и она сгоняется ветром то к тому, то к другому краю его. Въехав на совершенно сухую соляную поверхность, они железными лопатами соскабливают выветрившуюся на поверхности соль и наваливают ее на воза. Здесь не ломают ее кусками, как на Элтоне, ибо не имеют нужды давать себе этого труда, так как эта поверхностная соль снежно-белого цвета и довольно мелка, так что при употреблении ее не нужно разбивать. Соль, находящаяся под водой, особливо по стенкам так называемых провальных ям, наполненных рапой, — вероятно соляных ключей питающих озеро, — состоит из больших весьма правильных и явственных кубов белых, по большей частью непрозрачных. На вид индерская соль лучше и Элтонской и Баскунчатской, чему соответствует и достоинство ее при солении рыбы. Часто казаки, желая забрать с собой побольше соли, чтобы не возвращаться за ней еще раз, наваливают столько ее на свои воза, что лошади трудно бывает везти, и они принуждены дорогой сбрасывать часть ее. Поэтому по всей дороге к озеру, которое лежит верстах в 15 от Урала, рассыпаны кучи соли, показывающие как ничтожна здесь ее ценность.

Я показал здесь только, в чем состоят издержки, которые казаки должны употреблять для производства своего рыбного промысла, как того и требовал характер этого отдела. Исчисление же их общей суммы, во сколько это возможно, найдет себе место в статистическом отделе, куда я отношу все, могущие быть выраженными в числах, результаты Уральского рыболовства, рассматриваемого, как составляющее одно общее хозяйство, и те числовые данные, на которых они основываются.

Рассмотрев в отдельности все стороны Уральского рыбного хозяйства: права казаков на участие в лове, сроки и способы лова, дележ пойманной рыбы, способы приготовления ее и сбыт, наконец, необходимые расходы на производство этого промысла, постараемся определить его экономический характер в двух главных отношениях: добывания и распределения предлагаемого природой богатства. Характеристической чертой первого будет: достижение наивозможно большего улова при наивозможно легчайших средствах и, по возможности, в такое время года, когда добываемый продукт имеет наибольшую ценность, одним словом – наивозможно полнейшее пользование дарами природы, следовательно, то именно, что должно составлять существенное стремление всякого разумного хозяйства, если оно ограничивается пользованием, предлагаемым природой, без заботы о сбережении и увеличении ее производительных сил.

Урал есть единственная в мире большая река, исключительно предназначенная для рыболовства, которому принесены в жертву все прочие услуги, оказываемые человеку текучими водами. На нем нет ни судоходства, ни сплава лесу (по крайней мере, ниже учуга), ни движимых водой мельниц. Во весь год нельзя почти увидеть на нем одной лодки, которая бы плыла не с рыболовной целью. Самый переезд через Урал весьма затруднен. На всем пространстве от учуга до моря, что составит около 500 верст по прямой линии, с извилинами же реки почти вдвое, устроен только один мост у самого Уральска и один паром у Гурьева – два пункта, где бывает значительная мена с Киргизами. Даже Гурьевский паром возбуждает негодование многих, которые считают его вредящим входу рыбы в Урал, потому что пугает ее хлопаньем каната об воду. Если нужно бывает переправиться через Урал с возами, как, например, для отправления весной на Черхальское морце, или для сенокосения по заливным местам левого берега, то связывают две или три бударки, настилают на них вместо помоста – плетень, а на носу и на корме каждой бударки садится по человеку с короткими и широкими веслами, и паром

готов. При таких, можно сказать, даже преувеличенных предосторожностях, рыба находит в Урале до поры до времени полное приволье и совершенные тишину и покой. В море, против устьев Урала, существует заповедное пространство, шириной верст в 80, на котором никогда не ловят рыбы и где ей совершенно свободный ход.

Таким образом, приняты все меры, чтобы как можно более входило рыбы в Урал, где поймать ее и легче, и дешевле, и доступнее каждому, чем в море. И действительно, все, что войдет в Урал, вылавливается в два срока, почти дочиستا. Весной, когда рыба входит в Урал с тем, чтобы скоро уйти из него обратно в море, выметав в нем лишь икру, — медлить нельзя, и мы видели, как севрюжьей плавней и одновременным с ней ловом сзади войска, она вся почти перехватывается на пути. В это время рыба, правда, дешева, да делать нечего, — лова отложить нельзя, но зато много икры, — сравнительно больше, чем в какое-либо другое время года. Что не вошло в реку, то вылавливается, по возможности, в море, вправо и влево от устьев. После этого всякий лов прекращается в море до половины августа, в реке же до конца сентября.

С первого взгляда это запрещение лова в жаркое время года и строгое охранение устьев Урала могут показаться имеющими еще более достоинства, чем сколько имеют его эти меры на самом деле. Может видеть в этом редкий пример предусмотрительной экономической мудрости, принимающей меры к тому, чтобы источник богатства не оскудел и в будущем, и жертвующей для этого частью настоящих выгод; можно подумать, что такое запрещение лова с половины и даже с начала июня, при тщательном охранении устьев, имеет целью дать рыбе возможность метать икру. Такое понятие об этой мере, особливо легко себе составить, если иметь в виду время метания икры красной рыбой в Волге, где оно происходит с конца июня по конец июля. Но, убедившись, что в Урале красная рыба мечет икру раньше и уже с этой целью в июне уже более не подымается в реку, а главное – вникнув в образ производства севрюжьей плавни, мы должны будем оставить эту лестную для предков нынешних Уральцев мысль. В установлении правила не ловить рыбы в летние месяцы мысль о метании рыбой икры не имела ни малейшего участия уже потому, что по понятиям казаков, которые они, без сомнения, наследовали от своих предков, красная рыба хотя и мечет икру в Урале, но как бы случайно, — по их мнению не здесь главное для этого место, а в море, по прибрежью; да притом же думают они, что из выметанной в реке икры мальков не выходит, для чего будто бы нужно присутствие солодковой воды взморья. Наконец, если бы даже казаки имели ясное и верное понятие о метании икры красной рыбой, то и в таком случае упущение части своих выгод, с целью благоприятствовать размножению ее, было бы с их стороны неправильным экономическим расчетом, а самопожертвованием – несправедливостью к самим себе, ибо

они знают и знали, что красная рыба не живет в Урале, а только на время входит в него, как и во все другие реки, и что, следовательно, и выведшаяся в Урале рыба расходится по всему морю и, выросши, подымается по всем его притокам. Таким образом, им не могло быть непонятным, что своими оберегательными и охранительными мерами они принесли бы лишь пользу другим, сами участвуя в ней лишь в самой ничтожной степени и меняя верное на неверное, — этого, конечно, ни требовать, ни ожидать от них нельзя. И теперь введение охранительных мер, которые бы содействовали размножению красной рыбы, лишь в том случае будет справедливо, когда распространится на все притоки Каспийского моря.

Какая была цель введения рассматриваемых нами мер в Урале и для чего так тщательно оберегаются устья его — мы уже видели. Что же касается до прекращения лова в летнее время, то цель этого состоит главнейше в том, чтобы дать время рыбе улечься на ятовях, дабы потом легче ее выловить и притом в такое время, когда она будет иметь большую ценность; опасности же, что она обратно уйдет в море, как весной, теперь уже не существует. Есть на это прекращение лова еще и другая, второстепенная побудительная причина. В июле и в начале августа казаки занимаются кошением сена, которое, при обширности их скотоводства, необходимо заготавливать в большом количестве на зиму. Дозволение рыболовства в это время или всех бы их отвлекло от необходимого для них занятия сенокосением, или предоставило бы все выгоды рыболовства в это время в руки лишь некоторых и преимущественно богатых, которые могли бы заставить работников косить на себя сено.

С наступлением осени, в течение ее и зимы Урал исподволь вылавливается дочиста в другой раз; спешить при этом им не нужно. В это время рыба не уйдет обратно в море, а учуг обеспечивает их в том, что она выйдет из их владений и вверх по реке. Что осталось в море, то попадает в аханы. Таким образом, Урал составляет как бы громадный вентерь, которого крылья побережья моря и ряды сетей, выставляемых вдоль баконных линий. Что в этот вентерь вошло, то уже назад почти не возвращается, а составляет верную добычу казаков. Каждая запорная старица в отношении к Уралу то же, что Урал в отношении к морю. Весной, при большой воде, когда рыбе свободный вход и выход, вылавливают по старицам, что могут; но как только спадает вода и открывается возможность отрезать ей отступление, то делают запоры. Все лето остается тут рыба нетронутой по тем же причинам, как и в Урале, и вылавливается зимой.

Итак, Уральцы вполне достигают целей, которые мы обозначили, как одну из характеристических черт их рыбного хозяйства: вылавливать из своих вод наивозможно большее количество рыбы, два раза в год вычерпывая всю рыбу из Урала, — вылавливать

ее самими легкими, дешевыми и доступными для каждого средствами, покровительствуя преимущественно речному лову охранением речных устьев, — наконец сохранять, во сколько лишь это возможно, рыбу как бы в садке до того времени, когда она получает наибольшую ценность, запрещая летний лов.

По отношению к распределению улова, Уральское рыбное хозяйство представляет другую характеристическую черту, состоящую в возможно равномерном пользовании выгодами рыболовства всеми казаками, с отдаaniem преимущества тем из них, которые несут государственную службу, так что те, которые не находятся на ней в действительности, пользуются преимуществами в лове, за что вознаграждают деньгами действительно служащих. Уральское рыболовство составляет таким образом в сущности и в понятиях казаков материальное основание их государственных повинностей, точно так же, как для крестьян земля, распределяемая между членами сельских общин. Как тут, так и там несомая в пользу государства повинность освятила коренной исконный обычай.

Равномерность в распределении выгод между всеми достигается различными способами, смотря по способам производства различных видов рыболовства и по свойствам употребляемых на них орудий. На тех рыболовствах, как, например, на багрении, на обеих плавнях и на аханном лове, на которых употребляются простые орудия, как то: багор, бударка с недорогой плавной сетью или ярыгой, или несколько еще дешевлеших аханов, что доступно по своей цене почти каждому, даже самому бедному, каждый берет себе из предлагаемого природой долю, соответствующую его отважности, искусству, неутомимости в работе или счастью. Богатство имеет тут весьма мало значения, ибо в названных речных рыболовствах всякое участие рабочих не войскового сословия строго запрещено, на аханном же лове хотя и дозволено, но очень ограничено, а наем рабочих из казаков на все эти рыболовства затруднителен, ибо всякий из них имеет не только право, но и возможность участвовать в них самостоятельно. На тех же рыболовствах, где употребляются дорогостоящие невода, как на осеннем и зимнем неводных, на обоих Черхальских и на Узенских, которые не всякий может иметь, улов делится по паям, известное число которых, сверх приходящихся каждому за его труд при тяге, полагается тому, кто сделал полезные для всех издержки на невод. Определение наибольшего числа неводов, которые могут быть употребляемы, как при лове в заборных старицах, или назначение числа рабочих, меньше которого нельзя иметь при неводе, как на осеннем и зимнем неводном и на Черхальских ловах, полагают границу числу или величине паев, приходящихся на долю богатых, то есть хозяев неводов, с тем, чтобы пай эти могли доставаться большему числу казаков — работников, участвующих в лове лишь одним своим трудом.

Только два вида морского рыболовства весенний и осенний Курхай, образовавшиеся уже в позднейшее время, когда правила устанавливались уже не чисто обычным путем, на основании коренных, всеми разделяемых понятий о пользовании общей собственностью, сообразно выгодам большинства, не подходят, к сожалению, под эти народные экономические понятия, представляя слишком много выгод богатым в ущерб беднейшим, о чем было сказано в своем месте. Поэтому и не любят их казаки.

По всем вероятностям, однако же, при установлении правил Курхаев, не имелось в виду намеренно покровительствовать немногим богатым на счет остальных. Это сделалось само собой, вследствие изменений в самом способе казацкого рыболовного законодательства, ибо Войсковая Канцелярия – присутственное место, подобное всякому другому, не могло быть проникнуто прежним духом казацкого товарищества, руководившим их мирские сходки, или так называемые казацкие круги, на которых между прочими делами, без сомнения, были обсуживаемы, изменяемы и, наконец, окончательно утверждаемы и их рыболовные постановления.

Аханное рыболовство, также образовавшееся одновременно с Курхайским весенним, избежало его неудобств по самой сущности способов производства этого лова, о чем было уже упомянуто в своем месте. Черхальский лов также принадлежащий к числу позднейших Уральских рыболовств, по свойствам своим, слишком похож на Уральские неводные ловы, чтобы можно было установить для него правила на каких-либо иных основаниях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	1
I. Естественные условия Урала и прилегающей к нему части моря.....	1
II. Метание икры и некоторые особенности в образе жизни рыб в Уральских водах	18
III. Уральское рыбное хозяйство.....	27
А. Главные рыболовства	42
1. Весеннее Курхайское рыболовство.....	-
2. Весеннее севрюжье плавное рыболовство.....	48
3. Осеннее Курхайское рыболовство.....	57
4. Осеннее плавное рыболовство.....	-
5. Осеннее неводное рыболовство	60
6. Багренья	64
7. Аханное рыболовство	70
8. Зимнее неводное рыболовство	74
Б. Побочные рыболовства	77
9. Неводной лов в 3-м участке весеннего Курхая	-
10. Лов по полоусовым старицам и запорным водам весной	78
11. Весеннее Черхальское рыболовство	-
12. Осенний Черхальский лов	-
13.	
14. Осеннее и зимнее Узенские рыболовства.....	79
15. Осенний лов в морских култуках и проранах	80
16. Зимнее Черхальское рыболовство	82
С. Свободные рыболовства	83
17. Лов в запорных старицах	
Мелкие зимние рыболовства	87
18. Лов блесной от Каленовского форпоста вниз по Уралу	-
19. Лов сижамы от Бородина ввоза вверх до Илецких дач	88
20. Лов сижамы от Уральска вниз до Старой Ямы	-
21. Лов блесной, удочками, сижамы и баграми по всему Уралу после окончания большого багренья	-
22. Благовещенское багренья	89
23. Лов у Уральского учуга.....	-
D. Экстраординарные рыболовства	90
E. Тюлений бой	91
F. Лов в дачах Илецких казаков	92
Злоупотребления со стороны начальников отдельных рыболовств	93
Злоупотребления со стороны казаков	95
Приготовление рыбы и ее продуктов	96
Способы сбыта и первоначальные цены на рыбу и ее продукты	98
Расходы на рыболовство	100

В конце статьи – карта в формате А3 - не сканирована.

^a В настоящем издании текст работы «Описание уральского рыболовства» печатается по изданию Министерства Государственных Имуществ «Исследования о состоянии рыболовства в России», 1860 г., т.3.